

У 88

УРАЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

30/VI	393	27/IV	1001-09
19/II	42	18/VI	106
9/III	142	28/3	54
18/IV	165	9/9	323
2/II	481		
14/VIII	890		
22/IV	12		12

11366

Настоящий сборник включает часть материалов уральского фольклора, собранных студентами старших курсов историко-филологического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Записи и работа со сказителями производились с 1944 г. по 1948 г. в следующих районах Урала: Каменск-Уральском, Белоярском, Первоуральском, Лысьвенском, Махневском, Пышминском, Каслинском, Камышловском, Нижне-Сергинском, Красноуфимском, Кушвинском, Серовском, Сухоложском, Богдановичском, Шадринском и Ревдинском.

Большое внимание уделялось нами фольклору советского периода (песням, рассказам, пословицам и поговоркам, частушкам, загадкам), а также тем произведениям дореволюционного фольклора, которые не только сохранились в памяти людей старшего поколения, но и широко используются местными хорами и кружками художественной самодеятельности. Конечно, не все записи равноценны в идейно-эстетическом отношении. Лучшие из них принадлежат студентам В. Кукшанову, В. Курбатовой, В. Горяеву, А. Шильниковой, Г. Копытовой и Л. Кругляшеву — энтузиастам-собираателям, обнаружившим в процессе работы большую любовь к народному творчеству.

Вступительная статья и комментарии к сборнику написаны доцентом Уральского государственного университета М. Г. Китайником.

Ему же принадлежит общая редакция сборника.

В. М. Мухоморов,
Свердловской области

УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО УРАЛА

Великая Октябрьская социалистическая революция дала, по словам В. И. Ленина, «...прекрасный размах... народному творчеству»¹. И это вполне естественно, потому что она освободила народы нашей страны «не только социально, физически, но и эмоционально, интеллектуально» (М. Горький).

После Великой пролетарской революции народное творчество вступило в новую фазу своего развития. Изменения, которые произошли в нем за последнее тридцатилетие, следует рассматривать, с одной стороны, по линии отмирания традиционных жанров, оказавшихся в противоречии с новыми формами жизни и идеологии и, с другой стороны, по линии рождения социалистической народной поэзии.

Наряду с этим, в современном устно-поэтическом репертуаре сохранились и отдельные виды дореволюционного фольклора, воплотившие «чаяния и ожидания народные», революционный протест народа против социального бесправия, его оптимизм и гуманизм. Советский народ — строитель социализма — осуществил завет В. И. Ленина о том, что старый фольклор нужно «про-

¹ В. И. Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 376.

смотреть под социально-политическим углом зрения»¹ и отобрать из него все актуальное, сохраняющее идейно-воспитательную силу в наше время.

В связи с тем, что материалы по уральскому фольклору последних тридцати лет фрагментарны и охватывают лишь небольшое количество районов Урала, мы проследили указанные процессы в основных чертах.

1. После Октябрьской революции быстро отмирали, прежде всего, религиозно-магические виды старого фольклора, порожденные примитивными условиями хозяйственной жизни, бессилием народа объяснить и преодолеть стихийные природные бедствия и социальный гнет, а также тысячелетней проповедью христианства.

В дореволюционных записях уральского фольклора обряды и другие виды магически-заклинательной поэзии занимали большое место. Здесь, помимо тенденциозного подхода к устному творчеству дворянско-буржуазных фольклористов, в известной мере, сказалось и истинное положение вещей. Вспоминая свое детство и юность, которые прошли в глухих местечках Урала, П. П. Ермаков писал: «С ранних лет наши головы забивали рассказами о всякой нечисти. В нее верили все — малые и большие. По их представлениям, нечистые обитали повсюду: в подполье — голбешный суседко (домовой), во дворе — дворовый, в бане — банный, в лесу — леший, в воде — водяной, в горах — горная матка»².

В отдельных районах Урала все это еще усугублялось реакционной проповедью кержаков-раскольников, культивировавших в своем устном творчестве мистику и идею ухода от социальной борьбы. Раскольничьи мотивы проникли и в горнозаводский фольклор³.

Но народ даже в условиях подневольного труда преодолевал в своем устном творчестве религиозно-магический элемент, о чем свидетельствуют многочисленные уральские песни, сказы и сказки, сатирически обличавшие идольский культ и жертвоприношения туземных народов, а также «деяния» христианского духовенства.

¹ См. воспоминания В. Бонч-Бруевича, «Ленин о поэзии» в хрест. по русскому фольклору Н. Андреева, (Л. 1938 г.).

² П. П. Ермаков, «Воспоминания горнорабочего», Свердловск, 1947 г., стр. 18.

³ См. П. С. Богословский, Рукописная традиция в шадринском фольклоре. «Пермский краеведческий сборник», Пермь, 1924 г., вып. 1.

Октябрьская революция создала условия для полного отмирания религиозных предрассудков. Годы величайшей реконструкции страны и внедрения в сельские и промышленные районы передовой техники, поднятие общего культурного уровня населения, антирелигиозная пропаганда, где известную роль сыграл дореволюционный антиклерикальный фольклор — все это способствовало постепенному отмиранию таких жанров, как календарный обряд, заговоры, духовные стихи, гадания и т. п. Вполне естественно, что когда на колхозных полях появились мощные тракторы и комбайны, отпала надобность гаданий об обильном урожае. Интересны в этом отношении наблюдения над устно-поэтической традицией Камышловского и Каменского районов старейшего уральского краеведа И. Я. Стяжкина. Он обследовал указанные районы трижды: с 1899 г. по 1914 г.; с 1938 г. по 1940 г. и с 1944 г. по 1947 г. В дореволюционных записях И. Я. Стяжкина, частично хранящихся в Свердловском областном архиве, духовные стихи, заговоры, гадания, календарные обряды и песни отличались обилием вариантов и сохранностью. В повторных записях, сделанных им в тех же районах, нет ни одного духовного стиха. Заговоры сообщали старые люди исключительно по памяти. Они не имели уже бытового применения. Календарный обряд не сохранился полностью даже и в памяти стариков. Ряд календарных песен перешел в детский фольклор и здесь превратился в игровые песенки. Наконец, в 1944—1947 гг. из всех видов обрядового фольклора И. Я. Стяжкин зафиксировал в Камышловском и Каменском районах только свадебные песни. Аналогичную картину наблюдали студенты Уральского государственного университета в Белоярском, Первоуральском, Каслинском, Красноуфимском и других районах Урала.

Помимо религиозно-обрядового фольклора, утратили интерес в настоящее время и многочисленные пословицы, поговорки, загадки и другие произведения, отразившие фатализм и косность патриархальной жизни и труда. Плачи и причитания, в которых некогда исступленно проявлялись народная скорбь и горе, держатся только в памяти престарелых людей, как воспоминания о «мерзостях жизни» прошлого. Элементы исступленного горя звучат и в рекрутских песнях, вошедших в наш сборник. Но весь раздел этих песен записан студентами исключительно

по памяти стариков и помещается нами как материал, имеющий историческое значение. Рекрутские и солдатские песни касаются не только жизни солдата царской армии, но и близких ему людей родного дома. Используя традиционные образы сырого дуба, торной дорожки, одиноко кукующей кукушки, рекрутская песня глубоко реалистически рисует все перипетии царской службы, финал которой часто приносил солдату смерть.

До революции горнорабочие и крестьяне Урала были оторваны от театральной культуры. Профессиональный театр, и то преимущественно антрепренерский, существовал только в Екатеринбурге, Перми и Ирбите для господствующих сословий. Народ же довольствовался своим театром, демократическим по характеру и тенденциям. Еще с XVIII в. во многих районах Урала инсценировались народные драмы «Царь Максимилиан», «Женитьба Пугачева», действие которой изображало женитьбу Пугачева на Устинье Кузнецовой — героине многих южноуральских преданий. Драма привлекала огромную толпу зрителей. Самой популярной на Урале, как и в других областях России, была народная драма «Шайка разбойников». Атаман — герой драмы, подобно Степану Разину в исторических песнях, обращался к «голи кабацкой» — к угнетенному и обездоленному люду, с призывом восстать против «силы царской и знати боярской».

Социальная и культурная революция, вызвавшая в жизнь сотни драматических кружков и подчинившая интересам трудового народа профессиональный театр, привела к отмиранию доморощенных зрелищ. Драмы, напечатанные в «Дореволюционном фольклоре на Урале» В. Бирюкова, записаны собирателем от участников дореволюционных народных представлений. Текст «Шайки разбойников» нашего сборника также не имел сценического воплощения в советское время. Он создан уральской сказительницей К. С. Копысовой на основе традиционной драматургии, бытовавшей на Урале в конце XIX в., и по своему содержанию и форме в значительной мере является фактором ее личного творчества.

Процесс отмирания тех или иных произведений дореволюционного фольклора в советское время не следует понимать упрощенно. Как известно, и обрядово-заклинательная поэзия отразила стремления русского крестьянства облегчить свой труд и условия материальной жизни.

а такие, например, жанры, как народная драма, помимо этого давали еще простор для выражения активного протеста и классовой ненависти народа. Эти идеи нашли дальнейшее развитие в советском фольклоре, только на более высокой основе опыта пролетарской революции и социалистической жизни.

2. Материалы, собранные студентами Уральского государственного университета за последние 4 года, дают также представления о том, что из дореволюционного фольклора еще сохранилось и питает интерес современных уральских песенников, сказителей и участников многочисленных организаций местной художественной самодеятельности.

По широте бытования из традиционных жанров обращает на себя внимание, прежде всего, песенная лирика. Она зазвучала по-новому в наше время и приобрела глубокий идейно-эстетический смысл. Совсем неслучайно то поистине огромное впечатление, которое оставили у слушателей уральские хоровые коллективы на Всесоюзном смотре сельской художественной самодеятельности, проходившем в Москве зимой 1947—1948 гг.

По словам Б. В. Асафьева, «...область русской протяжной песни, действительно, является одним из высших этапов мировой мелодической культуры, ибо в ней человеческое дыхание управляет интонацией глубоких душевных помыслов»¹.

В нашем сборнике представлены основные виды уральской песенной лирики.

Свадебные песни в настоящее время исполняются в большинстве случаев как обычные проголосные песни. В промышленных районах они встречаются довольно редко. Так, например, в Михайловском и Нижне-Сергинском заводах студенты университета во время летней экспедиции 1948 г. отметили только одну песенницу, знавшую свадебные песни. В сельских районах их помнят только люди старшего поколения, которые еще совсем недавно инсценировали свадебный обряд², стремясь показать молодежи «национальную оперу», воплотившую «духовную

¹ Б. Асафьев, «О русской песенности», журн. «Советская музыка», 1947 г., № 3.

² Инсценировка свадебных обрядов в период 1944—1947 гг. имела место в Камышловском, Каменском, Белоярском и Первоуральском районах.

мощь русского народа», и вместе с тем «неприглядную историческую долю многострадальной русской женщины»¹ в прошлом.

Некоторые свадебные песни возникли в пределах самого Урала. Такова, видимо, величальная песня «Не разливайся, мой тихий Дунай» (см. гл. I, № 34), проникнутая уральским колоритом. Создатели свадебных песен использовали также в качестве отдельных символических образов и сюжетных мотивов особенности местной природы. «Чужа дальна сторонушка» переносится в местной песне «во темный лес да во рамень»². Еще чаще встречается в ней тема гор. «С высоты едет жених, на высоте живет невеста, и расположен ее двор родительский»³. Леса и горы иногда выступают как символ «чужих людей», «жениховской родни», вызывающих у девушки «тоску-кручину». Отмеченные черты местной обработки произошли еще до революции. В настоящее время свадебные песни теряют былую эпичность, символический смысл и мотивизацию. Блекнет и их величальная основа, что свидетельствует об утрате интереса к этому виду песен и неизбежности их отмирания.

К свадебной поэзии близки по своей тематике *семейные песни*, хотя они редко прибегают к сопоставлению внутреннего мира действующих лиц с явлениями природы, символики и т. д. Бесправие женщины при патриархальном укладе крестьянской жизни отразилось в таких темах семейных песен, как выдача девушки замуж за «неровнюшку», старика или недоростка, деспотизм мужа, издевательства над женщиной со стороны свекра, свекрови, деверей и т. д.

Героиня семейных песен не мирится с этим положением и всевозможными средствами оказывает активный протест. Она убегает от нелюбимого старого мужа к милому («Во лузьях было, во зеленых лузьях», «У всех-то мужья молодые...»), не выполняет трудную работу, данную ей свекром — рвет кросна, сжигает овин и уходит к подружкам на игрище («Под яблоней, под кудрявою») и

¹ Слова Д. Н. Мамина-Сибиряка о свадебных обрядах и песнях г. Чердыни, см. ст. «Старая Пермь», «Вестник Европы», 1899 г. т. IV, стр. 87—88.

² Рамень — глухой, непроходимый лес.

³ Пономарев. «Что поет про себя Приуралье», «Сев. вестник», 1887 г., № 11.

даже убивает мужа-недоростка («Отдает меня тятенька замуж»)¹. В семейных песнях поэтому нет характерных для свадебной лирики интонаций скорбного плача.

Семейные песни держатся не только в репертуаре старых песенниц, но и привлекаются местными хорами, что обеспечивает им большую живучесть, чем песням свадебным.

Еще в большей мере бытуют сейчас на Урале старинные *любовные* песни, опозитизировавшие неиссякаемую глубину и искренность душевных чувств русского человека. Отдельные любовные песни созданы на самом Урале. Такова, например, песня «Городки-то у нас да разве селые», воссоздающая колоритный образ Чусовских городков и подгорной реки².

Особенно популярны в обследованных нами районах следующие любовные песни: «Под кушетчатым окошечком» (девушка мечтает о встрече с милым); «Ты заря ли, моя зоренька» (встреча возлюбленных); «Стало солнышко из-за лесу выходить» (девушка тоскует об уехавшем молодце); «Никогда тоски не бывало» (девушка объясняется молодцу в любви); «Красна девица сидела под окном» (молодец изменил девушке) и др.

По тематике к семейным и любовным песням близки шуточно-плясовые и игровые песни, только здесь они имеют иную трактовку и мело-ритмическое звучание. В эмоционально-возбужденных напевах шуточно-плясовых песен искрится смех, ирония, издевка, «все шевелящее и хватающее за живое» (Гоголь).

Говоря о степени сохранности на современном Урале старинных народных песен, следует, помимо местной устно-поэтической традиции, учитывать и роль других факторов, способствующих этому — эстраду, радио, сборники песен и т. д. Популяризация народной классики зачастую приводит к возрождению отдельных песенных текстов, исчезнувших из местного фольклора.

Раздел *исторических песен* нашего сборника охватывает немногие события исторического прошлого русского народа.

Традиционная историческая песня на Урале складывалась из песен общенационального и местного значе-

¹ В. Бирюков, «Дореволюционный фольклор на Урале», Свердловск, 1936 г., раздел семейных песен.

² Там же, № 32.

ния. Песни первой группы заносились на Урал приписными к уральским заводам крестьянами, переселенцами, бурлаками, а также создавались на Урале (песни об Ермаке, Степане Разине, Пугачеве и др.). Вторая группа песен дошла до нас в единичных записях. В настоящее время произведения этих двух циклов постепенно исчезают, заменяясь песнями более актуальными и, вместе с тем, более совершенными по своей эстетической значимости. Из эпохи Ивана Грозного в дореволюционных публикациях уральского фольклора приводятся песни о взятии Казани, о женитьбе Ивана Грозного на кабардинской княжне Марии Темрюковне, об убийстве Грозным сына и песни об Ермаке (в основном варианты «Ермак взял Сибирь...» «Древнероссийских стихотворений» Кирши Данилова)¹.

Все эти песни наиболее полно выразили народное мнение об Иване Грозном, как о прогрессивном историческом деятеле и патриоте. На уральской почве они расширили сферу своего бытования. Так, например, варианты о Мастрюке-Кострюке исполнялись на Урале в качестве свадебных наговоров и святочных инсценировок. В тавдинском варианте Кострюк, презрительно относящийся к русскому народу, наделяется фамилией уральского заводчика князя Голицына — «Коструля Голицын».

В нашем сборнике из времен Ивана Грозного приводится только песня «Соловей кукушку уговаривал» (гл. I, № 1) — лирическое воспоминание о взятии Казани в 1552 году. «Ермак и хан Кучум» (гл. I, № 2) — импровизация К. С. Копысовой, не имеющая соответствий в традиционном фольклоре.

Гораздо богаче, чем эпоха XVI в., отразились в уральском фольклоре события, связанные с именем Степана Разина. В отличие от Сибири, Урал находился под непосредственным влиянием вечно мятущегося Поволжья. «Волга и ее важнейший приток Кама, — писал П. Богословский в статье «Песня об Усах», — ...были в волнах клокотавшего злобой и мстью народа». «Камская вольница» принимала участие в революционном движении Степана Разина. Не случайно, что атаманша Фелисата, предание о которой слышал на Косье В. Немирович-

¹ См. В. Миллер. «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.». Пгр. 1915 г. и Н. Ончуков, Три варианта песен о Кострюке. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, Л. 1928 г.

Данченко, перебив царских стрельцов и повесив на берегу Камы оханского воеводу, уходит на Волгу к Степану Разину¹.

После разгрома восстания разинцы бежали в Прикамье. Старинная пермская песня «Стенька Разин» передает глубокую скорбь «сотоварищей» о гибели своего вождя. Аналогичные мотивы звучат и в исторических песнях, записанных в 1947 г. в г. Каменск-Уральском студентом В. Кукшановым (см. гл. I, № 5 и примеч. к нему).

Многие исторические песни Урала, Поволжья и европейского Севера изображают Каму как арену действий разинцев.

Я со Камы со реки да Стеньки Разина сын...

или

Не с Казани я молодец и не с Астрахани,
Не с большого городочка — каменной славной Москвы,
Я со Камы со реки да Стеньки Разина сын.

Сам Степан Разин появляется на помощь к своему «сынку», заключенному в тюрьму астраханским губернатором, «со Камы со реки да со самой *горней* стороны». В варианте, записанном А. Ерошкиным в 1875 г. в г. Екатеринбурге, «сыннок» Степана Разина наделяется чертами былевых героев:

На красно крыльцо восходит — крыльцо зыблется,
Новы-точены балясы рассыпаются.
В новы сени заходит — верхи ломаются...²

В уральском фольклоре углублялись мотивы революционного лиризма и бунтарской идеологии исторических песен о Разине. В песне, услышанной А. Кокосовым в бывш. Камышловском уезде и, возможно, созданной здесь на основе традиционной лирики, «ясен сокол», символизирующий образ Степана Разина, говорит «стаду воронов»:

Уж как пройдет беда моя да со кручиною,
Отрошу, что я свои крылья, крылья быстрые,
Заживлю я свои ноги скорые,
Уж взовьюся я, ясен сокол, выше облака,
Опущуся я в ваше стадо быстрой стрелой,
Перебью я вас, черных воронов, до единого³.

¹ В. Немирович-Данченко, «Кама и Урал», стр. 197—198.

² Вс. Миллер, указан. работа стр. 705.

³ П. В. Шейн, «Русские народные песни», М. 1877, стр. 66.

Ряд песен о Степане Разине, напечатанный в «Русских народных песнях» П. В. Шейна (М. 1877 г., раздел песен о Степане Разине), видимо, создавался на Урале и проникнут эпическим духом былин и лиризмом народных баллад, рисуя несокрушимую богатырскую силу вождя крестьянского движения.

Большое влияние оказали песни о Степане Разине на уральский фольклор пугачевского цикла. К сожалению, он дошел до нас в незначительном количестве вариантов. «Застенки, допрос уводят этот фольклор в подполье, окружают его тайной» (А. Лозанова).

Широкое участие горнозаводского населения в пугачевском восстании аллегорически изображает песня о войне грибов, напечатанная в Пермском сборнике:

Как сказали грузди:
«Мы, ребята, дружны,
Возьмете-ка ружья,
На войну пойдем
И всех перебьем».

Эта же тема в лирическом плане разрабатывается в южно-уральской песне, где возлюбленный девушки:

На литейном на заводе:
Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает,
Емельяну помогает¹.

Пугачевское восстание, охватившее половину существовавших в XVIII в. заводов, наложило глубокий отпечаток на многие жанры уральского фольклора. С образом Пугачева горнозаводский люд связал поэтические мотивы, воплощавшие многовековую мечту русского народа о свободе. В рабочих сказах Полевского завода девка-Азовка охраняет пугачевские клады. Она проникнута глубокой трагической скорбью, знаменующей поражение народного восстания. В реалистическом плане эта же тема воплотилась в горнозаводских плачах. Отрывок одного из таких плачей записала А. Лозанова в 1925 г. в Нижнем Тагиле от жительницы Невьянска:

Емельян ты наш, родной батюшка!
На кого ты нас покинул,

¹ А Бардин, «Фольклор Чкаловской области», Чкалов 1940 г., стр. 114.

Красно солнышко закатилось...
Как остались мы сироты горемычные,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать¹.

В настоящее время песни о пугачевском восстании являются уникальными. Студенческие экспедиции 1944—1948 гг., охватившие большое количество районов Урала и в том числе отдельные районы, находившиеся в орбите пугачевского восстания, не дали ни одной записи песен пугачевского цикла. Но предания о Пугачеве еще живут. Они органически вошли и в «Сказание о Глаше, кержацкой дочери» К. С. Копысовой, в котором Емельян Пугачев, как и в традиционных песнях Урала, выступает борцом против социального угнетения и реакционной проповеди кержаков-раскольников. Бытуют еще сейчас на Урале исторические песни времен Отечественной войны 1812 г., посвященные донскому казачьему атаману М. И. Платову. В песне «Про Платова-казака» легендарные мотивы обобщают героизм и смелость русских воинов. Во второй песне «Похвалялся вор-французский», распевавшейся до революции в Соликамске и записанной в варианте И. Я. Стяжкиным в г. Каменск-Уральске, (см. гл. I, № 9 нашего сборн.), тема легендарной неуловимости Платова уступает место теме о Платове как опытном полководце, побеждающем французское войско благодаря продуманному плану атаки и руководству сражением. Финал песни иронически резюмирует печальный для французов исход битвы:

Мы в Москве-то побывали,
Париж прозевали,
Париж прозевали,
Сибирь спознали.

Другие исторические песни нашего сборника («На горах было Балканских», «Высоко звезда восходила», «На взморье мы стояли») не имеют широкого распространения и записаны случайно.

Редко встречаются сейчас и старинные *рабочие песни* Урала.

Фактически уже к 80—90-м гг. XIX в. дореформенные рабочие песни утратили свою актуальность в среде

¹ А. Лозанова, Песни и сказания о Разине и Пугачеве, 1935 г., стр. 372.

рабочих в силу того, что они не соответствовали новому революционному подъему.

Значительный сдвиг в уральском фольклоре произошел в последние годы XIX в. В сысертской песне «Цапля», записанной П. П. Бажовым, рабочие направляют свои угрозы против всего буржуазно-феодалского строя, олицетворенного песней в образе цапли:

Погоди, проклята птичка,
Подшибем тебе пакли,
Нос на сторону своротим,
Расколотим все мозги¹.

В начале XX в. возникает многообразная устная поэзия уральского революционного подполья. Она распространялась в виде прокламации и листовок, прививая уральским рабочим социалистические идеи². И в настоящее время эти песни бытуют в отдельных промышленных районах Урала, но мы не включаем их в сборник в силу их общеизвестности.

Две рабочие песни нашего сборника (гл. I, № 72, 73) созданы К. С. Копысовой, третья (гл. I, № 3) — имеет в основе какой-то конкретный факт из жизни невянских старателей, хотя он и получил характерную для всех традиционных горнозаводских песен социальную типичность.

Своеобразна судьба сказочного жанра на Урале в советское время.

До революции сказка занимала видное место в публикациях уральского фольклора. Она широко бытовала в сельских и горнозаводских районах Чердыни, Соликамска, Дедюхина, Верхотурья, Шадринска и, особенно, в Кыштымо-Каслинском округе, где были обнаружены талантливые сказители (А. Ломтев, М. Глухов, Е. Савруллин), владевшие богатым репертуаром и специфической системой изобразительных средств.

Постоянный приток рабочего и ремесленного люда, артельные формы работы на рыбной ловле, лесосеках, рудниках, совместная жизнь в бараках и землянках способствовали прочности и постоянному обновлению сказочной традиции на Урале.

¹ В. Бирюков, «Дореволюционный фольклор на Урале». Свердловск, 1936 г., стр. 280.

² См. «Песни уральского дореволюционного подполья», Свердловск, 1936 г.

Вера в сказочные образы и известной мере поддерживалась и своеобразием уральской природы; грандиозностью пространственных перспектив, малой заселенностью края, непроходимыми лесами, озерами с их необитаемыми островками. Постепенно в сказках складывался образ «Урала» — Уральского хребта и его отрогов, куда сказители перенесли действие и все коллизии традиционной сказки. «В Урале, в темных лесах» родился Иван-крестьянский сын, герой сказки о «Незнайке», — пишет Д. Зеленин, — в «Урале» же он встретил огромный дом чудовища-людоеда, в «Урале» происходит все действие сказки «Звериное молоко»: здесь Дар-гора с чудесною лисою и крепость трехсот разбойников с воротами в подземелье; в «Урале» в дубе скрывается невеста-волшебница Ивана-царевича и выходит оттуда змей» и т. д.¹. В «Урале» рождаются герои большинства уральских волшебных сказок. Их жизнедеятельность протекает в среде, причудливо сливающей сказочный вымысел и типические черты дореволюционного уральского быта. Урал придал традиционной сказке жизненную окраску и своеобразием своей природы и быта послужил источником новых чудесных превращений.

Отличительной чертой дореволюционной волшебной сказки на Урале было и то, что, бытуя среди горнорабочих, она органически впитала местные реалистические предания о суровой борьбе первых русских поселенцев Урала с природой, о расточительной роскоши заводладельцев и бесправии подневольного люда. Рабочие предания демократизировали ее, приблизили сказку к местному горняцкому эпосу.

После революции постепенно угасала вера в сказочную фантастику. Творцы нового фольклора так же, как и советские писатели, отказались от мифологизма старой сказки и при изображении человека и общественных отношений все более приближались к методу социалистического реализма.

Волшебные сказки сейчас знают немногие. Е. Клевцова и А. Паршукова (см. г. VII и примечания к ней) хотя и хорошо владеют поэтикой и стилистикой волшебной сказки, однако понимают условность ее содержания. А. Паршукова называет волшебные сказки «ребячьей

¹ Д. Зеленин, «Великорусские сказки Пермской губернии». Пгр. 1914.

забавой», выражая этим мысль, что они утратили интерес для людей старшего поколения.

И совсем другое дело — народные сказки реалистического характера. Сказители охотно рассказывают молодежи антибарские, антипоповские сказки, воспитывая в них ненависть к угнетателям. Студенты Уральского государственного университета записали много сатирических сказок и анекдотов о попах и помещиках в Камышловском, Каменск-Уральском и других районах Урала не только от стариков, но и от колхозников и колхозниц средних лет (см. гл. VII и примечания к ней).

Большой интерес представляет рассказ о четырех братьях (гл. VII, № 1), бытовавший на протяжении многих десятилетий в Михайловском заводе среди лесорубов, углежогов и рабочих металлургического завода. Хотя источник этого рассказа нами не установлен, бесспорно, что содержание его в значительной мере отражает черты местной обработки (условия работы и чудовищную эксплуатацию рабочих на лесосеках, в рудниках и т. д.). Разоблачая разнообразные формы светского и духовного гнета, рассказ «Четыре брата» с самого начала своего появления в Михайловском заводе вызвал резкий отпор со стороны заводской администрации и религиозно настроенного населения. Поэтому он, подобно многим другим вольнолюбивым произведениям фольклора, считался запретным, «тайным».

Большое распространение получили на советском Урале дореволюционные горняцкие сказы и предания. Они вышли из подполья и зажили новой жизнью. «Приезжающего на Урал,— писал Ю. Самарин в 1935 г.,— сразу поражает обширная тематика, огромный размах фольклорного репертуара, от легенд о том, как начали добывать руду на Урале, от переполненных злобой и издевкой рассказов о тульском купце Демидове — родоначальнике эксплуататоров уральского рабочего — до высокохудожественных образцов современной лирики»¹.

Традиционные рабочие сказы и предания, как и другие жанры, вошедшие в советский фольклор Урала, испытали сильное влияние новой идеологии. Это сказалось в том, что в них усилились демократические и револю-

¹ Ю. Самарин, «Песни уральских рабочих» в журн. «Литературный критик», 1935 г., № 10.

2 Уральский фольклор Свердловской области

ционные тенденции, появились новые мотивировки, подсказанные советской эпохой, и, самое главное, сказания о жизни и труде рабочего в прошлом стали постоянно даваться в сравнении со свободной, счастливой жизнью советского народа. Каслинский литейщик И. Мочалин, изложив характерный эпизод об издевательствах заводоуправляющего над мастерами, органически включает в свой сказ тему о воскрешении творческого труда после революции. «Раньше-то нас прозывали,— оканчивает сказ «Цепочка» И. Мочалин,— кусочниками, либо кабинетчиками, а теперь называют художниками! И вот вы шутейно спросили: «А можешь ли ты, мастер, отлить подкову для блохи?». А я отвечу так: «Забыл я теперь, какие есть блохи... в чистоте живем. Но ежели модельку подковы для блохи представить — отолью»¹.

Студенты Уральского университета, побывавшие в 1945—1948 гг. на старинных уральских заводах (Полевской, Невьянский), отметили факт угасания старинного горняцкого эпоса. Он сохраняется лишь в небольших фрагментах, что вполне естественно, потому что этот эпос не имеет реальной питательной почвы. Мечта старинных преданий стала явью.

3. Сразу же после победы пролетарской революции на Урале начал создаваться новый по своему идейному содержанию фольклор. Уральский рабочий — участник боев с Колчаком, вспоминая годы гражданской войны, говорил фольклористам: «Бойцу без песни никак нельзя. С песней умирать и голодовать легче... Старые ни к чему были — свои складывали»².

В нашей научно-критической литературе (работы Ю. Соколова, М. Азодовского) утверждается, что в системе изобразительных средств песни гражданской войны якобы являлись простой переработкой традиционной фольклорной поэтики. Конечно, такие песни, как «Не вейтеса, белые чайки» (пелась на Урале), имитировали городские романсы. Но не они определяли своеобразие вновь возникавшей поэтической традиции. Гораздо ближе стояли уральские песни периода гражданской войны к песням революционного подполья. В этом убеждает песенный вариант «Слышу, слышу песню превосходно,

¹ «Тайные сказы рабочих Урала», «Советский писатель», Москва, 1941 г., стр. 153.

² Газета «Челябинский рабочий», 1937 г., 6 мая.

буржуям бьет последний миг» и многие другие песни, напечатанные в книге В. Абрамкина «Фронтальная поэзия в годы гражданской войны» (М., 1938 г.) и в «Красноармейском фольклоре» В. Сидельникова (М., 1938 г.).

Особенно обращают на себя внимание замечательные уральские песни тех лет — «Ой, да сизы соколы крылаты» и «Большевицкая твердыня» (газ. «Правда», 1937 г., № 53). Как известно, еще в 1918 г., после ознакомления с «Причитаниями Северного края» В. Барсова, В. И. Ленин указал, что старой песне нужно «...противопоставить новую песню. В привычной своей народной форме — новое содержание»¹. «Ой, да сизы соколы крылаты» и «Большевицкая твердыня» органически претворяют советские идеи в народной поэтической форме. Они являются началом рождения социалистической народной поэзии.

По своим идейным мотивам и мироощущению песни, как и другие жанры фольклора гражданской войны, коренным образом отличались от дореволюционного фольклора. Радость борьбы и побед не омрачались в них стоном поработанного народа. Они глубоко оптимистичны, несмотря на то, что изображают суровые испытания и лишения народа в борьбе с белыми бандами и международной интервенцией. Патриотизм фольклора гражданской войны имеет новый характер. Он освещается великим подвигом советских людей во имя победы социалистической родины. И, следовательно, героическое осмысливается и мотивируется в нем иначе, чем в дооктябрьском фольклоре. Это хорошо видно, например, из сказа о гражданской войне сына оханского крестьянина-бедняка В. М. Падорина: «Со всех сторон неприятель, а справа — болото. Что стали бы делать в империалистическую войну? — сдались бы! А здесь — пошли в болото, патроны погрузили вместо хлеба... Вышли!»².

Фольклор уральцев периода гражданской войны отражает беспримерный героизм советского народа, целеустремленность революционного подвига и страстную преданность советской отчизне. С большой эмоциональной силой в нем опозитизирован героический советский народ и его вожди. Образ В. И. Ленина появляется не

¹ См. журнал «Советский фольклор», № 7, стр. 178.

² Н. Брюсова, «Рассказы и песни уральцев о гражданской войне», журн. «Народное творчество», 1937 г., № 1, стр. 24.

только в эпических, но и в лирических жанрах устной поэзии Урала этих лет. Один из замечательных образцов протяжной лирической песни о Ленине записала Н. Колпакова на Южном Урале от старой подпольщицы П. Е. Поскребышевой¹. Песня была сложена ею и ее товарками — женами рабочих в тюрьме, куда их заточили белогвардейцы:

Кабы я была голубка, эх, да кабы я была сизая,
Да сизы крылышки бы я имела,
К дорогому своему Ленину я бы полетела,
Эх, да посидела...
Хоть немного бы я с ним посидела,
Эх, да посидела...
Да все бы я ему про свое горечко, эх, да объяснила...

После гражданской войны в период реконструкции и развернутого социалистического строительства уральский фольклор, как и устное творчество всех областей Союза, достигает замечательного расцвета. Песни, сказы, частушки, пословицы и поговорки утверждают образ нового героя-строителя и хозяина социалистического общества, носителя передовых коммунистических идей.

Пределльно разнообразно творчество советского народа; оно проявляется в произведениях устных и письменных. Особенно наглядно обнаруживает процесс становления и развития новых общественных отношений история частушки после 1917 года.

Дореволюционные крестьянские и рабочие частушки Урала при всем различии их тематики изображали невыносимые тяготы жизни и труда, социальное бесправие и цепь патриархальных предрассудков, наложивших мрачный отпечаток на любовные, семейные и общественно-трудовые отношения людей. Горнозаводская молодежь распевала до революции, например, такие характерные частушки:

На куделечке, на мочке,
На желтом на песке,
Проводила свою молодость
Во горе, во тоске.

Я последний день гуляю,
На отчаянность иду:

¹ Н. Колпакова, «Новые записи рабочего фольклора на Южном Урале», Ученые записки Ленингр. гос. универс. 1941 г., вып. 12, стр. 153—154.

Все лопаты изломаю,
Завтра робить не пойду.

Мы Сибири не боимся,—
У нас каторга своя.
Одного только боимся,—
Подтюремного замка¹.

Революционный период раздвинул рамки старой, преимущественно интимно-любовной, частушки и коренным образом изменил ее мировоззрение. Возникла новая частушка, отразившая крушение старых традиций во всех областях жизни и все перипетии строительства социалистического общества. Образ страдающей и пассивно протестующей девушки сменился в частушке образом героев, активно строящих новую жизнь, что явилось выражением огромных социальных сдвигов, наступивших после 1917 года.

В дооктябрьских песенках Урала личное противостояло общественному, потому что социальное бытие губило все нежное и возвышенное в жизни трудового народа. Советская частушка подчиняет личное общественному или показывает их в органическом единстве, лишенном каких бы то ни было противоречий:

Милый мой руду рубает,
А я вагончики гоню.
Вместе строим, укрепляем
Власть советскую свою.

Необозримо содержание частушек советского Урала мирного периода, но тема свободного творческого труда, безусловно, является в них основополагающей темой. Частушка поэтизирует социалистический труд и формирует нового человека-патриота. Труд в частушках — критерий всего: любви, нежности, счастья, семейной жизни и т. д. Отношение девушки к молодому человеку определяется, прежде всего, его отношением к трудовой деятельности:

Я черемуху ломала,
Листья в речку падали,
Я стахановца люблю,
Лодыря не надо мне.

¹ В. Бирюков, «Дореволюционный фольклор на Урале», Свердловск, 1936 г., стр. 163—164.

Ты, мой милый, подтянись,
На работе не ленись,
За тебя и мне неловко —
Ну, какая это жизнь?

В уральском фольклоре трех сталинских пятилеток ярко выявлены черты советского человека, сложившиеся в процессе созидательного труда и борьбы с пережитками капитализма в личных, бытовых и общественных отношениях.

В статье «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике»¹ В. Сидельников правильно отмечал, что новый фольклор совсем не похож на традиционное народное творчество. Он создается не плакушами, не каликами-перехожими, не знахарками, а грамотными рабочими и колхозниками, для которых устное творчество является мощным оружием социалистической культуры. Даже обращаясь к темам прошлого, советские сказители не следуют старым представлениям и освещают историческое прошлое народа методами искусства социалистического реализма.

На путях к этому новому искусству стоит творчество уральской народной сказительницы Клавдии Степановны Копысовой². До революции Копысова была обычным хранителем и исполнителем устно-поэтических произведений, а также участницей народных игр и инсценировок.

Октябрьская революция пробудила в ней творческую активность, и она стала творцом новых, оригинальных произведений.

Песни, сказания и драмы К. Копысовой органически связаны с традиционным русским фольклором, но, вместе с тем, они не укладываются в рамки старой народной поэзии. Мы искусственно, желая сохранить композиционную последовательность в распределении материала, поместили их в одном ряду с произведениями дооктябрьского устного творчества Урала. Действительно, что общего, например, между исторической песней Копысовой «Ермак и хан Кучум» и старинной уральской песней «Ермак взял Сибирь», напечатанной впервые в «Древнерусских стихотворениях» Кириши Данилова? Тема богатырства и непобедимости русских людей? Но Копысову

¹ «Литературная газета», 1947 г., 29 июня.

² См. «Уральские песни и сказания» Копысовой, Свердловск, 1947 г.

интересует не только это. Она углубляет патриотическую тему, стремится выяснить значение эпопеи Ермака для современности. Поэтому Ермак, отправляясь в царство Кучума, с любовью и восторгом говорит о внуках и правнуках, которым не будет угрожать недруг. Расширяя далее патриотическую тему, Клавдия Степановна включает в нее еще два мотива — мотив о прогрессивной исторической деятельности Ивана Грозного и несметности богатств уральской природы («Ермак и Тура-река»).

Исторические песни Копысовой отличаются от традиционных не только в идейном отношении, но и по своей внутренней структуре и композиции. Песня «Ермак взял Сибирь» — эпически пространная документальная повесть. Не случайно, что предания, которые сформировали эту песню, вошли в уральские летописи XVIII века Иконова и Ремезова. У Копысовой тема покорения Сибирского царства воплощается в страстном лирическом диалоге, исполненном волевых, активизирующих слушателя интонаций («Ермак и Тура-река»), или же в лиро-эпическом сказе, насыщенном социально-психологическими характеристиками действующих лиц и героико-романтическими мотивами («Ермак и хан Кучум»). Совершенно оригинальным произведением является и созданная уральской сказительницей в годы Великой Отечественной войны драма «Шайка разбойников», где, вместо образов лихих «добрых молодцев» традиционной драмы, выступают сознательные народные мстители. Только на основе опыта пролетарской революции и социальной практики советского народа у Копысовой могли сложиться такие ясные идейные установки, такое понимание социальной типичности и многообразных, взаимосвязанных между собою форм светской и духовной эксплуатации трудового народа в прошлом.

Аналогичное мы встречаем и в рабочих песнях сказительницы. Демидовский приказчик Ванька заявляет в своем хвастливом монологе:

Заодно со мною стражники,
Заодно со мной урядники!
Кого надо я сумею подкупить!
Кого надо я сумею одарить!

Глубоким гуманизмом проникнуто «Сказание о Глашененьке» Копысовой. Устами народного вождя Емельяна

Пугачева она разоблачает реакционную сущность раскольников, чья фанатическая проповедь губила в прошлом тысячи людей.

«Сказание о Глашеньке», как и другие произведения сказительницы, основано на рабочих преданиях и исторических песнях Урала, и, вместе с тем, оно является своеобразной социально-психологической поэмой, не имеющей аналогии в дореволюционном фольклоре.

Творцы уральского народного творчества, вместе со всем советским народом, могут сказать о себе словами А. Жданова: «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые вкорне изменили облик нашей страны».

* * *

Великая Отечественная война вызвала мощный поток патриотической народной поэзии. Она звала советский народ к героическим подвигам в тылу и на фронте. Фольклор в эти годы был значительным средством мобилизации и сплочения широких народных масс.

Характерно, что в новогодних письмах и полугодовых отчетах уральцев товарищу Сталину о количестве вооружения и продуктов, посланных на фронт заводами и колхозами Урала, мы встречаем также патриотические песни и частушки, созданные уральцами и воодушевлявшие их в труде. В одних случаях в письмах и отчетах отмечается коллективность создания фольклорных произведений, в других — называются конкретные авторы. Так, например, в полугодовом рапорте товарищу Сталину за 1947 г. приводится песня, созданная стахановцем Алексеем Глебовым¹.

Самоотверженному труду, несущему гибель немецким ордам, посвящены многие произведения уральцев. Одна из популярных песен тагильцев начинается такими словами:

Мастерами из Тагила
Немцам роется могила.

¹ См. сборник «Свердловск», под ред. А. Панфилова и К. Рождественской, Свердловгиз, 1946 г.

Эта же тема часто встречается и в частушках:

На Невьянском на заводе
Я работаю теперь,
Тебе, милый, помогаю
Немцев бить я каждый день.

Частушечный жанр в годы Великой Отечественной войны стал на Урале одним из ведущих жанров фольклора. С глубоким лиризмом частушки рассказывают о постоянной заботе и помощи советского народа армии, о суровых испытаниях и опасностях, которым подвержен боец на фронте и, больше всего, о его мужестве, храбрости, непоколебимой вере в победу.

В годы Отечественной войны активизировалось и творчество уральских сказителей. В начале войны они слагали политические сказы и сказки, в которых отсутствие конкретного сюжета компенсировалось эмоциональной взволнованностью¹. Такова, например, сказка уральской сказительницы Маланьи Пупышевой «Гибель коршуна», изображающая в аллегорической форме неизбежную гибель Гитлера и фашистских армий:

«Задумал однажды кровожадный коршун разорить гнездо соколиное. Защелкал он своим кривым клювом, зашипел по-змеиному, глаза кровью налились. Тяжело поднялся он с костей растерзанной им добычи и, свистя тугими крыльями, полетел ко гнезду сокола... Но не удалось сделать ему свое разбойничье дело. Славный сокол с быстротой молнии взмыл в воздух и набросился на своего врага. Он разорвал тугие крылья коршуна, расклевал его поганую голову. Тут и погиб жадный хищник...

Тоже будет и с поганим иродом-коршуном Гитлером. На спасение нашей Родины поднялись наши дети, внуки, отцы — храбрые соколы»².

Первые же бои, а затем великая сталинградская эпопея, оборона Москвы и Ленинграда дали сказителям богатейший материал для создания нового героического эпоса.

Большое место в репертуаре Урала занимал и фольклор, созданный на фронте, особенно фронтовые песни.

¹ См. Мореева. Творимый эпос. Газ. «Литература и искусство», 1943 г., № 52.

² В. Сидельников, Великая Отечественная война в народном творчестве. Журн. «Славяне», 1943, № 1.

Они разносились по Уралу различными путями — через госпитали, слепых вагонных певцов, а в конце войны — демобилизованными воинами. Студенты Университета зимой 1947 года записали ряд фронтовых песен в г. Каменск-Уральске от работниц Трубного завода. Здесь же они слышали и фронтовые песни от А. Бутаковой и М. Надеиной — исполнителей старинных проголосных и исторических песен.

Фронтвики-уральцы, вернувшись на родину, стремились сохранить свои песни борьбы и побед. В г. Первоуральске на станции Хромпик разведчица 7-й Гвардейской армии Людмила Петровна Семышева часто выступает в клубе с исполнением фронтовых песен о боях под Киевом и Полтавой и т. д. Аналогичное явление зафиксировано в Каслях, Камышлове, Тагиле, Сухом Логу.

Фронтвики-уральцы являются источником и такого своеобразного жанра фольклора, как устные сказы посвященные наиболее ярким и характерным событиям фронтовой жизни. Талантливые рассказчики поднимают частный фронтовой эпизод до больших типических обобщений.

Великая Отечественная война обогатила уральский фольклор замечательными произведениями. Они вошли в золотой фонд уральской народной поэзии и долго еще будут творчески питать ее.

М. Китайник

I. ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ

1

Соловей кукушечку
Уговаривал:
«Полетим, кукушечка,
Во темный во лесок,
Совьем мы, кукушечка,
Тепло гнездышко себе,
Высидим, кукушечка,
Малых детушек:
Тебе кукушатушков,
А мне веселых соловьев».
Так же парень девушку
Уговаривал себе:
«Пойдем, пойдем, девица,
Во Казань-город гулять.
Казань-город веселый,
На горе Казань стоит,
Казаночка-реченька,
Казань медом протекла,
По бережку камушки-
Самоцветики лежат».
«Врешь ты, врешь ты, молодец,
Врешь, обманыва(е)шь меня.

Казань-город скверный,
Под горой Казань стоит.
Казаночка-реченька
Казань кровью протекла,
По бережку не камушки —
Все головушки лежат».

2

ЕРМАК И ХАН КУЧУМ

Ой, да на сопке-то,
Да на Уральской горе
Богатырь стоит кудри зелены,
Не годок ему, да не десятички,
А ему теперь много сотенок.
Сучья малые по оглобельке
К земле свесились хвойной лапою.
Ствол у дерева мечен тамгою¹,
Мечен тамгою — лесной грамотой.
В этой грамоте ясно сказано,
Ясно сказано, да написано,
На толстой коре разрисовано,
Кто в урмане здесь раньше хаживал,
Да посиживал, поговаривал.
У комля, смотри, есть засечечка,
Есть засечечка полумесяцем,
Сам татарский хан ее вырезал,
Просмолил ее восковой смолой.
Он залез, залез да на сосеночку,
Долго он смотрел да на Туру-реку,
А бешмет ему на лоб свесился.
Он, как рысь, сидит, в хвое спрятался,
Затаил в себе злобу лютую.
Видит он — плывут быстры лодочки,
По воде скользят левым берегом.
На корме сидит атаманушко,
Атаманушко, Тимофеев сын,
Ермаком зовут по прозваньицу.
Он поет, поет песню вольную
Про казачью жизнь да раздольную.
Как причалили косны лодочки

¹ Тамга — отличительный знак, клеймо.

Ко крутому да ко бережку,
Сполз Кучумко-царь со вершинушки,
Он татар повел во ложбинушку,
Во ложбинушку-мочежинушку.
Как лиса Кучум в кусты прячется,
Ловит он слова ухом по ветру.
Подошел Ермак ко сосеночке,
Ко сосеночке свеже меченой,
Глубоко вздохнул во всю моченьку,
Взвел глаза свои в поднебесьюшко,
Посмотрел наверх в кудри зелены,
А потом взглянул на реку, на лес,
На горы круты, на Уральские.
Он развел свои крепки рученьки,
Закричал-то он громким голосом:
«Ой, леса, да вы полянушки,
Горы вы круты Уральские
Со рекою многоводною!
Расступитесь, часты лесички,
Расступитесь, буйны травушки,
Укажите путь-дороженьку,
Путь-дороженьку во царствие
Во Кучумово татарское!
Быть Кучумке быть полонену
Ко царю да ко Иванушке,
Ко Иванушке да ко Грозному».
Тут вершина закачалася,
Закачалася тихо по ветру,
Указала путь-дороженьку
Ко Кучумке, злому нехристю.
Обошел Ермак вокруг сосенки,
Поклонился ей в три поклончика:
«Ой ты, дерево долговекое,
Ты ядреное, кондовое,
Передай поклон нашим правнукам.
Мы для них свою жизнь кладем,
Чтобы жить было им привольнее!»
Тут взмахнул-то он да топориком,
Высек он тамгу в три узорчика,
И сейчас она ясно значится,
Затянулась лишь смоличкою
Да смоличкою сосновою.
Прошли годы, прокатились,

Богатырь стоит кудри зелены,
Не забыл да он дорогой наказ.
Шлет поклон большой, низко кланяясь,
Ермаковым всем внукам, правнукам.

3

О СЫНКЕ РАЗИНА

Появляется детинушка,
Незнамый человек.
Поутру рано детинушка встает,
На босу ногу сафьян сапог натягивает,
Свой матерьевый халат на могучи на плечи,
Свою черную фуражку на правое на ухо.
Отправляется детинушка вдоль по городу
гулять.

Вдруг навстречу губернатор, начал
спрашивать его: :
«Ты откудава, детинушка, незнамый человекк?
Ты не сам ли казак,
Не казачий ли сынок?»
«Я со матушки со Волги,
Стеньки Разина сынок!»
Закричал тут губернатор
Громким голосом своим:
«Ух вы, слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы возьмите, посадите
В астраханскую тюрьму!»
Вниз по матушке по Волге
Легка лодочка плывет.
Что во этой легкой лодке
Сам Степанушко сидит,
Важны речи говорит:
«Вы не знаете, ребята,
Отчего же грудь болит?
Будто мой-от сын Ванюша
Во неволюшке сидит.
Приворачивай, ребята,
К астраханским берегам!
Астраханскую тюрьму
Да по кирпичу я раскладу

И тирана-губернатора
В полон к себе возьму!»

4

Ты взойди-ка, взойди,
Да красно солнышко,
Да над горою взойди
Да над высокою,
Над лужаечкой
Да над зеленою.
Не сокол-от летал
Да по поднебесью,
Атаман-от гулял
Да все по садичку.
Он гулял-то, гулял —
Горе рассеивал,
Добрых молодцев
Да пробужживал:
«Вы вставайте-ка,
Да добры молодцы,
Пробуждайтесь
Да от сна крепкого:
Атамана у нас
Больше нету-ка,
Нет Степана у нас
Тимофеевича
Да по прозванью его
Да Стеньки Разина».

5

ПУГАЧЕВСКИЙ КЛАД

На Инышке-то, в светлом озере,
Во стальной воде, да под стеклышком,
Спрятан-скрыт лежит пугачевский клад.
Он давным-давно был там спрятанный,
Он давным-давно там схороненный.
Он схоронен был в темну-черну ночь,
Поздней осенью, в непогодушку.
Говорил больной Емельянушка
Есаулу Салаватушке:
«Спрячь-ко, верный друг, это золото,

Спрячь-ко, верный друг, самоцветики,
Чтоб враги сейчас не подкралися,
Царским псам добро не досталось.
Стая гончих идет по следу,
В горы Ильменя направляется.
Эх, вернуть бы мне силу ратную,
Всех орлов моих, псами съеденных!
Эх, меня они сильно ранили
Под Магниткою во большом бою!».
Пугачев сказал, всхмурил черну бровь
И махнул рукой он невесело.
Люди ратные сели в лодочки,
Понеслись они левым берегом.
Тучи черные низко свесились,
Ветер нес волну с силой посвистом
И бросал в волнах остры лодочки,
И неслись они легче перышка,
И в бортах волна лихо ярилась.
Одна лодочка позамешкалась
В камышах-траве, в тихой заводи,
Где стоял давно старый осокорь.
Каркнул вороном Салаватушко
И толкнул ногой бочку с золотом.
Как силач Бова, упал осокорь
И большой волной был подхваченный.
И с тех пор давно, много-много лет
Стало место то неприметное,
В камышах-траве затерялося.
И с тех пор лежит бочка с золотом,
Бьет волна по ней сизокрылая,
Только с берега ворон каркает —
Стережет добро пугачевское.

6

СКАЗАНИЕ О ГЛАШЕНЬКЕ, КЕРЖАЦКОЙ ДОЧЕРИ

I

Во Уральском, во дремучем лесу,
В своей дальней во заимушке
Уж как жил-то был Аристарх-богач,
Он кержацкий поп, Козел прозвищем.
Как бежал Козел из Керженца
В места новые со камнями,

Со камнями самоцветными.
Нову выстроил он заимочку
И обнес ее он забориком.
И завел собак целу дюжину.
А семья его была махонька:
Он, жена да дочь-красавица,
Уж красавица да писана.
Как груздочек, была беленька,
Как цветочек, щечки аленьки,
А глаза, как незабудочки,
Незабудочки у реченьки;
Руса косынька позолочена,
Позолочена поздней осенью
И покрашена летним солнышком;
Брови черные по лбу писаны;
Кроткокривая и приветлива.
Запоет она песни по лесу,
Колокольчиком разливается,—
Приумолкнут пташечки-касатушки,
Остепенятся звери лютые,
И река журчать остановится,
Солнце по небу низко склонится.
Только лес шумит, подпевает ей,
Тянет ей свою лесну песенку,
Да еще поет про разбойничка,
Про разбойничка Емельянушку:
«Расступитесь леса темные,
Укажите-ко путь-дороженьку,
Укажите вы тропиночку
Удалому добру молодцу».
А когда заснет Глашенька
На шелковой на муравушке,
Лес над нею тихо зыбится
С тихой ласкою, словно нянюшка,
Словно нянюшка желанная.
Коевадни¹ Глашенька
Была в маленькой во горенке,
Вышивала скатерть гарусом,
Расстилала ее бисером,
А тоска схватила за сердце —
Закручинилася по лесу.

¹ Коевадни — однажды, как-то.

Ал подшалочек накинула,
Побежала в лес из горенки.
По тропиночке к родничку бежит,
Где купается черемушка
Там со веточкой в ключевой воде.
Где-то близко сучья треснули,
Где-то близко в уремошнике²,
Глаша в кустики сопряталась,
Прикорнула там, как ягодка,
В баском аленьком подшалочке.
В эту пору по тропиночке,
По тропиночке ко ключику
Добрый молодец путь держал.
Соловьём-то он посвистывал,
Был он ростом-то коса сажень,
Богатырь в плечах, словно Муромец,
Серы глазыньки больно зоркие.
Одна сторона у головушки чисто выбрита,
По другую сторону кудри черные
Все извилися из кольца в кольцо.
Идет ходко он по тропиночке,
Мешок один на загорбышках,
И поет-то он свою песенку
Про тяжелу жизнь, про каторжну.
Подошел-то молодец к светлой реченьке,
Зачерпнул воды во фуражечку.
Глянул он во кустарничек,
Видит там красавицу
В алом писаном подшалочке.
Из рук выпала фуражечка —
Видит он такую девицу,
Видит он такую писану.
Осмелела сразу Глашенька,
Протянула белу рученьку:
«Ты куда идешь, добрый молодец,
Без ружья идешь, без топорика?»
Скинул-снял свою он котомочку,
Подошел к ней, низко кланяясь,
И тихохонько сел с ней рядышком.
Про себя сказал, как раньше жил,

¹ О(у)рема, о(у)ремошник — поемный лес и кустарники по берегам рек.

Жил в заводе он во Шемахинском,
Робил сызмала там он слесарем,
А потом стал кричным мастером.
«Тяжело жилось мне от барина,
Тяжело жилось от приказчиков.
Как рабочие взбунтовались
И сожгли в доме управителя.
А царица обозлилася
За слугу-то пса управителя.
Казачи лихи понаехали,
Били палками, били розгами,
Много сослано было в каторгу,
Было в каторгу, во Иркутску тюрьму.
Из тюрьмы-то той убежали мы,
Поломали там все решеточки.
Я иду в завод ко родителям,
А потом пойду к Емельянушке,
Ко большому атаманушке».
Тут заплакала красавица,
Жаль ей молодца бесправного,
Злыми людьми обиженного.
«Уж ты добрый, добрый молодец,
Поживи-ко ты у батюшки,
Задержи-ка ты у матушки,
Поработай во работничках.
Только тятеньке не сказывай,
Что в лесу с тобою виделись,
Что мы виделись, словом молвились,
А нето тебе не бывать у нас».
Только слово она молвила,
Как собаки вдруг залаяли,
Грозный оклик им послышался.
Поклонилася тут красавица —
Снежным комушком растаяла.
Тут кержак с собакой выскочил:
Черны волосы под скобочку
Гладко-нагладко зачесаны,
А глаза его змеиные,
Как у полоза рубчатого.
И давай кержак допрос чинить:
«Почему в лесу ты шляешься?»
И смекнул тут парень-молодец,
Он заветы вспомнил девицы:

«Кержаков ищу я по лесу,
С ними я хочу молиться.
Надоела вера новая,
Все порядочки антихриста».
Как взыграло сердце радостью
У попа у Аристархушки,
Что нашел еще раскольника.
«Ты иди ко мне, детинушка,
Будешь ты моим работничком.
Славить будем веру старую,
Веру старую, кержацкую».
И с тех пор пошел Алешенька
К Аристарху в услужение.

II

Месяц там он был работничком
И терпел он жизнь кержацкую.
Но держала только Глашенька
Своей ласковой улыбочкой,
Русой косынькой золоченой.
Раз сидела дочка Глашенька
В светлой горенке растворенной
Со геранью на окошечке,
Вышивала платье бисером,
Шелком с плисом отороченным.
Как пришла туда к ней матушка
Посидеть у дочки в горенке,
А отец уехал с золотом
На Ирбитскую на ярмарку.
Вдруг заплакала красавица,
Взговорила своей матушке:
«Почему же я, злосчастливая,
Век должна сидеть во горенке?
Я, как пташечка во клеточке,
Без людей сижу, без солнышка!
Больно мне горька неволюшка,
Стены горенки не милые!
Ни сестрицы нет, ни братика,
Никакой мне нет подруженьки!»
Утешает мать гостинцами,
Принесла ей мятных пряников
И орешечки каленые,

Пирожки с черемушкой,
Самоцветиков насыпала,—
И лежат они на столике,
И в глазах играют радугой.
«На-ко, на-ко, мое дитяtko,
На, возьми, родная доченька».
Отмахнулась рукой Глашенька,
Еще горше разрыдалась:
«Я до золота не падкая,
До каменьев не охотница.
И не надо много платьев мне,
Все-то сласти мне приелися.
Ты скажи, скажи, родна мамонька,
У отца пошто я в немилости,
Чем я богу провинилась?
День и ночь молюсь во горенке,
В клетку спрятали золоченую,
Опротивело мне моление!
Ох, откройте-ко мои дверочки,
Отпустите-ко из неволюшки!»
Снова Глашенька запечалилась,
Вся слезами-то да обливается.
Не стерпело сердце матери,
Начала она тайну сказывать:
«Дочка милая, давным-давно
В скит отдать тебя хочет тятенька,
Чтоб постриглась ты во монахини».
Застонала Глашенька,
Заметалась по горенке
И от страху подкосилась,
На полу лежит без памяти.
Долго мать возилась с дочерью,
Мятой голову натерла ей
И святой водой побрызгала.
Лицо Глашеньки бледнехонько,
И лежит она бездыханно.
Убежала мать из горенки
Стряпку Аннушку выгаркивать,
Во дворе-то был Алешенька,
Стругал доски, стругал новые.
Как услышал вопли страшные,
Он метнулся живо в горенку,
Взял он девицу за рученьки

И прильнул к устам малиновым,
А рукой погладил волосы,
Словно шелковую травушку.
Тут очнулася красавица,
От стыда ей стало совестно.
А потом она заплакала
Со слезами со горючими
И сказала о судьбинушке,
Что родители наметили.
А работник принахмурился,
Кулаком он стукнул по столу:
«Не бывать тому, красавица,
Чтоб ты сделалась монашкой!
Я спасу тебя, зазнобушка,
Я спасу тебя, лебедушка!
За себя тебя посватаю.
Все кругом мне опостылело,
Без тебя нет в жизни радости!»
Как возрадуется Глашенька,
Щеки маком загорелися,
Засверкали глаза солнышком.
Взяла перстень из шкатулочки,
Подала она работничку:
«Люб ты, люб ты мне, Алешенька,
Я хочу, чтоб ты был суженым»,—
Со стыдом она промолвила
И кольцо надела на руку.

III

В это время лай слышался,
Где-то крикнул Аристархушка.
В сенцы бросился молодец,
Чтоб не видели во горенке.
Стала Глашенька веселая,
Глаша прыгает по горенке,
Словно птичка на свободушке.
А кержацкий поп во сеночках
Звонким золотом позвякивает.
Жена встретилась и слезы льет,
Занеможилась-де доченьке.
Постояв, кержак нахмурился:
«Ничего, вот выбью хворь,

Будет в окна к парню пялиться!»
Жена в ноги повалилася,
Просит доченьку помиловать.
Бражку медову поставила,
На перину спать положила.
И уснул кержак во горенке
На перине да под пологом.
Прилетели сны, как дьяволы,
В ад помчали душу грешную
За грехи за Аристарховы;
Посадили во пучилушко
Пекло жарено, каленое.
Парят, парят черти веником —
Веник весь горит во полыме.
А потом они иголками
Стали тыкать в Аристархушку:
«Согрешил ты, Аристархушка,
Много сжег людей ты со свету,
Кержаков своих молельщиков!»
Стонет, воеет Аристархушка,
Спину гнет он в три погибели.
Слышит крики, слышит страшные:
«Яко быть тебе сожженному,
Не оставить в жизни отпрыска!»
Аристарх тут просыпается,
Он упал перед иконами,
Стал просить у бога милости:
«Дочь отдам я на сожжение,
Искупи грехи мне, господи!»
Ночью долгою молился все,
Рядом черти все мерещились.
Как выиграла ала зоренька,
Разбудил он своего работника:
«Запрягай долгушку парюю,
В скит поедем в Стары Ельники».
Крикнул он жене со злобою:
«Снаряжай свою красавицу,
Мы поедем на моление,
На престол, в Большие Ельники!»
Побелела мать берестечком,
Но перечить побоялася.
Поднялась она ко Глашеньке
В светлу горенку веселеньку,

Где так сладко пахло мятою
И милисовой травкою.
«Ты вставай, родима доченька,
В скит поедешь на моление,
На престольный Ильин праздничек.
С вами едет Алексеюшка,
Молодой-то наш работничек...»
Мигом Глаша взвеселилася,
Занялась она нарядами.
В платье новое со бархатом
Нарядилася красавица,
Сверху новенький подшалочек,
На ногах у ней ботиночки,
Черны новые, шагреневы.
«Не тужи ты, мила мамонька,
Что ты слезно убиваешься,
Не на век тебя покинула,
Всего-навсего на праздничек.
Не дадут меня в обидушку,
Со мной едет милый тятенька
И Алеша-добрый молодец».
Зазвенели колокольчики,
Кони бьют землю копытами.
Дочка с матерью прощается,
Говорит на расставаньице:
«Не тоскуй, родима мамонька,
Скоро с тятенькой воротимся,
Привезем тебе гостинчиков!»
«Эй, садись скорей на козлы ты,
Что с подпругою замешкался?
Тиховат же ты, работничек!»
Алексей на козлы влез,
Понукнул кнутом лошадушек,
Побежали лихо лошади
Мимо домика дороженькой.
На крыльце стояла мамонька,
Вся слезами обливаясь.

IV

Ехали молельщики
В путь-дорогу дальнюю,
И бежит дороженька

По лесу дремучему.
Сидит Глашенька веселая,
Руку в пазуху засунула:
Там лежит мешочек с золотом,
С дорогими самоцветами —
На прощанье мать ей сунула.
Хватит с милым обвенчаться,
Убежать далеко из лесу
От лихого от родителя.
Думушку придумывал
Поп кержацкий, едучи:
Замолить как господу,
Откупиться дочерью,
Сделать свою Глашеньку
Христовой невестою.
Думал думушку Алешенька:
Как добраться бы к Емелюшке,
Там найти защитушку
От попа кержацкого.
И у всех-то разные
Были свои думушки.
И бегут, бегут лошадушки,
Солнце низко к земле клонится.
Миновали быстры реченьки,
Заливны луга душистые.
Пошли горы, пошли ельнички,
Пошли темные пихтарнички.
Ночь застала их в листовянике,
У большой горы Медведихи.
Взошли кони на пригорышко,
Они встали, словно вкопаны:
Вся дорога загорожена.
Вышли из лесу молодчики —
Пугачевские разбойнички.
Они крикнули, они гаркнули,
Сами бросились к лошадушкам:
«Эй, боярева, вылезайте-ка,
На честной на суд, на расправушку!»
Козел пятился, топором махал:
«Ах, грабители, окаянные,
Душегубы вы, злые нехристи!»
Пуще прежнего разбойнички обозлилися.
Как набросились, навалилися,

Быстры рученьки были скручены,
Быстры ноженьки крепко скованы,
Затолкали в рот травы с паклею
И ведут на суд к Емельянушке,
Справедливому атаманушке.
Емельянушка у шатра сидит,
У шатра сидит, где костер горит,
Он на креслице позолоченном
И резьбой вверху отороченном.
А на нем кафтан, как у барина,
Перед ним стоят блюда жарены,
Бочки винные хмелем пенятся.
Для гостей у них приготовлены
Петли весят на листвяночках.
Во полон ведут Алексеюшку.
Подошел к нему Салаватушко
И взглянул ему в очи ясные:
«Алексей, тюрьма во Иркутске был?
Помнишь, друг моя, со мной сиживал?
Ты не враг моя, а кунак моя!»
Он обнял его правой рученькой,
Посадил с собой на кошомочку.
Алексей поднял смело голову
И сказал тогда атаманушке:
«Люди добрые, люди ратные!
Буду братом вам, буду по веку.
Не обидьте вы мою девицу,
Мою Глашеньку нареченную».
А отец ее во кустах лежит,
Он веревками перевязанный,
Отпустите вы душу грешную,
Душу грешную, окаянную».
Тут Емелюшка встал со креслица,
Садит гостя он на ковер к костру,
Говорит ему таковы слова:
«Не обидим тебя, добрый молодец,
Окрутим тебя со невестушкой.
Буду сам я вам крестным батюшкой».
И зажглись костры красным полымем,
Тушей мяса много жарилось;
Выливали вино во бокальчики,—
Величают жениха со невестушкой.
Заиграла тальяночка с переборами

Песню свадебну застольную.
Как запела Глашенька —
Все разбойнички не шелохнутся.
Песня пташкою неслась по небу
И манила всех в поднебесьюшко.
Она всех взяла крепко за душу,
Так мила была задушевная.
Песня кончилась — ноги топнули
И пошли плясать по поляночке.
То не парочка лебедей плывет, —
Это Глашенька со Алешенькой.
Он идет за ней, низко кланяясь,
А она ему машет рученькой,
Машет рученькой со подшалочком.
Соскочили все разбойнички,
Плясать начали во присядочку,
Кистенем махать с силой, посвистом.
Сам Емелюшка свистнул соколом
И пошел плясать с душой-девицей.
Лишь отец-Козел у костра один,
Злобно он глядит сизым коршуном.
Он не пьет, не ест — думу думает,
Выкрасть как ему свою доченьку.

V

Нагулялись люди вольные,
Спят вповалочку на траве, в кустах.
Принакрыла ночь черным пологом.
Отец с дочерью в шатре лежат,
Спят под пологом, спят под шелковым.
Как лиса, кержак поднял голову,
Осмотрел кругом, примечая все.
Перед утречком все замолкнуло,
Только храп стоит от разбойничков.
Подползает он к своей дочери.
Спит, во сне она разметалася.
Все ей чудится мил Алешенька
Да любима родна мамонька.
Отец дочери рот платком заткнул,
Связал рученьки полотенцами,
Связал ноженьки красным поясом
И пополз он с ней тихо к лошадям.

Отвязал коня, сел он с дочерью,
Скрылся вправо в лес по тропиночке,
А к полудню был в Старом Ельнике,
Где кержацкий скит в пять домов стоит
Да молеленка со окошечком,
Со окошечком со пузырчатым.
Как приехал поп, люди вылезли,
А одеты все по-старинушке:
У рубах у всех до колен подол,
Черны волосы к плечам свесились,
Борода у них ниже пояса,
Глаза дикие, словно пуганы.
Как у баб сарафанчики,
Сарафанчики косоклиновые,
Становиночки по запяточкам,
Платки черные позаколоты,
Позаколоты в подбородочках.
Все в молеленке они сгрудились
И в охапочку съесли Глашеньку,
Перевязану своим тятенькой.
Мила Глашенька да проснулася,
Слезно молвила она тятеньке:
«Развяжите мне мои рученьки,
Развяжите мне мои ноженьки,
Я воды хочу испить капельку.
Ты не тятенька, а злодей лихой,
Отпусти меня на свободушку,
Отпусти меня из неволюшки!»
Отец крикнул ей страшным голосом:
«Дочка, будешь ты со Христом в раю.
Будет там тебе, дочка, весело!
Эй, вы, братия, дайте хворосту,
Смоляной щепы на разжижечку!»
Все кричит ему дочка Глашенька:
«Развяжи ты мне мои ноженьки,
Отпусти скорей на свободушку!
Ведь, я дочь твоя, твое дитячко!»
Отец слышал все — не откликнулся,
Только он махнул рукой правою,
Ко дверям избы быстро кинулся
И замок закрыл светлым ключиком.
Закричал на всех, что есть моченьки:
«Становитесь под иконами

И молитесь за грехи свои!
Светел день настал искупления,
Сокрушит огонь тело бренное,
В рай пойдете вы с душой радостной!»
Он зажег пучок сухой паклею,
К лику он поднес, ко угодничкам.
Затрещал огонь по иконушке,
Лихо брызнул по сторонушкам.
Молельщики испугались,
По избе они заметались.
Двери толстые крепко заперты,
У окна стоит сам кержацкий поп.
Топчут Глашеньку люди дикие,
Просят выпустить на свободушку,
Бедна Глашенька на полу лежит,
Перед смертынькой молит тятеньку:
«Ой, не жги ты нас, милый тятенька,
Не губи ты нас, мой родименький!»
Голосили все-то бабоньки:
«Ух, как боязно! Близко смертынька!
Все сгорим в огне, как лучинушки!»
А огонь бежал по иконушкам,
Потолок лизал красным полымем,
Тяжкий чад стоял в молеленке.
Вдруг слышался им собачий лай.
Аристарх полез во окошечко,
Мужики за ним бородатые
Трое вылезли на свободушку.
У молеленки с огнем бегают,
Поджигают все сухим хворостом.
Запылала вся молеленка,
Как сухая головешечка.

VI

Ржанье, топот с гор вдруг слышался —
Это ехали добры молодцы,
Добры молодцы да разбойнички.
Подъезжают они ко молеленке,
Алексей Козла взял за шиворот.
Он трясет его, что есть моченьки:
«Ты скажи, скажи, где Глашенька,
Где, скажи ты мне, моя невестушка?»

Поп взглянул рубчатым полозом,
Усмехнулся злобно в бороду:
«Там с огнем она венчается,
К богу в рай пойдет доченька!»
На огонь Алеша бросился,
За ним кинулись разбойнички,
Разметали все по бревнышкам,
Всю молеленку кержацкую.
Алексей нашел там Глашеньку —
Разметались русы косыньки,
Подгорело тело белое,
И слеза засохла в глазаньках,
В ее глазаньках лазоревых.
Алексей припал к головушке
Плакал он слезами горькими:
«Ты прости, голубка Глашенька,
Моя милая невестушка!»
То не дождик с неба падает,
Не былинка низко клонится —
Плачет горько добрый молодец,
Над невестой убивается.
А Емелюшка огневался,
Он попа схватил за бороду:
«Хуже ты лихого нехристя,
Хуже всякого боярина!»
И тогда сказал разбойничкам:
«Ишь, чего они придумали —
Зря людей сжигают со свету.
А пока попа кержацкого
Ну-ка, добры молодцы,
На горячи головни!
Пусть он сам зажарится
На закуску господу!»

* * *

Укатилось много времечка,
Прах попа развеян по ветру.
А на месте, где часовенка,
Стоит еще бугорышек.
Похоронена в нем Глашенька
Женихом своим Алешенькой.
Каждо весну, каждо летичко
Вся могила в алых цветиках,

В алых цветиках красуется.
Пташки малые залетные
Поют песенку о старинушке:
Как жила-была красна девица,
Как жила-была кержакова дочь,
Злым отцом она была сгублена,
Женихом своим похоронена.

7

На горах было Балканских,
Родилась слава о нас.
Ой ли, любо да люли,
Родилась слава о нас.
Мы Балканы грудью брали,
Все враги от нас бежали.
Ой ли, любо да люли,
Все враги от нас бежали.
Все враги от нас бежали,
Пушки, ружья оставляли.
Ой ли, любо да люли,
Пушки, ружья оставляли.
Сам Суворов приезжал,
Нас с победой поздравлял,
Ой ли, любо да люли,
Нас с победой поздравлял.
Нас с победой поздравлял,
Боевой приказ давал.
Ой ли, любо да люли,
Боевой приказ давал:
«Все Суворовски полки
Со мной вместе впереди».
Ой ли, любо да люли,
Со мной вместе впереди
Со мной вместе впереди.
Есю Туретчину пройти.
Ой ли, любо да люли,
Всю Туретчину пройти».

8

Поле наше чистое да турецкое.
Мы когда тебя, поле, пройдем,

И когда чисто прокатимся.
Все бугры наши, дороженьки,
И все места славны-прекрасные,
Все-то рощицы зеленые.
На том поле, на том чистом же
Мы сойдемся с неприятелем,
Со такой ордой неверною.
Со неверной, со турецкою.
На турецкий большой праздничек,
На злосчастный день, на середу
Злые турки собиралися,
Все допьяна напивалися,
Да во хмелю-то спохвалялися:
«Мы Рассеюшку насквозь пройдем,
Граф Пашкевича в полон возьмем».
Вы, ребята, вы, ребяташки,
Русски храбрые солдатушки,
Послужите верой-правдою,
Верой-правдою неизменною.
Уж мы так-то турков встретили,
Уж мы так им злым ответили,
Что бежали без оглядушки
С того поля, поля чистого.

9

Похвалялись злы французы
Всю Россиюшку пройти.
Расстроились, расплакались
Наши сенаторы.
«Вы не пачьте, не тужите,
Нам Платов поможет!»
Едет силушка Российска
Со четыре страны,
Генерал казачий Платов
Со правого флангу.
Он во левой ручке держит
Шелков поводочек,
А во правой ручке держит
Подзорную трубку.
Высматривал Платов
Французскую силу,
Наказывал, приказывал

Своим канонирам:
«Канониры, бомбадеры,
Слушайте приказу!
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не скрывайте!»
Запалил же злой французик
Из пушек картечью,
Генерал казачий Платов
Из казачьих ружьев.
Увидал-то злой французик
Огонь Россейский,
Увидавши огонечек,
Начал убегати.
Мы французика догнали,
Знамя отобрали.

10

Высоко звезда восходила,
Выше лесу, выше темного,
Выше садика зеленого,
Выше городу персидского.
Во персидском было городе
Тут стояла тюрьма новая,
Тюрьма новая, спотюремленная.
Что во той тюрьме невольничек —
Черноглаз Тарас Григорьевич.
По тюремке он похаживает,
Кандалами он побрякивает,
С кандалами разговаривает:
«Кандалы вы мои крепкие,
Переменушки на вас редкие...
Испотерлися мои ноженки
По сибирской по дороженьке».

11

На взморье мы стояли
На германском бережке,
Да на волны мы смотрели.
Как волнуется волна.
Сильный дождичек пошел.

Мы сидим в сырых окопах,
Сверху дождик на нас льет.
На то время по туману
Враг-германец подходил,
Да врешь ты, врешь ты,
Враг-германец,
Тебе неоткуль зайти,
Да у России войска много,
Они могут угостить,
Да угостят свинцовой пулей,
На закуску стальной штык.

2. РЕКРУТСКИЕ И СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

12

Не ковыль-травка шатается,
Шатается добрый молодец
Невеселою сторонушкой.
Жизнь тосклива без батюшки,
Без родимой без матушки,
Без братьев — ясных соколов,
Без сестер — сизых голубушек.
Я не сам сюда попал —
Завела меня неволюшка,
Неволюшка — служба царская.

13

Хотят, хотят добра молодца
На вечерочках поймать.
На вечерочках поймать
И во солдатушки отослать.
Во солдатах служба царская,
Служба царская нам тяжела
И тяжелым-то она тяжелешенька.
В поле дороженька лежит широка,
Широким-то она широкешенька.
И никто по ней не пройдет и не проедет.
Только шли-то-прошли
Новобранные славные рекрута.

Прошли-то мы, добрые молодцы,
Все французские большие города
И не нашли мы, добрые молодцы,
Себе ни матери, ни отца.

14

Как по Питерской-Московской по дорожке
Тут и шли-прошли солдаты молодые,
За ними-то идут мамоньки родные.
Сколь вам, мамоньки, не гнаться-
расставаться,
Всю Россиюшку за нами не избродишь,
Сине морюшко слезами не наполнишь.
Наполнялось сине морюшко дождями,
Что дождями, что дождями, ручеями,
Ручеями, ручеями, ключеями.
Не весел сокол по воздуху летает,
Молодой солдат с квартиры съезжает.
Не отец, не мать солдата провожают,
Провожают, провожают добрые люди,
Добрые люди, добрые люди, красные девки.
Одна девка, одна красна слово молвит,
Слово молвит, слово молвит, речь говорит:
— Кабы мне-то, младой девке, прежнюю волю,
Прежнюю волю, прежнюю волю, златы крылья,
Златы крылья, златы крылья, сизы перья.
Я вспорхнула бы, младенька, улетела,
Где милого-то квартира, тут бы я села,
Тут бы я села, тут бы я села, тут бы я
просидела.

15

Не кукуй-то ты, моя кукушка,
Ой да ли не кукуй ты, моя рябая,
В чистом поле, во лесочке,
Ой да ли на сухом на тоненьком пруточке.
Ой да ли надоели нам частые походы,
Раскрещенски лютые ой да морозы.
Во сапожках резвы ноженьки зябнут,
Ой да ли ко винтовке белы ручки шиплет.
Ой да ли не плачь, не плачь, моя ли да
мамаша,

Ой да ли не рыдай-ко, мой родной папаша.
Ой да ли, может, скоро я мальчик возвращуся,
Ой да ли через двадцать пять годочков
Ой да ли прилечу я ясным соколочком,
Ой да ли я на яблонь ветку сяду,
Запою песню солдатскую
Ой да ли про свое житье-горе несчастное.

16

Во Петропавловской было крепости
Ай люли-люли, было крепости.
Все квартирушки порасписаны,
Все солдатики разоставлены,
Все солдатики одного полка.
Что со вечера приказ отдан был
Со полуночи ружья чистили,
Ко белу свету на строю стоять,
На строю стоять, по ружью держать,
По ружью держать, по крашеному,
По крашеному, заряженному.

17

Вот наша долинушка,
Ничто наша долинушка,
Ничто не породила,
Только родила, породила
Кудреватую рябину.
На рябинушке
На самой вершинушке
Кукушечка скуковала.
Не кукуй-ко, не кукуй,
Горькая кукушечка,
Без того-то нам и так тошно,
Полевым солдатикам.
Нас загнал-то, загнал
Прусский король,
Загнал за иные земли.
Он морил нас голодом смертным —
Не день морил, не неделю,
А ровнешенько три годочка.

Ах ты, поле, ты, мое поле чистое,
 Ты, раздолье мое — степь широкая,
 Ничего ты, поле, не спородило,
 Спородило част ракивов куст.
 На кусту-то сидит млад ясен сокол,
 А под кустом-то лежит молодой солдат,
 Он не так лежит — тяжело раненный,
 В головах у него бел-горюч камень,
 Во руках у него сабля острая,
 Во ногах у него стоит добрый конь.
 Ах, ты, конь, ты, мой конь,
 Ты, товарищ мой,
 Ты беги-ко, лети в землю русскую,
 Ты скажи-ко поклон отцу-тятеньке,
 Ты скажи-ко еще родимой мамоньке,
 Благословеньице малым детушкам,
 На две волюшки молодой жене.
 Споженила меня пуля быстрая,
 Обвенчала меня сабля острая,
 В изголовье моем бел-горюч камень,
 Одеяло мое — заря утренняя.

Как забрили меня, молодца, во солдаты,
 Как обстригли мою буйную головушку.
 Отошлют меня во края далекие,
 Во края далекие, неродимые.
 Поседею-то я во чужих краях —
 Не узнает меня родна мать,
 Не узнает меня молода жена:
 «Это чей старик да ненашинский,
 Гостенек он чей чужестранненький?»
 Уходи ты от нас, непрошенный,
 Уходи ты от нас, непризнанный!»
 Я скажу тогда родной мамоньке,
 Я скажу тогда молодой жене:
 «Тосковал о вас на чужбинушке,
 Вспоминал о вас всяко времячко.
 Не признали вы сына родного,
 Не признала жена мужа милого.

Полысел-то я во чужбинушке,
Я состарился во чужих краях.
Хоть я старый гриб, но домой пришел,
Умирать хочу во родных местах».

20

По горам-горам да высоким,
По долинушкам да широким
Тут ходил-гулял да добрый молодец.
Он ходил-гулял да головой качал,
Головой качал — кудрями потряхивал,
Со своими-то кудрями разговаривал:
«Мне не жаль кудрей, да жаль головушки
своей,

Жаль головушки, своей сторонушки.
Сторона ли ты, моя сторонушка,
Голова ли ты моя да головушка,
Припоенная ли ты, прикормленная.
Прикормил меня родимый батюшка,
Припоила родима матушка,
Полюбила-то меня красна девица.
Полюбивши она да во замуж пошла,
Во замуж пошла да успокоялась:
«Что сидеть ли мне, сидеть
Да вечно в девушках,
Плести да мне, плести трубчату косу».

3. СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

21

Я не чаяла, не ведала,
Да ко мне сваха приехала,
Такая гордая, спесивая.
«Собирайся, голубушка,
Ты на нашу сторонушку.
Уж как наша сторонушка,—
На меду она замешана
И сахаром пересыпана».
«Не обманывай, креснушка,

Уж как ваша сторонушка
На слезах она замешана
И тоскою пересыпана».

22

Отпусти, родимый тятенька,
На широку большу улочку,
На проезжую дороженьку.
Да наглядись, девья красота,
Да на широкую большу улочку,
Да на проезжую дороженьку.
Да наглядися ты, девья красота,
Ты на горы да на высокие,
Ты на леса да леса темные.

23

Покатилась да девья красота
По столу-то столу дубовому,
По скатерочке шитой-бранной,
Покатилась да воротилась,
Среди полу да остановилась.
Ночевать она да просилась:
«Ты пусти-ко, пусти, да красна девица,
Мне не год у тебя да годовати —
Одну ноченьку да ночевати».
Полетела да девья красота
Во чисто поле да во раздольице.
Она села же да девья красота
Что на белую да на березоньку.
Тут не место ей да тут не местечко,
Не житье-бытье да вековечное.
Ее мочит да частым дождичком,
Ее сушит да буйным ветрышком.
Она хочет да вспорхнуть-улететь.
Полетела да девья красота
Во чисто поле да во раздольице.
Она села же да девья красота
Что на горькую да на осинушку.
Тут не место ей да тут не местечко,
Не житье-бытье да вековечное.

Отдает меня мати
 Да раю-раю!
 На чужую сторону,
 Да раю-раю!
 Не велела мне мати,
 Да раю-раю!
 Круглый год в гости быти
 Да раю-раю!
 Прожила девять денечков,
 Да раю-раю!
 На десятый денечек,
 Да раю-раю!
 Я пойду в чисто поле,
 Да раю-раю!
 Во широкое раздолье,
 Да раю-раю!
 Попрошу молоденька
 Да раю-раю!
 Я у пташечки крыльев,
 Да раю-раю!
 У касаточки перьев,
 Да раю-раю!
 У кукушки кукованья,
 Да раю-раю!
 У горюшки гореванья.
 Да раю-раю!
 Полечу молоденька
 Да раю-раю!
 На родиму сторонку
 Да раю-раю!
 Я к родимой мамоньке
 Да раю-раю!
 Уж я сяду молоденька
 Да раю-раю!
 На парадное крылечко
 Да раю-раю!
 Я скукую кукушкой
 Да раю-раю!
 Я сгорюю горюшкой
 Да раю-раю!
 Уж как братец-то вышел,
 Да раю-раю!

Растугой лучок вынес
Да раю-раю!
А сестрица-то вышла
Да раю-раю!
Калену стрелу вынесла
Да раю-раю!
А уж как матушка-то вышла
Да раю-раю!
Слово ласково вынесла
Да раю-раю!
Вы постойте, ребята,
Да раю-раю!
Погодите, молодые,
Да раю-раю!
Не стреляйте кукушку,
Да раю-раю!
Не губите горюшку
Да раю-раю!
Это мое дитя мило
Да раю-раю!
Мое разродимо
Да раю-раю!

25

Разлилась, разлелеялась
По лугам вода вешняя,
Унесло, улелеяло
Три кораблика по морю.
Первый корабль унесло
С сундуками, с окованными;
Второй корабль унесло
Со периной пуховою,
Со подушками пуховыми;
Третий корабль унесло
Со душой-красной девицей
С Натальей Ивановной.
Оставалась мамонька
На крутом славном бережке,
Она кричала-зычала:
«Воротись, моя мила дочь,
Забыла трои золоты ключи,
На аловой на ленточке,
На фарфоровой тарелочке,

Во твоей новой спальне,
На дубовом на столике,
На фабричной салфеточке».
«Не горюй, моя мамонька,
Не одни ключи я оставила,
Позабыла волю тятенькину,
Позабыла негу мамонькину,
Приласканьца братцевы,
Разговоры сестрицыны».

26

Во саду было, во садичке,
Во зеленом винограднике.
Тут мать сына породила,
Спородила его мамонька,
Спородила государыня
Среди сада под кустиком.
Омывала его мамонька
Среди моря на камушке.
Одевала его мамонька
Во батистову рубашечку.
Пеленала его мамонька
В коленкорову пеленочку.
Уж как клала его мамонька
В колыбель позолочену.
Нарекала ему имячко:
«Тебя звать будут Валюшенькой,
Величать будут Артемычем.
Ты расти, расти, дитятко,
Расти умное, разумное.
К добрым людям будь приветливо,
К невестам будь счастливое,
Ко душам красным девушкам».

27

По улице-улице,
По широкой улице,
Ой, люли лёшица
По широкой улице.
Ходил, гулял молодец,
Молодец молоденький

Ой, люли лёшица
Молодец молоденький.
Личиком хорошенький,
Иван-от Иванович,
Ой, люли лёшица
Иван-от Иванович.
Связал свою голову
Шляпою пуховою
Ой, люли лёшица
Шляпою пуховою.
Шляпою пуховою,
Лентою лиловою,
Ой, люли лёшица
Лентою лиловою.
Увидала мамонька
Из высока терема,
Ой, люли лёшица
Из высока терема,
Терема высокого,
Подворья широкого,
Ой, люли лёшица
Подворья широкого.
Дитя, мое дитятко,
Дитя мое милое,
Ой, люли лёшица
Дитя мое милое.
Дитя мое милое,
Дитя игрливое
Ой, люли лёшица
Дитя игрливое.
Что ходишь невесело,
Гуляешь нерадостно,
Ой, люли лёшица
Гуляешь нерадостно.
Родимая мамонька,
Чему ж мне быть веселому,
Ой, люли лёшица
Чему ж мне быть веселому,
Чему ж мне быть веселому,
Чему игрливому,
Ой, люли лёшица
Чему игрливому.
Товарищи женятся,

А все поженилися,
Ой, люли лёшица
А все поженилися.
А я у тебя, мамонька,
Холост, неженат,
Ой, люли лёшица
Холост, неженат.
Холост, неженатый,
Белый, кудреватый!
Ой, люли лёшица
Белый, кудреватый.

28

Как у месяца — золоты рога,
Как у светлого очи ясные.
Как у доброго да у молодца
В три ряда кудри завивалися,
А в четвертый ряд по плечам лежат,
По плечам лежат — ровно жар, горят,
Развиться хотят — жениться велят.
При торгах было, при ярмарке
Соезжались князья, съезжались бояре,
Соезжались купцы да торговщики.
Тут ехали храбрые казаченьки,
Они ехали сдивовалися:
«Ты откуда взялся, добрый молодец?
Не заря ли тебя да породила,
Не светел ли месяц вспоил, вскормил?
Не часты ли звезды взлелеяли?»
«Уж вы, э-хе-хе, люди глупые,
Уж вы, э-хе-хе, неразумные!
А когда заря людей родила?
А когда светел месяц поил, кормил?
А кого часты звезды взлелеяли?
Породила родимая маменька,
А вспоил-вскормил родной тятенька,
Взлелеяли красны девицы,
Красны девицы — мои сестрицы,
С руки на руки меня кидаячи,
Родным братом меня называючи.
Ты расти, расти, братец миленький,
А повырастешь, так женить начнем.

Вы цветы-то, мои цветики,
 Вы цветы мои лазоревые,
 Вас-от много было сеяно,
 Вас немножко уродилося —
 Уродился один алый цвет,
 Один алый цвет, лазоревый
 Свет Иван-то Андреевич.
 У него лицо белое,
 Побелей снегу белого,
 У него щечки алые,
 Поалей маку алого,
 Маку алого, кудрявого.
 У него брови черные,
 Как у черного ворона,
 У него очи ясные,
 Как у ясного сокола.
 У него на головушке
 В три ряда кудри вилися,
 В три ряда кудри вилися,
 Во четвертый завивалися.
 В городах девки сдивовалися:
 «Это что еще за кудерьки,
 Это что еще за русые?
 Не заря ли тебя породила?
 Не светел ли месяц вспоил-вскормил?»
 «Спородила меня мамонька,
 А вскормил сударь-тятенька,
 Навивала кудри девица
 Свет Наталья Ивановна.
 Навивала-приговаривала:
 Когда кудерьки разовьются,
 Тогда мы с тобой разойдемся,
 Разойдемся и не сойдемся».

Белый, кудреватый
 Иван-от Иванович,
 Ой, люли лёшица
 Иван-от Иванович.
 «Женись, мое дитятко,
 Женись, мое милое,

Ой, люли лёшица
Женись мое милое,
Женись, мое милое,
Женись, игроливое,
Ой, люли лёшица
Женись, игроливсе.
Бери, бери, дитятко,
Купеческую дочь,
Ой, люли лёшица
Купеческую дочь».
Родимая мамонька,
Она мне не ровнюшка,
Ой, люли лёшица
Она мне не ровнюшка.
Мне ровнюшка-ровнюшка
Крестьянская девушка,
Ой, люли лёшица
Крестьянская девушка.
Чем она понравилась —
Тихими походами,
Ой, люли лёшица
Тихими походами.
Тихими походами,
Ласками, словами,
Ой, люли лёшица
Ласками, словами.
Ласками, словами,
Черными бровями,
Ой, люли лёшица
Черными бровями.
Та моя ровня —
Черные брови,
Ой, люли лёшица
Черные брови.

31

Черносливчатый яблочек,
Удалой добрый молодец
Алексей свет Васильевич.
Он умел хорошо уродиться
И хорошо снарядиться.
Как его буйна головка

Она умна-разумная,
Как его буйны волосы
По плечам расстилалися,
В три ряда развивалися.
Как его брови черные,
Как у черного соболя.
Как его очи ясные,
Как у ясного сокола.
Как его лицо белое
Примени к снегу белому,
Как его щеки алые
Примени к цвету алому.

32

На горе-горе — 2 раза
На высокой, на крутой
Стоял городок — 2 раза
Город — малина,
Город — калина.
В этом городке — 2 раза
Сила войская стоит — 2 раза
В эту силу — 2 раза
Удалой молодец
Хочет город взять — 2 раза
Во полон полонить. — 2 раза
Брал полонил. — 2 раза
Душу милу девицу.
Свет Парасковью Ивановну — 2 раза
Садилася Парасковьюшка выше всех — 2 раза
Склонила головушку ниже плеч.
Думала думушку крепче всех — 2 раза
Как буду жить — 2 раза
На чужой стороне — 2 раза
Как привыкать
Ко чужой семье — 2 раза
Как буду звать
Свекра тятенькой
Как буду звать
Свекровь мамонькой — 2 раза
Как буду звать
Деверьев братиками.
Как буду звать

Золовок сестрицами.
Убавлю я спеси-гордости,
Прибавлю смиренства и кротости.
Назову я свекра тятенькой, — 2 *раза*
Назову я свекровушку матушкой,
Назову деверьев братиками,
Назову золовок сестрицами,
Я своего друга имечком,
Свет Иваном Васильевичем.

33

Из-за саду, саду конь бежит,
Из-за зелена бур-космат — 2 *раза*
Из высока, нова терема.
Соловей вел соловьюшку,
Молодец-от вел девицу.
Удалой вел красную.
Свет девица от него — во чистое поле,
А молодец-от — за девицей.
Уж я выкошу, вырежу
Во чистом поле траву всю.
А дойду ли я, доступлю
До души красной девицы,
Свет Матрены Тимофеевны.
Свет-девица от него.
Опять от него — во сине море.
Во сине море рыбою.
Свет молодец опять за нею:
«Уж я выведу и выбреду
Во сине море рыбу всю,
А дойду ли я и доступлю
До души красной девицы».
Свет и девица от него,
От него опять во высок терем
К красным девицам.
Свет молодец опять за нею,
Он за нею, за барыней,
За ней, за боярыней.
Он со сватом, со сватьяшкой
За душой красной девицей.
Он взял ее за руку,
За ту руку правую,

И повел ее за столы,
За столы за дубовые,
За скатерти браные,
За яства сахарные,
За питьва медовые.

34

Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не потопляй зеленые луга,
Зелены луга и ковыль-травку.
По этой по травушке ходит олень,
Ходит олень-золотые рога.
Некому оленя подбить-подстрелить,
Подбить-подстрелить и подранити.
Взялся-принялся один господин,
Один господин удалой молодец,
Свет Иван Васильевич.
Ударил оленюшка тросточкою,
Тросточкою серебряною.
Стегнул оленюшка плеточкою,
Плеточкой шелковенькою.
Взмолился ему белый олень:
«Не бей, не стреляй, удалой молодец.
На экое время сгожуся тебе.
Будешь жениться — на свадьбу приду,
На свадьбу приду — я в гостину зайду,
В гостину зайду — все свечи погашу,
Все свечи погашу и рога засвечу,
Рога засвечу — я игры подниму,
Игры подниму — всех гостей взвеселю,
А наособицу красну девицу,
Свет Прасковью да Ивановну!»

35

Как по сеням, по сеничкам,
С по новым сеням решетчатым,
Тут ходила, спохаживала
Молодая боярыня
Свет Катерина Ивановна.
Она сбуживала, спобуживала
Своего дружка милого
Свет Ивана Васильевича:

«Уж ты встань, проснись, } 2 раза
 Милый друг, }
 Пробудися, душа радость моя.— 2 раза
 Оторвался твой добрый конь — 2 раза
 От столба, столба дубовенького,— 2 раза
 От колечушка серебряного,— 2 раза
 От витого позолоченного
 Перескочил через тын в огород,
 Он примял весь зеленый сад,
 Зелен сад, красно вишенье,
 Всю калинушку с малиной,
 Черну ягоду смородину».
 «Не тужи, не плачь, душа-радость моя —
 2 раза
 Свет Катерина Ивановна,— 2 раза
 Наживем с тобой зелен сад,
 Всю калинушку с малиною.
 Мы во садике гулять пойдем,— 2 раза
 Малых детушек с собой возьмем».— 2 раза.

4. ЛЮБОВНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ

36

Уж ты, Глаша, моя Глашенька,
 Из села краса ты девица,
 Как ушла ты за малинушкой,
 В темном лесе заблудилась,
 Заблудилась, пригорюнилась.
 Уж пошто, пошто частый дождичек
 покрапывает?
 Уж пошто, пошто в траве ноги заплетаются,
 Пташки спрятались, насмеваются?
 Как взглянула на рябинушку,—
 Огоньки горят, красны ягодки.
 Ты скажи, скажи мне, рябинушка,
 Где родимая сторонушка?
 Покачнулася рябинушка,
 Указала мне сторонушку,
 Указала мне сторонушку
 На тропиночку на торную,

По еланям ко часовенке,
Где давным-давно ждет молодец,
Поджидает мил-лебедушку.
Изболелось ретиво-сердце
По любимой душе-девице,
По любимой девице Клавдии Степановне.

37

Под кушетчатым окошечком
С золотым веретешечком
Завивала, приговаривала:
«Когда весна, когда красная придет,
Когда талица ударится,
Со угоров снега скатятся,
По лужкам вода разольется,
Мы тогда с миленком сойдемся,
Мы сойдемся-поздороваемся.
Еще нынче беда стряслась:
Сера уточка со двора сошла.
Сера уточка приметливая,
Через крылышко серебряная,
Через два позолоченная.
На головке самоцветный камешок.
Самоцветненький, аленький
Далеко цветок алеется,
Прим¹ дубравы зеленеется,
Прим дубравы не на той стороне,
Не на той на сторонушке,
В сторонушке на базаричке
Была перва покупочка,
Были прянички-орешечки
И золотые конфетички.

38

По бережку ходила молода,
Свежу рыбку ловила для себя.
Увидали ребятушки
И сказали родной матушке.
Родна матушка не лиха, не добра

¹ Прим —напротив.

Никакого ответа не дала,
Призаставила капустку полоть.
Я полю, полю, попалываю,
Сама на солнышко поглядываю,
Высоко ли красно солнышко взошло,
Высоко ли закатается.
Да вечер ко мне милый приходил,
Дорогой перстень в подарок приносил,
Мне подарочек хочется,
Переменушку желаю для себя,
Я желаю, здороваюсь,
Да со милым дружкой целоваюсь.

39

По речке лебедь белая плывет,
Плыла лебедь с лебеденышами,
Со малыми со детенышами.
Плывши лебедь укурнулася,
Под ней вода всколебнулася.
Летят перья на крутые берега.
По бережку красна девица идет
Собирать перья лебединые,
Кладет в шапку соболиную,
Сама к перью приговаривает:
«Нам со батюшкой на подушечку».
По бережку добрый молодец идет:
«Бог на помощь, красна девица-душа».
Она спесива, непокорливая
Не склонилась и не ответила.
«Смотри, девица, спокаешься.
Пошлю сватать — сосватаю тебя.
Ты будешь стоять у кровати тесовой,
Знобить будешь ноги резвые свои,
Сушить-крушить ретиво свое сердце».
Тогда девица склонилась:
«Я не думала, что ты, милый, идешь.
Что идешь, что ты речь говоришь».

40

Ах, голубка, ты, купка моя,
Голубушка сизобастенькая,

Словно кралечка написанная,
Черноброва, нарисованная,
Ко кроваточке прикованная.
Зачем, миленький, не гостишь ко мне,
Не гостишь, милой, не радуешь меня.
Без тебя, милой, постелька холодна.
Одеялышко закуржевело,
Шелковое призаиневело,
Подушечки спотонули во слезах,
У девчонки стали слезы на глазах.

41

Уж ты, бабочка, бабеночка моя,
Чернобровая, хорошенькая.
Уж не ты ли меня высушила,
Присушила мои кудрюшки
Ко моей буйной головушке.
Присушивши, звала в гости побывать.
Побывай-бывай, удамый молодец.
На ту пору разливалась вода,
Затопляла все болота и луга.
Оставался один маленький лужок.
Стосковался по мне миленький дружок.
Не тоскуй-ка, не горюй-ка обо мне.
Я сама ли тому горю помогу,
Через реченьку мосточек намощу,
Намощу мосты калиновые,
Перекладочки малиновые.

42

Уж ты, веюшко, соловеюшко,
Ты не вей гнезда при долине.
При долине вода студена,
Студена вода, водица ключевая.
Есть во тереме девица-мастерица.
Мастерица-девица ковер шила,
Ковер шила-вышивала, завещала,
Что кому этот ковер достанется.
Достается ковер стару мужу.
Стару мужу, ковер, не достанься!
А достанься, ковер, молодому.

Ты, заря ли, моя зоренька
 Вечерняя, полуночная,
 Да полуночная восточная.
 Да высоко заря восходила
 Выше лесу, выше темного,
 Выше садика зеленого.
 Я младшенька по бережку хожу,
 Со воды гусей соганиваю.
 «Кышьте, гуси, кышьте, серы, со воды,
 Вам пора гусям наплаватися,
 Мне младшенькой наплакаться.
 Плакучи сама домой пошла,
 Домой пошла, до мостика дошла,
 До того ли моста калинового,
 Да до калинного, малинного мостка.
 Встречу, встречу мне младшенькой
 Да солдатик молодешенек.
 Не шути-ко, солдат, шуточку со мной,
 Да не загадывай загадочку,
 Да не целуй меня во белое лицо.
 Мое личико разговорчивое,
 Разговорчиво-неуимчивое.
 Приду домой — догадаются,
 С чего лицо разгорелось.

Во Невьянске стоит башня на боку,
 Повалилась на пруд, на реку.
 Я со миленьким расстаться не могу,
 Не могу я такую радость получить:
 Как бы милого в гости залучить,
 Залучить его, попотчевать.
 Я давно его не видывала,
 Голосочку не слыхивала.
 Голосочек ветерочком отдувает.
 Мой-от Ванюшка в гармошечку играет,
 Играет-поигрывает,
 Во гитару выговаривает,
 Про гулянье выспрашивает.
 Ты, гулянье, гулянье мое,

Ты, гулянье кукушечье,
Не кукушечье — горюшечье.
Приходил ко мне молодчик молодой,
Приносил мне подарок дорогой.
Мне подарочка не хочется,
Кавалера любить хочется,
Переменушка желается.

45

Стало солнышко из-за лесу выходить,
Стала Машенька по молодцу тужить.
Чернобровый, черноглазый душа мой.
Моему сердцу приятель дорогой.
Поразил сердце уехал далеко.
Куда едешь — отъезжаешь от меня,
На кого ты оставляешь здесь меня?
Иль на дружка, иль на братца своего,
Дружков нету, братцев тоже не видать
С кем я зимушку-то буду зимовать,
С кем растеплое, разлетичко гулять?
Ты, милая моя, гуляй лето одна.

46

Никогда тоски не бывало,
Как вечер тоска нападала —
Я всю ночь, младешенька, не сыпала,
У тесовые кровати простояла,
Соболино одеяло продержала.
Я ждала дружка, дожидала,
Я насилу миленького дождалася.
На белую грудь милому бросилася.
Я из горницы в горницу ходила,
Я из светлицы в светлицу гуляла,
Золоты ключи я в рученьках носила,
Я во горнице шкапчик открывала,
Всех побольше графинчик выбирала,
На серебряный подносик становила,
Пополнее стакан водки наливала,
Своему дружку приносила:
«Кушай, кушай, друг-надежа, веселися
На меня, красну девицу, не надейся.

Уж я, красна девица, сговорена
За такого за детину, за невежу,
Сговорила меня мамонька родима.
Не ему, глупцу, мной владети,
Мной владеть не владеть милому другу».

47

Ох, вздохи мои, вздохи, растяжёлые мси.
Полетайте, мои вздохи, а куда я вас пошлю.
Разыщите вы милого, я которого люблю.
День я мучусь, ночь страдаю, все покоя да не
сыщу.
Всеми миру для покоя, мне, младешеньке,
ради сна.
Ехал мой милой водою, я, младенька, береж-
ком,
Машет миленький рукою, я, младенька, по-
лотном.
Говорю, сама рыдаю: «Воротись, милый,
назад!»
«Рад бы, рад бы воротиться — мой кораблик
не стоит,
Мой кораблик не стоит, по синю морю бежит».

48

Шел милый дорожкой, дорожкой столбовой,
А я за им девка следочком бегу.
А я за им девка следочком бегу.
Бегу, бегу девка, я голосом кричу
Голоса не слышно — платочком машу.
Розовый платочек от солнышка отцвел,
Розовый цветочек от веточки отпал.
Розовый цветочек от веточки отпал,
Миленький дружочек от девушки отстал.

49

То не ласточка по полюшку летала,
Не касаточка к зеленому припадала,
Про моего дружка весточку сказала,
Будто бы миленький сидит в засаде,
В каменном остроге.

Нету там ни дверей, нету ни окон,
Только есть трубы дымовые,
Трубы дымовые, кверху выводные.
То из тех-то труб дым-то повивает,
У моего-то дружки сердце занывает.

50

Красна девица сидела под окном,
Утирала слезы беленьким платком.
К ней весточка нерадостна пришла,
Будто милый ей неверен больше был.
Он уехал, там другую полюбил,
Об другой стало сердце тосковать.
Пришли девицы подругу утешать:
«Ты не плачь, красна девица-душа,
Во собраньице нас краше красотой,
Добры молодцы любят тебя тобою.
Ты из них можешь любого полюбить»
«Хорошо вам, красны девицы, судить.
Мне во светике такого не нажить...
Чаю, чаю любит миленький меня,
Сердце слышит: не забудет никогда».

51

Все бы я по бережку ходила,
Самоцветные камешки собирала,
Из камешков огонечек добывала.
Не во каждом камешке огонечек,
Не во каждом милом совесть-правда.
У моего-то милого правды нету,
Правды нету, правды нету — знать не будет.
Полюбил парень девчонку, да сам уехал.
Ты не плачь, моя милая, слезами,
Обовью твою головушку цветами,
На праву ручку — колечко золотое,
Золотое, именное — не простое.
Поутру раным-ранешенько вставала.
Завилецкую капусту поливала,
С правой руки колечко потеряла.
Укатилось колечко под крылечко,
Укатилось витое под крутое.

Нелюбимая подруга приходила,
Золото мое колечко находила
И за то-то меня мамонька бранила,
За такого, за невежу вышла замуж.

52

У всех-то мужья молодые,
У меня у одной старичище.
У меня молодой старичище
Со большою седой бородищей.
У меня молодой старичище
Со большою седой бородищей.
Не отпустит меня старичище,
Не отпустит меня на гульбище.
Я от старого уходом уходила,
Цветно платьице в подоле уносила.
У соседа под сараем снаряжалась,
Ключевой водой под горкой умывалась.
Всю я ноченьку младая прогуляла,
С молодыми со ребятами гуляла.
У соседа под сараем рэзряжалась,
Я домой, млада, бежала, торопилась.
Скок-поскок, молода на крылечко,
Стук да бряк молода во колечко.
— Пропусти-ка меня, старичище,
Расседаю большая бородища.
— Где была ты, жена молодая,
Где была ты да с кем ты гуляла?
— Я ни с кем не была, не гуляла,
Я телушку во хлевушку загоняла.
Тут со мною беда приключилась —
Распроклятая вертушка завернулась.
Всю я ноченьку млада простояла,
Всю я ночку на морозе продражала.
— Кабы знал бы, кабы знал бы, отворил бы,
В теплу горенку погреться пустил бы.
— Слава богу, слава богу, обманула
Расседаю большую бородищу.

53

По дорожке по пыльной
Становой едет пристав.

Ох, горюшко-горе,
 Становой едет пристав. } 2 раза
 А за ним письмоводитель —
 Страшный вор и грабитель.
 Ох, горюшко-горе,
 Страшный вор и грабитель. } 2 раза
 Все они едут по важному делу
 По важному делу — по мертвому телу.
 Ох, горюшко-горе,
 По мертвому телу. } 2 раза
 Как у нас в Киселевке оказался убитый,
 Оказался убитый мужик под ракитой.
 Ох, горюшко-горе,
 Мужик под ракитой. } 2 раза
 Становому на ужин
 Провиант свежий нужен.
 Ох, горюшко-горе,
 Провиант свежий нужен. } 2 раза
 Тридцать два поросенка,
 Сорок два индюшонка.
 Ох, горюшко-горе,
 Сорок два индюшонка. } 2 раза
 А становихе на мыло
 По полтиннику с рыла.
 Ох, горюшко-горе,
 По полтиннику с рыла. } 2 раза
 Становой уезжает,
 Его мир провожает.
 Ох, радость, ты радость } 2 раза
 Великая радость.

54

Разливалась уж ты, матушка, ты, широкая
 Тура,

Да потопила все наши зеленые луга,
 Да остается, ой, один, один маленький лужок,
 Остается только один маленький лужок.

Да собирайтесь все вы, ребята, на лужок.
 Да становитесь во единый во кружок,
 Уж вы все, братцы, да товарищи, да мои
 Да не с одной ли вы стороншки со мной.

Да вы не скоро ли, братцы, поедете домой,
Да вы скажите отцу с матерью да поклон,
Да сударушке наособицу да одной,
Да не ждала бы по теплу-лету меня домой.

А ждала бы по студеной по зиме,
Когда снежки призакроют все поля,
Когда реченьки закроются ледком,
Да тогда миленький прикатится домой.

5. ШУТОЧНО-ПЛЯСОВЫЕ И ИГРОВЫЕ ПЕСНИ

55

ШАНДАРБА

Дули или дули, дули,
Дули или дули, дули,
Шандарба струна она
Шандарбачивала,
Шандарба струна она
Приколачивала.
Дули или дули, дули,
Ах, Ванька-сосед,
Я сошью тебе кисет
Голубой, тюлевый,
Приходи, закуривай.
Дули или дули, дули,
Капуста моя,
Широкие листья.
Хороши наши ребята
И все коммунисты.
Дули или дули, дули,
Эх, кофта моя,
Коричневая,
Мил другую полюбил,
А я лишняя.
Дули или дули, дули,
Ох, рожь чиста,

Умолотиста,
А сама-то я плясать
Оборотиста.
Дули или дули, дули,
Пошла бы я плясать,
Да мужа боюся,
Подумаю, погадаю —
Может, разойдуся.
Дули или дули, дули,
Дули или дули, дули,
Шандарба струна она
Шандарбачивала,
Шандарба струна она
Приколачивала.

56

Уж ты, моя ягодка, ягодка моя,
Сладкая ягодка, изюминка,
По блюду катаешься,
Словно чай разливаешься,
Словно сахар рассыпаешься.
Душа моя, красна девица,
На кого, душа, надеешься?
Я надеюсь на мила дружка,
На милого, на молодца.
Чаю, чаю, не покинет ли меня,
Чаю, чаю, потанцует для меня,
Чаю, чаю, поцелует он меня.
Во Невьянске были мы,
Были мы, были мы.
Кого надо видели,
Видели, видели.
Красавицу девицу,
Девицу, девицу.
Разудала молодца,
Молодца, молодца.
Встань, девица, подбодрись,
Подбодрись, подбодрись,
Трою, двою обернись,
Обернись, обернись.
Раз пятнадцать поцелуй,
Поцелуй, поцелуй.

Сею, сею я ленок
 На дорожку, на порог,
 Чики-брики, так и быти,
 На дорожку, на порог.
 Мне сказали про лен,
 Будто лен привален,
 Чики-брики, так и быти,
 Будто лен привален.
 Будто лен привален,
 Ко дорожке прикатен,
 Чики-брики, так и быти,
 Ко дорожке прикатен.
 Я схватила зипунишку,
 Чики-брики, так и быти,
 Побежала ко ленишку,
 Побежала ко ленишку.
 До ленишка не дошла —
 Виноватого нашла,
 Чики-брики, так и быти,
 Виноватого нашла.
 Виноватого нашла —
 Старопрежнего дружка,
 Старопрежнего дружка —
 Раз'Иванушку.
 Ох, Марьюшка,
 Белопряльюшка,
 Чики-брики, так и быти,
 Белопряльюшка.
 Она пряла, попрядала
 По три нитки во денек,
 Чики-брики, так и быти,
 По три нитки во денек.
 По три нитки во денек,
 Во годок — один моток.
 Чики-брики, так и быти,
 Во годок — один моток.
 Поставила кросна
 Им девятая весна.
 На прошесте кукушечка
 Гнездышко свила,
 Чики-брики, так и быти,

Гнездышко свила.
Гнездышко свила,
Деток вывела,
Чики-брики, так и быти,
Деток вывела.
Ой, семьдесят молодок,
Девяносто петушков,
Чики-брики, так и быти.
Девяносто петушков.
Первый — шильничек,
Другой — мыльничек,
Чики-брики, так и быти,
Другой — мыльничек.
Другой мыльничек,
Третий — чеботарщик,
Чики-брики, так и быти,
Третий — чеботарщик.
Чеботарь, чеботарь,
Мне ботинки сработай,
Чики-брики, так и быти,
Мне ботинки сработай.

58

У меня квашня
По избе прошла.
Ну да, ну да, ну да, ну,
По избе прошла.
По избе прошла,
До дверей дошла.
Ну да, ну да, ну да, ну,
До дверей дошла.
До дверей дошла,
Двери выставила.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Двери выставила.
Двери выставила,
Избу выстудила.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Избу выстудила.
А веселочко по сеничкам
Похаживает.
Ну да, ну да, ну да, ну,

Все похаживает.
Петух на шестке
Наговаривает.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Наговаривает.
Что ушла наша хозяйка
Вдоль по улице гулять.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Вдоль по улице гулять.
Вдоль по улице пошла
Воробеюшку искать.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Воробеюшку искать.
Нашла воробья
В огороде в коробье.
Ну да, ну да, ну да, ну,
В огороде в коробье.
Сварила воробья
Во семи горшках.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Во семи горшках.
Во семи горшках,
В семи латочках.
Ну да, ну да, ну да, ну,
В семи латочках.
В семи латочках
Черепенничках.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Черепенничках.
Поставила воробья
На передний стл.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Наперед хвостом.
«Маремьяна-попадья,
Ты покушай воробья!»
Ну да, ну да, ну да, ну,
Ты покушай воробья!
Я не кушаю, не рушаю
И не ем, не хочу.
Ну да, ну да, ну да, ну,
И не ем, не хочу.
Я не ем, не хочу,
Понедельничаю.

Ну да, ну да, ну да, ну,
Понедельничаю.
Понедельничаю,
Да пуще модничаю.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Пуще модничаю.

59

Возьму козу за рога,
Поведу я на базар,
На базар, на базар,
На базарик дорогой.
Променяю на товар,
На товарик дорогой.
На чернила черные,
На румяна алые
Да на белила белые.
На ту пору муж домой.
«Что ты, женушка, черна,
Черная, черная?»
«Сударь, газету писала,
Писала, писала,
Личико загрязнила,
Загрязнила, загрязнила».
«Что ты, женушка, ала,
Алая, алая?»
«Сударь, печку топила,
Топила, топила,
Личико зажарила,
Жарила, жарила».
«Что ты, женушка, бела,
Белая, белая?»
«Сударь, мучку сеяла,
Сеяла, сеяла,
Личико забусила,
Бусила, бусила».

60

В темном лесе, в темном лесе,
В темном лесе, в темном лесе,
Во лесу, во лесу

Распашу я, распашу я,
Распашу я, распашу я
Пашенку, пашенку.
Я посеял, я посеял,
Я посеял, я посеял
Белый лен, белый лен.
Уродился, уродился
Белый лен, белый лен.
Тонок, долог, тонок, долог,
Тонок, долог, тонок, долог,
Бел, волокнист, бел, волокнист.
Повадился, повадился,
Повадился, повадился
Вор-воробей, вор-воробей
Мою конопельку, мою зеленую,
Мою конопельку, мою зеленую
Клевати, клевати.
Уж и я его, уж и я его,
Уж и я его, уж и я его,
Его изловлю, его изловлю,
Сизы перья, сизы перья,
Сизы перья, сизы перья
Ему исшиплю, ему исшиплю.
Он не будет, он не станет,
Он не будет, он не станет
Летати, летати.
Он не будет, он не станет,
Он не будет, он не станет
Клевати, клевати.
Повадился, повадился,
Повадился, повадился
Вор-молодец, вор-молодец
К моей Марусеньке, к моей молодой,
К моей Марусеньке, к моей молодой
Ходити, ходити.
Мою Марусеньку, мою молодую,
Мою Марусеньку, мою молодую
Любити, любити.
Уж и я его, уж и я его,
Уж и я его, уж и я его
Изловлю, изловлю,
Руки, ноги, руки, ноги,
Руки, ноги, руки, ноги

Ему изломлю, ему изломлю.
Он не будет, он не станет,
Он не будет, он не станет
Ходити, ходити,
Мою Марусеньку, мою молодую,
Мою Марусеньку, мою молодую
Любити, любити.

61

Тропка, тропинка моя,
Тропка милому дорожка торная.
Не один я дорожку торил,
Не один я — со товарищами.
Уж я все себе хорошу доступал.
«Хороша-пригожа моя,
Черноброва, уноровливая.
Не пойдешь ли, девка, взамуж за меня?»
«Право, нет, не пойду, не пойду.
Зачем пьешь, напиваешься,
Из кабака идешь, шатаешься,
За тропинку запинаешься,
Мною девкой похваляешься,
Мною девкой отеческою,
Сестрою молодеческою».
Там, где во поле калина стояла,
На калине соловейко сидит,
Горьку ягоду калину жулбит,
Жулбит, наклевывает,
На все стороны поглядывает,
О калину поколачивает.
Прилетели к соловью два сокола,
Звали, звали соловья с собой.
Ты полетишь, соловейка, со нами,
Со нами, со ясными соколами
Вместе песен, вместе басен говорить,
При беседе молодчину взвеселить,
При веселье красну девицу² душу».

62

Уж ты, мать моя, мамонька,
Государыня, боярыня моя,

Ты за что, мати, спородила меня,
Счастливую, талантливую,
Говорливую, забавливую.
На меня люди зарятся,
Попы запеваются,
Дьякона зачитаются,
Что последняя тварь — пономарь
Из окошечка выглядывает.
Поп кадилою кадит, кадит,
Сам на милую глядит, глядит:
«Уж ты тонкая, высокая моя,
Расхорошая, веселая моя,
А не ты ли меня высушила,
А не ты ли меня выкрушила,
Порассеяла печаль по очам,
Призаставила шататься по ночам».
Мне ж попа любить не хочется,
По приходу он волочится,
Пирогам побирается,
Да блинами объедается.

63

Из-под дубу, из-под вязу,
Из-под вязного коренья
Пришло горе-разоренье.

Припев: Да вот калина,
Да вот малина.

Из моих ясных очей
Протекал быстрый ручей.

Припев.

Как на этом ручеечке
Мыла девушка платочки.

Припев.

Она мыла, колотила,
Валек в воду уронила.

Припев.

Откуль взялся паренек,
Подавал девушке валек.

Припев.

Подал девушке валец
На крутенький бережок.

Припев.

Ко сумеркам ввечеру
Приходи к моему двору.

Припев.

Приходи к моему дому —
Никого нету во доме.

Припев.

Мой тятя во гостях,
Моя мама в горестях.

Припев.

Мои братья за стрельбой,
Мои сестры за гульбой.

Припев.

Все соседи-то гуляют,
Про любовь мою не знают.

Припев.

Раскидай-ко положок
Да залезай, милый дружок.

Припев.

Залезай, милый дружок,
Поцелуй один разок.

Припев.

64

ЗАИНЬКА

Ой, зайнька, где ты был, побывал?
Ой, серенький, где ты был, побывал?
Был я, был я поневоле,
Был я, был я, сердце мой.
За огородом в ельничке,
На сарае в сеничке.
Ой, зайнька, ты не видел ли кого?
Ой, серенький, ты не видел ли кого?
Видел, видел поневоле,
Видел, видел, сердце мой,

Три девчонки хороши,
Три девчонки пригожи.
Ой, зайныка, ты не знаешь ли как зовут?
Ой, серенький, ты не знаешь ли как зовут?
Знаю, знаю, поневоле,
Знаю, знаю, сердце мой,
Что Катюша, да Малюша,
А третья — Дуня удала —
Всем хороши имена.
Ой, зайныка, в гости звали ли тебя?
Ой, серенький, в гости звали ли тебя?
Звали, звали поневоле,
Звали, звали, сердце мой,
Как Катюша-то на ночку,
А Малюша — на другу,
А Дуняша удала на три ночи позвала.
Ой, зайныка, повстречали ли тебя?
Ой, серенький, повстречали ли тебя?
Встретили поневоле,
Встретили, сердце мой,
Как Катюша — во дверях,
А Малюша — во сенях,
А как Дуня удала — по горенке провела.
Ой, зайныка, покормили ли тебя?
Ой, серенький, покормили ли тебя?
Покормили поневоле,
Покормили, сердце мой,
Что Катюша — калачом,
А Малюша — пирогом,
А Дуняша удала каши с маслом наклала.
Ой, зайныка, напоили ли тебя?
Ой, серенький, напоили ли тебя?
Напоили, сердце мой,
Как Катюша-то кваском,
А Малюша-то пивком,
А Дуняша удала стакан водки подала.
Ой, зайныка, подарили ли тебя?
Ой, серенький, подарили ли тебя?
Подарили поневоле,
Подарили, сердце мой,
Как Катюша — пояском,
А Малюша — кушачком,
А как Дуня удала перчаточку подала.

Вспомни, вздумай, милый мой,
Где гуляли мы с тобой.
Мы гуляли во лужках,
Забавлялись во кружках.
Шли по желтому песочку,
По рассыпчатому,
Там цвели, цвели цветочки
Алы, розовые,
Алы, розовые,
Цветы лазоревые.
Я сорву, сорву цветочек,
Совью милому веночек.
Изукрашу, украшу,
Алой лентой обовью,
Кого люблю — подарю.
Я люблю душу Ванюшу
И его буду дарить.
У моего, у милого
Есть три сада зеленых:
В первом саде у милого
Росла дерево-верба.
За то милый меня любит,
Что я ему верна.
Во втором саде у милого
Росла трава-мята.
За то меня милый любит,
Что я небогата.
В третьем саде у милого
Росла земляничка.
За то милый меня любит,
Что я невеличка.
Невеличка, белоличка,
Лицо беленькое,
Лицо беленькое,
Щечки аленькие,
Щечки аленькие,
Брови черненькие,
Брови черненькие,
Глаза веселенькие,
Что глаза-то, волоса —
Это просто чудеса.

Я за эти чудеса
Поцелую три раза.

68

Я вечер молоденька поздненько шла.
Ой, калина, ой, малина,
Я поздненько шла.
Я поздненько шла возле реченьки.
Ой, калина, ой, малина,
Возле реченьки.
Возле реченьки, возле быстрой.
Ой, калина, ой, малина,
Возле быстрой.
Диво видела, сдивовалася.
Ой, калина, ой, малина,
Сдивовалася.
Сдивовалася, испужалася.
Ой, калина, ой, малина,
Испужалася.
Зайка из речки водичку пьет.
Ой, калина, ой, малина,
Водичку пьет.
На передние ножки припадывает.
Ой, калина, ой, малина,
Припадывает.
Отчего голова кудреватая была?
Ой, калина, ой, малина,
Кудреватая была.
Кудри завилися, давно зарилися.
Ой, калина, ой, малина,
Давно зарилися.
Давно зарилися, замуж ладилися.
Ой, калина, ой, малина,
Замуж ладилися.
Замуж ладилися, все сговаривались.
Ой, калина, ой, малина,
Все сговаривались.

69

Что задумал наш комаричек жениться,
Что задумал наш комарик муху взять.

Прилетел слепец — муху расхаял:
«Это что же тебе муха за невеста?
Она прясть-то, ткать не умеет,
Она шелком шить не училась,
Она золото класть не горазда.
Она с клеточки на клеточку летала,
Она с криночки на криночку садилась,
Из-под крайчика сметанку выедала».
Полетел наш комарик в чисто поле,
Уж как сел комарик на дубинку,
На осинovu на осинку.
Вот свалился комарик с дубинки,
Свалился тут и убился.
Туто шли-прошли два прохожих —
Один-то поп, другой да разбойник.
«Это что это лежит да за покойник?
По одеже-то похожий сын-попович,
По окладистой бородке сын торговый».
Еще сделали ему гробочек
Из ореховой скорлупинки,
Его ноженьки да не уходят.
Схоронили комарика в чисто поле,
В чисто поличко, да во раздолье.
Ты зачем же комарик не держался.
Большеглазенький да оборвался.

70

Таракан дрова рубил,
Себе голову срубил.
Комар воду возил,
В грязи ноги завязил.
Вошка парилась,
Приушмаривалась.
Мушка подскочила
В передбанник утащила
Вы бегите-ко, ребята,
По попов, по дьяков,
По богатых мужиков.
Зародила попадья,
Зародила воробья
Долгоносенького,
Чернохвостенького,

Его староста судил,
Его Филатыч рассудил —
Не бить его кнутом,
А остригчи кругом,
Две косички оставить,
Воробья в попы поставить.
Кто не едет, кто нейдет,
Воробья попом зовет:
Что ты, батюшка попок,
Что ты ходишь без порток,
Портки строченые,
Невороченые.
Портки девушки шили,
Тараканы источили.
Девки хлопнули окном —
Убежали за попом.
Поп не знает, куда деться.
Он кадило-то под лавку,
Аллилую на кровать,
Сам забрался под кровать.

71

Девка платье мыла,
Звонко колотила,
Сухо выжимала.
— Душечка-молодчик,
Сшей мне башмачечки
Из желта песочка.
— Кралечка-девица,
Напряди-ка дратвы
Из дождевой капли.
— Душечка-молодчик,
Сшей-ко ты мне платье
Из макова цвету.
— Кралечка-девица,
Напряди-ко ниток
Из белого снегу.
— Душечка-молодчик,
Сovej перстенечек,
Вложи во глазочек
Восточную звезду.
— Кралечка-девица,

Напой-ка ты коня
Середь синя моря,
На камушке стоя,
Сама не потонешь,
Коня не потопишь,
Седла не замочишь.

6. РАБОЧИЕ ПЕСНИ

72

ПРИКАЗЧИК ВАНЬКА

Жил-то Ванька у Демидова купца,
Уж как попил он демидова винца,
Во карманы рученьки запускивал,
Звонким золотом позвякивал,
Хриплым голосом покрикивал:
«Я недаром был приказчиком,
Я недаром был советчиком!
Заодно со мною стражники,
Заодно со мной урядники!
Кого надо я сумею подкупить,
Кого надо я сумею одарить!
Всех красавиц я в деревне соберу,
С каждой девкой могу выпатся,
Над молодушкой потешиться!
Молодых парней сошлю на каторгу,
Стары бабы будут робить на меня!
Ну-ка, кланяйтесь приказчику,
Низко кланяйтесь демидову,
Почитайте вы Иванушку,
Почитайте именитого,
Чтоб на вас-то он не гневался,
Чтобы с вами он не ссорился!»

73

Ой, вы камни-самоцветики,
По Уралу порассыпаны,
Во горах да во долинушках,
Во лесах да мочежинушках.
Вы не сажены, да не поливаны,
В теплом солнышке не нуждалися,
Зимы-мачехи не пугалися,

Темной грозыньки не страшилися.
Вы от стужи-то не застынете,
От жары большой не завянете,
Не сломить-то вас ветру буйному,
Не состарить вас лютой зимушке.
Вы красуетесь, словно цветики,
Хоть в сырой земле спородилися,
Во крутых горах расплодилися,
Во ложбинушках приютились.
Вы на девушках да на молодушках
Воссияете дугой-радугой,
Во сережках-то переливчатых,
Во колечушках искры мечете.
Камни, камни-самоцветики,
Уросли вы привередливы,
Не ко всем идете в рученьки,
Обойдете бесталанного,
Обойдете несчастливого.

74

СТАРАТЕЛЬ

Екатеринбургский надзиратель —
Первый во свете старатель.
На разведку золотца
Просит денег у отца.
Точно так его отец
Первой гильдии купец.
Отец сына наделил,
На старанье проводил.
Пару коней заложили,
На бачиху погонили.
Поглядели на крестьян —
Не велик будет изъян.
Они наняли рабочих
Мать-сыру землю ворочать.
Били шахточку с валтрутом,
Да не туто.
Били шахточку и три,
Надо пробовать итти.
Много время они мыли,
Золотник один намыли,
Золотник да семь долей,
Барин, денег не жалей.

У нас девки промывали —
Только песни попевали,
Наши девки не скучали,
Цену полну получали.
Девки робили в рассечку,
Не заработали на свечку.
Девки бросили работу,
Не доробили в субботу.

7. СОВЕТСКИЕ ПЕСНИ

а) довоенного периода

75

ОЙ-ДА, СИЗЫ СОКОЛЫ

Ой-да, сизы соколы крылаты,
Ой-да, чуют солнечный восход,
Ой-да, партизанские отряды,
Ой, идут, идут в большой поход!

Ой-да, партизанские отряды,
Ой, идут в большой поход,
Ой-да, с боем острыми штыками,
Ой-да, продвигаются вперед!

Ой-да, ветром шумным прошумела,
Ой-да, в горах лютая зима,
Ой-да, весна песней прилетела,
Ой-да, распрекрасная весна!

Ой-да, тут нам нечего бояться,
Ой-да, мы для славы рождены,
Ой-да, мы для славы рождены,
Ой-да, в боевые наши дни!

Ой-да, полетели сокола,
Ой-да, со восточной стороны,
Ой-да, вы летите, сокола,
Ой-да, во далеки города!

Ой-да, вы несите, соколы,
Ой-да, Москве-Родине поклон,
Ой-да, передайте, соколы,
Ой-да, про геройский наш поход!

Ой-да, тут идут полки в поход,
Ой-да, по ущельям без дорог,
Ой-да, по ущельям без дорог,
Ой-да, в боевой тяжелый год!

Ой-да, в боевой тяжелый год,
Ой-да, по ущельям без дорог,
Ой-да, наши славные отряды,
Ой-да, Колчака загонят в гроб!

76

ТРИ ДНЯ МЕТЕЛИ БУШЕВАЛИ

Три дня метели бушевали,
Тропинки снегом занесло.
Одно лишь темное ущелье
В красноармейский штаб вело.

Зажат в кольцо белогвардейцев
В горах Уральских эскадрон,
Но по скалистым, по тропинкам
К своим решил пробраться он.

В ущелье выслали разведку —
Один вернулся лишь назад.
Доносит он, что пулеметы
Ущелье зорко сторожат.

К белогвардейским пулеметам
Крадутся семеро бойцов.
Вечерний сумрак с гор спустился,
И ветер дует им в лицо.

Они ползут вперед неслышно,
По ледяной горе скользят, —
Пусть кровь на пальцах замерзает,
Но пулеметы надо взять.

Красноармейцы бились смело.
Вперед прорвался эскадрон.
Разбил кольцо белогвардейцев,
Не дал врагу своих знамен.

Теперь в крутых горах Урала
Везде расскажут вам о том,
Как со врагами смело бился
Красноармейский эскадрон.

77

КОЛХОЗНАЯ КОРОБОЧКА

Эх, полно на сердце радости.
Жизнь хорошая пришла.
Год от года наша Родина,
Словно поле, расцвела.

Пойду, выйду я в степь широкую,
Там богатый урожай.
Посмотрю на рожь высокую,—
Что посеял Ермолай.

Не вручную, не из ситева,
А на сталинском коне.
Уродилась рожь высокая
Против старого вдвойне.

И пшеница колосистая,
Словно морюшко, шумит.
Песня новая, веселая
В поле звонкая гремит.

Грузовик зерно готовое
С поля, чистое, повез.
Вот пришло житье веселое —
Счастье Сталин нам принес.

78

СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

Уж как в поле лебедушка не растет,
Уж как в поле лебедушка не цветет,
Уж как в поле нет полосок и межей,
Нет с сохою на полосках пахарей,
Нет цепов теперь во время молотбы,

18

Лодырю в колхозе, что волку на морозе.

19

Бригадир — в колхозе командир.

20

Колхозное тащить — себя обворовывать.

21

Видна из Кремля вся Советская земля.

22

Кремлевские звезды путь к свету указывают.

23

Жить — Родине служить.

24

Своя земля и в горсти мила.

25

С родной земли умри, но не сходи.

26

Смело иди в бой, Родина стоит за тобой.

27

Народ зовет того героем, кто бьет врага смертным боем.

28

Кремлевские звезды видишь — смелей на врага идешь.

29

Повадился фашист на Советы ходить — тут ему и
голову сложить.

30

Бей фашиста не в бровь, а в глаз — таков народа
наказ.

31

Лучше умереть в поле, чем в фашистской неволе.

32

Силой штыка и снаряда в клочья рви фашистского
гада.

33

Немец боек, а русский стоек.

34

Немец без танка, что волк без зубов.

35

Немецкому танку там не пройти, где наша отвага
стоит на пути.

36

Для каждого танка есть запеканка — бутылка с
бензином.

37

В смотровую щель попал — немецкий танк пропал.

38

Вояка-мастер бьет немцев насмерть.

39

Лодырь в цехе, что трус в бою.

40

Не только штык, но и колос врага колет.

41

Трактор в поле, что танк в бою.

42

Производительность поднимать, что снаряды бойцам
подавать.

43

Винтовочка русская — не даю немцам спуску я.

44

Убил немца-гада — душа рада.

45

Темна ночка — день партизанский.

46

Чем глубже в лес, тем хуже для «Эс-эс».

47

И в ночь и в день страшна врагу красноармейская
тьень.

48

Эшелон — под уклон, паровоз — под откос.

49

Фашист силен на водке, а русский — в наводке.

50

Где русский конник, там враг покойник.

51

От советской конницы все фашисты хоронятся.

52

Что не фашист, то на руку нечист.

53

Немец на обухе молотит хлебец.

54

Хотели немцы в Москве отдыхать, да пришлось вв полях подыхатьь.

55

Повадился фашист о Ленинграде тужить —
Тут ему и голову сложить.

56

Мечтала фашистская масть в Ленинград попасть, аа
попадет вповалку на свалкуу.

57

Будет Гитлеру ходу — из наших ворот да в воду.

58

Русская мина долетит до Берлина.

59

Геббельс лает — ветер носит.

60

После рождества Паулюсу смерть пришла.

61

Гвардейская слава — немцу отравя.

62

От гвардейской хватки фашист кажет пятки.

63

Гвардейцы приходят — горе уходит.

64

Сколько фашист не воюет, а гибели не минует.

65

Немецкий окруженный солдат дохлой кошке рад.

66

Фрицы «весенние»дохнут, как мухи осенние.

67

Не думал фриц до времени, пока не получил по
темени.

68

И русский говорит «гут», когда немцев бьют.

69

Лес рубят — фрицы летят.

70

Пришел незваным — ушел драным.

71

За наше жито много врагов побито.

72

Советский солдат мастак в смысле атак, а в мирном
труде — как рыба в воде.

IV. ЗАГАДКИ

1

Самолет стоит, крылами машет, а подняться не может, только зерно гложет.

(Мельница.)

2

Овсом не кормят, кнутом не гонят, а как пашет — пять плугов тащит.

(Трактор.)

3

У столба на пашенке, в шлеме со звездой, глаз не закрываю, землю охраняю.

(Пограничник.)

4

Стоит черепаха — стальная рубаха. Враг — в овраг, да еще где враг?

(Танк.)

5

Стоят три старушки,
Вздохнут они да охнут —
Вблизи все люди глохнут.

(Пушки.)

V. НАРОДНАЯ ДРАМА

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВ

Действующие лица:

Атаман	Барин татарский
Афонька Малый	Поп
Разбойники	Мулла
Барин русский	Два работника

Атаман (*Расхаживая по комнате*):

Вот упала с неба звезда.
Воссиял белый свет.
Вся пропала тьма.
В ад меня черти не пускают,
В рай — богачи не дают! (*Садится на стол.*)
Эй, Афонька Малый!

Афонька Малый: Что, атаман, угодно?

Атаман: Подай мне водки алой!

Афонька Малый: А где взять?

Атаман: Возьми у здешнего хозяина в подклети.

Афонька Малый: Как бы, он не дурак туда поставить, он спрятал все на свете.

Атаман: Поищи в другом месте!

Афонька Малый: Я и так обегал двадцать раз
кругом.

Атаман: Ищи в горнице третьей *(показывает на дверь.)*

Афонька Малый: Там стражник с плетью!

Атаман: Кого он охраняет?

Афонька Малый: Там два барина: русский и татарин, поп и мулла кричат: «Алла, Алла!»

Атаман: Дать мне на расправу
Всю чортову ораву!

Афонька Малый: Разбойники и молодцы!
Айда-те со мною в те концы!

(Разбойники уходят. Атаман остается один.)

Атаман: Барин и поп — один толоконный лоб
Побольше обобрать и себя не обмарать.
С миру по нитке — по мотку с брата,
Весь век чужим трудом ваша казна богата.

(Входят разбойники. Они волокут русского и татарского барина.)

Афонька Малый: Пожалуйте, пожалуйста, господа барева,
Взял я вас из одного варева,
Пожалуйте на расправу,
Здесь найдут на вас управу!

(Оба барина бросаются атаману в ноги.)

Два барина *(одновременно)*: Наши вы благодетели!

Атаман: Будем чинить суд!
А где свидетели?

Афонька Малый: Их много, много, барин.
Тут и рабочие, и крестьяне,
И татарева, и цыгане,
Сейчас выйдет один
И начнет зачин.

(Выходит татарин-работник. Низко кланяется атаману.)

Атаман: Кто ты?

Татарин: Батрак, работник. У старого хозяина.
(Показывает на татарского барина.)

Атаман: Как он тебя кормит?

Т а т а р и н: Ой, плохо. Нечего ашать¹. Собаке легче живется, чем мне у хозяина.

А т а м а н: Есть ли у тебя одежда и обутки?

Т а т а р и н: Ой, плоха на мне одежда,
Весь порвана сапога,
Худой шапка, рукавица,
Хуже каторги! Беда!
А хозяин, сам Сандышка,
Посмотри, как он живет:
Пряник ест и крендель белый,
И в трактире водку пьет.
С девкам, бабами гуляет,
Вино хлещет, как вода,
Пропил шапку, пропил шуба, —
Вот какой он, господа!
А сегодня мой хозяин
На базаре покупал
Шапка, шуба, рукавица,
Новый стал опять баран!

А т а м а н: Напоить его вином!
Дать ему одежонку и сапожонки,
Напоить доотвала. *(Задумывается.)*
Нет, этого, пожалуй, мало!
Если захочет, пусть идет к нам, в разбойники!

Т а т а р и н: *(проходит мимо татарина-барина, плюет на него):*
Уй — ты, шайтан! *(Кланяется атаману.)*
Ай-ай, хорош атаман,
Даешь мне ашать
И новый кафтан!

(Разбойники толкают к атаману татарина-барина. Тот подходит, держа высоко голову, пузо вперед. Подбоченясь, говорит).

Т а т а р и н-б а р и н: Ты не верь ему, начальник,
Злой работник Музафар!
Сам шайтан в нем поселился,
Зря вину свалил на бар.
Шибко жизнь у нас хороший,
Каждый день гуляй в кабак,
Пропил дачу я сосновый,

¹ Ашать — есть, кушать.

Дорогой курю табак.
Жен сосватал я десяток,
Каждой я калым платил,
Целу улицу-порядок
Я Мамаев расплодил.
Мои лошади почтовые,
Иноходцем первый был,
Посмотри: весь сбруя новый
Ярким золотом горит.
Шибко жизнь у нас хороший,
А работник мой — шайтан:
Непослушный, непокорный,
Вешать надо на аркан!

Атаман: Подойди поближе!
Наклонись ниже!
Повернись передом!
Задом! Боком! И кругом! *(Тот вертится.)*
А-а, да у тебя бешмет завихарский¹,
Кушак новый, бухарский,
Шапка соболя,
Глаза, как уголья.
Ходишь ты петухом,
Смеешься над бедняком.
Вздернуть его на вершину!
Отвести земли ему три аршина!

(Барин кричит, трясет головой. Его убирают.)

Атаман: Подать другого свидетеля!

(Входит худой, бледный, в стоптанных лапотишках русский работник.)

Работник: Я рабочий! Работаю что есть мочи!
Не досыпаю, не доедаю,
Семью свою с грехом питаю!
У меня есть богатство — чахотка!
Моя жизнь коротка.
Одежонка на мне худая,
Шапчонка на мне плохая.
На ногах лапти да опорки,
Гложу черные корки.
В жизни нет у меня веселья,

¹ Завихарский — щеголеватый.

Только труд да подневолье,
Зато господам приволье!
(Показывает на русского барина.)

Этот жирный кот
Пьет мой трудовой пот,
Сидит он, как крица,
Шагнет — гнется половица!

Атаман: Напоить! Накормить!
Спать уложить!
Дать ему хорошую лопотину.
Будет ему гнуть спину!
Примем в нашу семью.
Слышь, Афонька, что говорю?
Подать сюда барина,
Толстопузого боярина!
(Вводят барина.)

Дать ему по уху
Большую оплеуху!

Русский барин: Молчать, не кричать!
Заводов хозяин!
(Машет рукой.)
Они сволочи, батраки, варнаки¹,
лентяи!

Атаман: Сам ты слюнтяй!
Чужехлебник, дармояд!
Ишь, ты! На тебя и управы нет!

Русский барин: Нет, нет, я святой!

Атаман: Опрокинуть на него ушат с водой!

(Барина обливают водой. Он подпрыгивает, кричит.)

Барин: Ой, простудился! Ой, замерз!
Не атаман, а пес!

Атаман: Теперь скажи,
Как богатство нажил?
Да говори без утайки,
А не то огрею нагайкой!

Русский барин (трясетя): Был грех —
грабил всех!
Обсчитывал, выжимал,
штрафовал.
А рабочий с голоду
умирал.

¹ Варнаки — обманщики.

Я жил всласть —
Моя была власть?
Ел до отвороту,
Пил вино до солнцевороту.

Атаман: Вижу, жил ты — не тужил,
Большое брюхо нажил.
Взять его в оборот,
Напихать травой рот,
Повесить на осину
Эту жирную скотину!

(Барина волокут, он кричит.)

Атаман: Привести сюда попа!

Поп (крестясь): Усмири, бог, душу раба атамана.

Атаман: Эй, ты, поп! Выворачивай карман!
Много ли собрал с прихода?

Поп: Тысяч пять в два года. (Крестится.)
Господи Иисусе!
Как я боюсь!

Атаман: Брал с мертвого и живого?
Сказывай, — чем брал?

Поп: Деньжонками, одежонкой, поросенком,
Лошадью и конем, —
Ночью и днем.
Про кутью — спроси попадью!
Про маслицу и сметану —
Говорить не стану!
Не диво, что у меня длинная грива.
Мои сыночки и дочки
Толсты, как бочки.
Робить не хотят,
А готовое пьют и едят!
Господи, господи! Как я боюсь!
Отпусти, атаман, на поруки,
Со страха подмокли брюки!
Я за тебя помолюся.
Господи, господи! Как я боюсь!

Атаман: Поп, а, поп! Всему есть край,
Сейчас и ты попадешь в рай.
Повесить длиноволосую птаху на пасху!
Пусть там поет: «Со святыми упокой!»
Сам-то грешный был какой!

Поп: Предам я вас анафеме!

Разбойники: Хоть Ереме, хоть Фоме,
Хоть самому сатане!
Будет разводить турусы¹,
Мы, разбойники, не трусы.

(Выталкивают его.)

Атаман: Дать сюда муллу!

Мулла: Моя невиновна! Алла! Алла!

Атаман: Попал, мулла!

Отвечай:

Любишь пить чай?

А жрать вино?

А кем оно тебе дано? А?

Мулла: Великий Аллах послал мне благ,
Добрый Магомет дал мне обед,
Его моя ашаем,
Чего твоя надо, мы никак не знаем!

Атаман: Не финти², мулла.

Знаем мы твои деяния.

Сколько ты с татар собираешь подаяния?

Мулла: Мало-мало пока:

Лошадь, корова, быка.

Хороший шуба, богатый бешмет

Дал мне Магомет.

Жизнь моя пригодный —

Кушаем сколько угодно,

Потому большой начальник Мулла —

Магометов слуга!

Атаман: Снять с него бешмет!

Новый даст ему Магомет.

Повесить на сосенку

Этого поросенка!

С ним покороче —

Будет людей морочить!

Кто еще там? Ведите сюда!

(Вводят стражника.)

Эй, ты, служивый!

Душу продавал ради наживы?

Кого охранял?

Кого оберегал?

¹ Разводить турусы — врать, болтать.

² Финтить — обманывать, выкручиваться.

Стражник: Русского боярина,
Татарского барина,
Попа и самого царя!

Атаман: Да, да! Судим тебя не зря.
Ты охранял жирную скотину,
На которую рабочие гнули спину,
Не досыпали, не доедали,
Безвременно умирали.
А ты, свинопас,
Кого пас?
Чей охранял огород?
Помогал притеснять народ!
Теперь его черед —
Пустить его в расход.

(Стражник падает и просит пощады.)

Не могу, не могу!
Меня не обвиняй.
Сам на себя пеняй.
Вот тебе пощада! *(Стреляет.)*
Убрать этого гада!

(Разбойники убирают стражника.)

Ох, устал я судить!
Скоро будет ночь!
(Вздыхает, встает из-за стола и ходит по комнате.)

Эй, Афонька Малый,
Дай-ка мне кафтан алый,
И рюмку водки,
Чтоб не было чахотки!
А потом поедем на тракт ставить

ловушки,

Бить купцам и богачам по макушке!
Ну-ка спойте мою любимую песню.

Разбойники *(Садятся в круг, складывают руки на груди и поют):*

По дороженьке, по лесным тропам,
По урманам да по еланочкам
На конях едут добры молодцы.
Они с саблями, со кинжалами,
С перевитыми кистенечками.

Их вскормила да мать-сыра земля,
Солнце красное было батюшкой,
А дремучий лес родным братиком,
Молода жена — добрый конь удал,
Быстры реченьки — их сестреночки.
Часты звездочки с неба падали,
Месяц издали во рожок смотрел.
Взговорил да тут атаман слова,
Поднял голову в поднебесьюшко:
«Вы сокройтесь-ка, ясны звездочки,
Тучей темною сизокрылою!

Светлый месяц-брат, спрячься в
облако,

Спрячься в облако, во туманное!

Помоги ты нам, ночка темная,

Чтоб по тракту нам да по

дороженьке,

Чтоб на зверя-то поохотиться

На козла-то нам на сохатого,

На купца-гонца да богатого!

Побежал-ка тут ветер с посвистом,

Тучку он принес с мелким

дождичком.

Лес зазыблился со поклончиком,

Разговор повел со вершинами:

«Ах, вы, други да разбойнички,

Далека ли путь ваша дороженька?

Ночкой темною выезжаете,

Не боитесь непогодушки».

Взговорили тут да разбойнички:

«По тропиночкам пробираемся

Мы на торную на дороженьку,

Мы на торную, на проезжую.

Уж как вся она поукатана,

Уж как вся она поистоптана,

Она трактом да называется,

Своим имечком величается.

А бежит она ко заставушке,

Ко заставушке, прямо к городу,

А ко городу, ко уральскому,

Граду стольному Катеринину.

Едут здесь купцы со товарами

И везут они в сумке золото,

В сундучках везут самоцветики.
Нападем на них ночью темною,
Отберем у них чисто золото,
Со товарами мы расправимся,
Со хозяином рассчитаемся:
Вздернем разом их на сосеночки,
Пусть погреваются здесь на солнышке!
Со слезами да добро нажито,
Со горячими накопилось,
Во поту людском поварилось,
Поварилось, накалилось
И уйти от них запросилось».

VI. ПРЕДАНИЯ И СКАЗЫ

1

Значит, это в старое время было. Ермак на Волге купцов грабил, а при Иване-то Грозном вздумал выслужиться, покорить татар и Сибирь. Он с дружиной поднялся с Волги по реке Каме до устья реки Чусовой. Потом и вверх по реке Чусовой пошли. Не доходя до деревни Копчик километров семь, их застигла зима. Они сделали тут зимовку, в пещере, поднялись до устья реки Серебряной. Потом с реки Серебряной через Уральский хребет надумали переправляться. Тащили эти лады, лодки свои, на себе.

Вышли они в верховья реки Горевой, по сию сторону Урала, и спустились в реку Баранчу во время весеннего разлива. Отсюда в реку Тагил, из реки Тагила — в Туру. Когда они по Баранче-то вышли в Тагил-реку, они опять зимовали на Медведке. Почему-то Ермак все избирал места неприступные. Целый год восемьдесят километров переправлялись, да лесом все. Про Медведку-то, что тут Ермак зимовал, я сызмала помню, от стариков слышал. А на Чусовой-то, уж позже, сам увидал. Стоит утес такой, а в нем пещера. Ни с какой стороны к ней не подобрешься. Только из пещеры веревка смоляная висит, а на камне надпись: «Близ сих мест обитал Ермак». Кто написал, когда, как туда забрался — не

знаю. Но думаю, что надпись эта давно была сделана. Краска сильно дождем да ветром уже стерта. Здесь до Ермака-то жили вогулы и татары. Все охотой промышляли. Ермак-то с них дань и собирал.

2

ОСНОВАНИЕ ЛАИ

После Ермака постепенно сюда стал народ переселяться. Вот я помню, как мне дед рассказывал. Лая начала строиться в лесу. Охотники-звероловы первые-то здесь люди были. У того моста речка Лая идет — там началась стройка, а здесь, у Бандейского моста, через речку Бандею, другие переселенцы остановились. Это я про мост-то тебе сказываю, чтобы тебе понятно было — где. Тогда, конечно, никаких мостов не было, лес глухой. Вот слышат бандейские, кто-то в той стороне рубится топором. Пил-то тогда не было. Услыхали стук топора, сошлись — оказались, те и другие русские. Тропу проложили, стали друг к дружке ходить. Первое время только тропинки и были, а потом все соединилось.

3

ПУГАЧЕВСКИЙ КЛАД

В старые времена здесь были леса непроходимые — глушь, орема¹. И озеро-то Инышко было куда глубже да многоводнее. Только с годами оно помельчало. Дело-то было по осени. Озеро застывать стало, а ночь выдалась темным-темнешенька. По правую сторону Инышка костры горели, там Емельян Пугачев сидел в полушубке, шапке лисьей — больная рука донимала, под Магниткой в большом бою ранили. Пугачеву-то поневоле на Златоуст отступить пришлось.

А по этим местам Салават башкир собирал для подкрепления Пугачева. Там, где сейчас гора Пугачевская, — войско собиралось. Подошел Салават к Емельяну, зашептались, а потом Емельян тяжело вздохнул и сказал: «Иди-ка, Салаватушка, запрячь подале добро, чтобы царю не досталось. Коли вернемся — захватим бочку». Салават людей надежных захватил да в лодку

¹ Орема — поемный лес и кустарник по берегам рек.

прыгнул. Пошабашили у старого могучного осокоря, который в камышах рос. Салават крикнул татарину, они сложили в пригоршни руки и кричат: «Алла, бисмалла!» а потом оттолкнули бочку прямо к осокору. В это время филин с осокоря закричал: «Фу-бу, бу-бу!» — дескать, охранять буду. В это время как бахнет пушка откуда-то из-за гор. И сели татары, а Салават по-соловьинному свистнул. Ему Емельян ответил тем же свистом. И поплыла лодка к Емельяну.

Вылезли на берег, сели на коней и лесной тропой к Златоусту уехали.

Скоро погоня с генералом прибыла: пошарили, поискали — ничего не нашли. Емельян от погони ушел, а здесь в Ильменах ему снова побывать не пришлось. А бочка с добром так и осталась в Инышке.

4

РЫЖАНКО

От отца слышал. Приплыл, мол, Рыжанко, с верхнего пруда, перенесли оттоль лодку через плотину. Было их три человека. Рыжанко-то вышел из лодки, пошел, где сейчас контора, там господский дом был Ширяевский. Ширяев скотина был, а не кто-нибудь. Рабочих истязал. Без него молодой человек не мог жениться, а девка не могла замуж выйти. Как парень женился — на первую ночь к Ширяеву: потом, мол, ты бери. Таких издевательств он много проделывал. Он, как царь был, и более даже.

Тут Ширяев спрятался на потолок, но все же ему оттоль слышно было. Но Рыжанко нашел Ширяева и вынес на плотину. Потребовал он от народа согласия, чтобы волнения не было. Он, наверно, встречался с рабочими ране: не шибко далеко жил он в логу-то. Спросил у рабочих: «Что, мол, с ним делать? Ежели я», — говорит, — «его застрелю?» Тут рабочие откликнулись: «Стреляй его к чорту!»

Рыжанко его застрелил и поплыл дальше.

Потом войска прибыли. Рыжанко где-то на болотах поймали. Кабы не болото, так уж он бы не погиб! Болото топкое было.

Рыжанко не разбойник был, зачем разбойник? Он рабочих защищал.

На Азове жила девка-Азовка. Ну, она там в какой-то пещере жила. Было у нее много богатства — хранила она его. Емельян-то Пугачев ей это богатство оставил. Девка-то жила уж после того, как Емельян наступал на Полевской завод. Он когда подступил к Полевой, — ему на Думной горе войско несметно почудилось, он и отступил.

ПРО ПОЛОЗА

Вот про полоза я слышал часто... Тут вот у меня сосед был, он работал в Воздвиженке на стекольном заводе у купца Злоказова. Как-то шел он из Воздвиженки в четыре часа вечера через плотину и канаву. Вдруг из кардача (мелкий лес) переползал канаву полоз, метров четырех или пяти. «Ну, я», — говорит, — «постоял после еще, оробел, только полоз меня не заметил». Мы боялись на Синару рыбачить ходить. От многих я слышал, что где полоз есть, там золота много. Но ведь как узнаешь, конечно.

Теперь вот совсем другая жизнь. Если хочешь образование получить, — знай только учись. А я так неграмотным всю жизнь и прожил. В германскую войну в лазарете сестра меня научила маленько, расписываться умею, и все. Я от отца 3-х лет остался сиротой, ходил куски собирал под окном. Раз, помню, холодно было. Думаю, зайду в школу согреться. А у них там поп был, два раза в неделю приходил, учил ребят закону божьему. Я это зашел, да к печке-то руками. Он меня, поп-то увидел: «Это зачем?» А я это в лохмотьях, оборванный. С ног-то вода натекала. «Вон отсюда!» — кричит, — «всяка рвань будет еще в школу ходить». Сейчас это прибежали, схватили меня, вытолкали на улицу.

Так мне и не пришлось больше в школе-то бывать.

КРОНУШКА

Жил в деревне Колтачихе Кронушка. С детства он любил камешки-самоцветики, а больше всего рубинчики. Их много тогда водилось в Колорихе-реке. Там он их и

собирал. Казались ему рубинчики краше всех девиц-красавиц. Весь ум-то Кронушки в камешки ушел. Найдет камешек, налюбуется вдоволь, а потом в укромное местечко положит в баночку, в кудельку укутает. И опять ищет.

Люди-те говорили ему: «Кронушка, продай рубинчики-то, да одежонку заведи». Насупится Кронушка и ответит: «Пусть мои рубинчики в земельке полежат, отдохнут в кудельке, чем на бабах-то отсвечивать, мужиков обольщать».

Редко, когда Кронушка камешки продаст. И в жизни-то на святого смахивал: на гулянья не ходил, а все в Колорихе, как рыба, плескался. Так до сорока пяти годов холостяком и дожил. Молва о нем по миру идет, что самоцветики, мол, под спудом прячет. Мужиков и баб в Колтачихе завидки берут, а как подладиться — не знают.

В то время там жила девка Алевтина, дотошная такая. Приметила она Кронушку, польстилась на его богатство, и давай турусы разводить. Потом прямо в избу к Кронушке зачастила. Попался Кронушка, как карась на червячок. А она живо и о свадьбе заговорила. Повздыхал, повздыхал Кронушка — делать нечего, не отвертись, крепко пристала девка.

Достал он баночку с самоцветиками, выбрал три рубинчика и повез в город Екатеринбург, запродавал их гранильщику Кочеву. Ему дядя Матвей продавать помогал. А весили они: один — 3 карата, другой — 2 карата, а третий — полкарата. Получил за них две тысячи. Гранильщик живо их в огранку направил, рад, что сходно купил.

А Кронушку обстригли, побрили, привели сваты в лавку ко Второву. Приказчики лебезят, примеряют, одевают, а невестушка новые подарочки просит.

Как взглянул Кронушка в зеркало — из лица вышел. Стукнул кулаком по зеркалу, сорвал с себя рубаху, да крикнул: «Не за меня замуж идешь, а за рубинчики! Не нужна ты мне, больно падкая на богатство!»

Да так и ушел. Пришел к гранильщику и просит камешки обратно. Вестимо, тот и не подумал отдавать.

Тогда Кронушка одел свою холщевую одежонку и опять в лес пошел.

С тех пор бабы не стали за ним вязаться.

Прошло много времечка, сгорбился, поседел Кронушка, а все к речке за рубинчиками ходит.

Довелось мне с ним встретиться. Упрашиваю его: : «Кронушка, продай камешков для музея. Они там красоваться будут, и тебя люди добрым словом вспомянут». . Задумался Кронушка, погладил бороду, а потом говорит: : «Встань, Федосьюшка, под икону, поклянись, что в бабьи руки не попадут, не для забавы они,— тогда продам». Тут я обрадовалась, ног под собой не слышу. Живо упала под иконушку: «Так, мол, и так, благочестивый и Николай угодник, камни эти будут в Свердловском музее красоваться, людям на поучение. Пусть знает народ, какие богатства у нас на Урале имеются».

Вот так-то я и купила у Кронушки рубинчики.

VII, СКАЗКИ

1

ЧЕТЫРЕ БРАТА

Жили четыре брата в лесу, в тайге, никого не видели, кроме зверей. И вот в один день сделалась охота на медведя. Ну, когда они втроем на охоту ходят, дома оставляют брата дежурить четвертого. И вот когда они гнались за медведем, он у них утекал, затащил их на весь день. К вечеру медведь у них ушел, и они потеряли свою дорогу. Это уже перед вечером было.

Ну, теперича им надо расследовать свою тропу. Вот одного брата налаживают на лесину расследовать дорогу к своей избушке. Ждут-подождут, а от него никакого отклика нету с лесины-то. Они голос подавали — от него никакого звуку нету: он там замер. Когда из терпения вышли, второй брат говорит третьему: «Айда, залезай!» Ну, тот подождал-подождал, терпенья не стало, и тоже залез на лесину.

А ведь первый-то замер потому, что увидал он долину, значит, поляну, а на поляне людей — работают артельно. Он замер, конечно, и глядит — любопытствует. Вот и не слышал, что ему братья кричали, потому что он сроду не видал такого чуда. Ну, и другие братья заинтересовались чудом. Они любопытствовали до тех пор, покуда был свет. Солнце скрылось.

Один брат говорит, когда ничего уже не видно стало: «Вот это чудо!» Второй повторил: «Право, чудо!» И третий тоже: «Такого чуда я сроду не видал!» (Где же они увидят, когда в лесу жили).

Слезли с лесины-то. Дорогой они вслух об этом чуде, конечно, не толковали, а только каждый думал, как это четвертому брату рассказать. Ну, пришли они и рассказали ему, что видели. Вот, дескать, мы-то живем четверо, а что у нас хорошего-то. (Они видели ведь как люди там работают.) Заболеем — кто, говорят, будет за нами ходить. Вот наемни Демьяна медведь помял, а Степана лихорадка затрясла — оба в постели лежали, а ведь хозяйство надо вести, итти на охоту, значит. А там, дескать, они видели, что можно делать. Можно болота сушить, дорогу построить, можно мосты сделать в надежном месте. Они, мол, города вон какие выстроили, и деревни, и села, а мы, говорят, тут чего живем? Значит, решились итти из тайги, потому что жизнь у них здесь скудная, бессильная — как ее назвать-то. Ну, и решились покинуть свою избушку и свое хозяйство и итти в семью человеческую, потому что есть громадная и надежная выгода. Когда они вышли в поселение, идут все четыре брата вместе и все любопытствуют.

Один мужичок едет и песню такую напевает про горе-страдание. Такая обида, такое страдание в этой песне. Их в сомнение вбило, что такое это обозначает? При такой жизни и человек такую песню поет. Все вчетвером зачали обсуждать — что удивительное, мол, дело — кругом богатство, а такие страдальные песни услышали. Да. Вот второго человека повстречали. Остановили и спрашивают: почему вот, дескать, песню пел человек такую скорбную — обида и горе. И он не хотел останавливаться с ними — ну, они его все-таки остановили. «Расскажи, — говорят, — в чем дело?» «Мне некогда», — говорит. Ну, а они его все-таки спрашивают. Тогда ему удивительно стало, что они спрашивают такую чушь. Что, дескать, спрашиваете — глупые ли, как ли? Они сказали, что сроду этого не видели, потому что в лесу жили. Он и говорит: «Вот что, братья, воротитесь обратно в свою избушку и в свой лес, пока вас становой не видал да урядник покуда вам щеку не бил да плетью не стегал. Ну, ладно, — говорит, — некогда с вами». Ни слова не сказал и уехал. Они остались и думают: что делать? ве-

ритель-не верить ли? Где, дескать, убедиться, есть ли правда? Решились, значит, правду искать.

Теперь вот назвать братьев-то нужно. Одного звали Демьяном, другого — Степаном, третьего — Иваном, а четвертого... не знаю, Лука ли что ли четвертый-то был. И вот выбрали все четыре стороны, кому куда идти. Одному идти на восток, другому — на запад, третьему — на юг, а четвертому — на север. Они, значит, охотничали и все четыре стороны хорошо знали. Иван на юг пошел, Степан — на запад, Демьян — на восток, а на север-то — Лука. Ну, и разошлись они.

Иван идет по своему направлению во время жатвы как раз по полю, и там народ жнет полосу. Он туда направился к этой артели, где жнут. Не доходя немножечко, он видит: один ходит среди этой артели в соломенной шляпе, в хорошем, как там говорится, пиджачке. Когда он ближе подходит, слышит слова: «Эй, шевелитесь, лентяи, лодыри». А когда еще ближе подошел, услышал, как тот сказал: «Фу, как в поле жарко! Надо ехать домой кофей пить», и сел на свою коляску, и уехал. А нарядчик остался, ходит, покрикивает. Ну, Иван убедился, что они работают вот на этого-то человека, который уехал-то. Его заинтересовало. «Как, — говорит он, — это так, вы любите его шибко, что так работаете на этого человека?» Они бьются все в поту: день был теплый. И они не поняли, что он спрашивает. Он повторяет: «Вот вы работаете на него...» А они не хотят даже разговаривать, потому что нарядчика боятся. Когда нарядчик отошел к другой группе, Иван попросил: «Вы объясните мне, в чем дело?». Ну, они немножко обомнужились и объяснили ему, что работают на хозяина. «Земля-то, — говорят, — его исполу, а себе-то, значит, третью долю». Ивана еще больше заинтересовало: «Как это, дескать, земля его? А я скажу — солнышко-то мое — вы будете мне за него платить или на меня работать?» Больше уж не дали ему разговаривать. Прибегает нарядчик и прогоняет его своею плетью, а на своих опять кричит: «Эй, эй, лодыри! Вы что тут остановились!» Тем дело кончилось.

Пошел Иван в то село, где владелец живет. Заходит в деревню в эту. В деревне ребята орут, другие обмарались, няньки ребят колотят, и все оборванные — махры только болтаются у них. Ну, лето — тепло, конечно, и

все по улицам бегают. Старуха одна недвижимая на улицу выползла. Просит свою девчонку принести ей питья. Вроде она параличная, что ли, или обессилела, старуха-то. В конце этого села двухэтажный дом с балконом, террасами, под зеленой крышей. И вот на балконе-то этот самый владелец сидит, распивает кофей. Зашел он в это поместье, в саду том два дитенка лет пяти и семи, разукрашены всяко как куклы, забавляются, капризятся. За ними няня ходит, всяко уговаривает, ухаживает. Иван подходит к владельцу, зашел напротив-то и говорит: «Откуда тебе такая воля пришла и благодать, кто тебе дал? Мужики работают в поту, а тебе,— говорит,— ходить в соломенной шляпе жарко стало. И вот дети их ходят в грязи, ходят в махрах, а ваши дети как ходят— с таким блаженством да удовольствием». Он на это: «Фу, какой невежа! Не дают чашки кофей выпить спокойно!» Взгорячился и крикнул дворовым: «Ведите его к становому, такого невежу. Пускай он научит его вежливости». Ну, тут же и отвели Ивана к становому, а тот зачал его плетью наказывать с приговором: не оскорбляй барина, не борись с сильным. Иван, конечно, изувечен немножечко пошел после побоев-то. Попадается ему трактир. В трактире, он видит, конечно, закусывают, выпивают. Ну, его одолел голод, охота закусить, а денег у него нет. На нем, вишь, фуфайка была такая из соболей. Ну, целовальник ему предложил: «Коли охота покушать, давай вот эту соболиную-то одежду». Конечно, желудок ни с чем не считается. Ну, он взял его одежду, напоил его, накормил. Иван пошел. Встретился он с подрядчиком-дегтярем и работать у него попросился. Год проработал. Пришлось подсчет иметь, у подрядчика все записано было, а Иван должником еще остался. Иван зачал обижаться, ну, а как при публике-то обижаться, дело и дошло до суда. А на суде-то он суд оскорбил и попал под арест. Вот когда он доказывал на суде, объяснял, суд опять держит руку подрядчика. Иван на суде-то и сказал: «Ложь, лукавство, значит!» Арестовали его.

Теперь вот Демьян. Этот на восток, значит, пошел. Тоже первым долгом он зачал работу искать. Поработал немножко на приисках и удивляется: «Металл этот непродуктивный, и к чему это все». Железо, конечно, считал обязанностью. Он оценил железо, придал значе-

ние большое, потому что оно приносит большую пользу человечеству. Видел работу в шахте, в темноте, в мокроте, как люди себя сами уродуют, а к чему это все — не понимает. И люди, как увидел, относятся жадно к этому предмету, к золоту: в работе уродуются, и кто приобретает его, — друг дружке голову рвут, у кого, значит, на руках. С другой стороны, что он будет с ним делать. Он вспомнил — ага, видел на бездельниках украшения золотые. И перстни, значит, он видел не у рабочего класса золотые.

Тогда он идет опять обыкновенною дорогой из села в село. Ну, идет — раскипелось его сердце-то. Где найти, чтобы жизнь-то была полезной? Ну, идет, продолжает путь. И вот видит монастырь, где живут монахи. Это он разобрался — работал уж немного-немало, все-таки познакомился с жизнью. Ну, находит эту контору в монастыре и предлагает, значит, свое желание в монастырь. Доносят игумену, что вот желает он поступить в монастырь монахом. Ну, его очень охотно принимают, конечно. На первых порах дают ему должность уборщика — подметать там все кельи. Демьян с охотой берется, шибко доволен сделался. Вот тут уж есть правда, раз уж святыня-божество. Тут, мол, я и буду жить — больше ходить некуда.

После своей обязанности даже у товарищей исполнял работу. Все монахи удивлялись. После этих трудов оставался в келье, опять со слезами молился богу, всем этим ликам, которые были нарисованы.

Теперь в один день подметает он келью и вдруг в самом центре разговор слышит, — где это службы-то сходятся. Ну, он притаился, не сказал им. Они не заметили его и разговор производят между собой. А тут приезжий игумен — из другого монастыря приехал — разговор, конечно, имеет с тамошним игуменом. Тот спрашивает у местного-то: «Ну, вот скоро, — говорит, — престольный праздник, а какие чудеса-то у вас тут приготовлены?» Тот отвечает: «Готовы, — говорит, — у меня такой ловкий парень приготовлен, Сенькой зовут. Но ведь для каждого дела репетиция нужна. Сейчас, — говорит, — мы его пригласим, чтобы во время действия-то ошибки не было, чтобы не догадались». Ну, послал за Сенькой, а сам подходит к иконе святой богородицы, которой предстоял праздник, надавливая подсвечник и

говорит: «Что же слезы-то не бегут? Что тут испортилось?» Снимают икону, глядят с затылку, — ослаб шарнир со шнурочком. Ну, исправили и напитали грецкую губку влагой-водой. Вот они и исправили все это на ходу, — репетицию ведь надо делать. Теперь приводят Сеньку. Парень большой, конечно, взрослый. Ну, когда привели, местный игумен и говорит: «Ну-ка, Семен, начинай во славу божию!» Хотя и публики-то нет, он начал богу молиться: крестится, кланяется... Вдруг на него обморок: падает, начинает его дергать, зубами скрипит, и пена пошла изо рта. Игумен подходит: «Ну, будет, Сенька, понапрасну силу тратить, потому что ведь не постановка еще».

Тот вскакивает как ни в чем не бывало, начинает богу молиться. А приезжий-то игумен проверяет, чтобы было надежно, чтоб не подкачать свое дело. Сенька богу молится, а сам применяется, как будет публике-то говорить. «Вот, православные, я раньше не верил в церковь, в бога не верил, подаяния никакого не подавал. За это в меня вселился бес».

А Демьян слушает и не может места найти, решил-ся дождаться престола. Хотел тут же закричать, но умолчал, догадался в чем дело-то. «Пушай, — говорит, — на факте укажу». Обожгло, значит, его, раз по целым ночам молился и все от желания сердца делал, а тут какая измена, какая неправда, подделка — все ради наживы.

Ну, и тем дело кончено. Игумен уехал, а Демьян ждет с нетерпением праздник. Ну, работает, он, конечно, попрежнему, только все это ему противно, но не оказывает себя. После своего занятия всегда выходит на прогулку к реке на бичеву. И вот один игумен ходит по бичеве — собирает галечки красные. Он это увидел, его и заинтересовало. Он и спрашивает: «Для чего это вы собираете все это галечки?» Тот неполным смехом усмехнулся и сказал: «Много будешь знать — скоро состаришься». Ну, конечно, ждут праздник. Дня за три, за четыре все квартиры начали заполняться публикой. Ну, Демьян все примечает: принимают как их тут, приезжих-то.

И вот, когда собрался народ, все разговаривают: женщины с женщинами, старухи со старухами — что ходили, как помогает. Которые говорят, что плохо помо-

гает. «Я вот, де, ходила три раза уже, да не помогает». А другие, значит, хвалят, говорят, что вот уже в дороге полегчало.

А дня за два до престола Демьяну опять на глаза попался этот игумен: сидит около ворот и наговаривает, а в ящике у него эти галечки накладены. «Вот,— говорит,— православные, кто желает матушки-пресвятой богородицы слезы? Когда Христа распинали на горе Голгофе, матушка-пресвятая богородица роняла слезы, и они превратились в камни — в эти галечки. А я, как раб божий, их собрал. Так вот желаете? — по пятаку слезка». Конечно, публика разобрала это все. Друг друга топчут, каждому охота доступить слезки.

И проходят сутки, значит. Во время праздника с утра рано публика стекается. Проходу прямо нету во время дня престола-то. И вот этот Семен-то или Сенька ли за оградой, на улице упал, зачало его ломать. Он очуствовался и закричал: «Православные, здесь есть чудотворная икона. Может, она меня спасет. В меня вселился бес, потому что я в бога не верил и подавания не подавал. Дак, может, она меня спасет». Это в ограде еще. А там уж служба зачинается. Хотя и много было народу, ему-то дали дорогу и провели в самый центр. Живо представили к этой иконе богородицы. Ну, главные там архиереи, значит, подошли с кадилами, кадят. Публика говорит: «Бес, дескать, не вытерпел ломает его перед святыми». А игумен с кадилой начинает говорить: «Изыди, изыди, нечистый дух, из раба Семена!» И вот он встает, будто ничего не было. А тут игумен подходит к подсвечнику, направляет свечку, незаметно нажимает подсвечник — и слезы потекли у богородицы. Публика тут заохала: «Батюшки, дескать, как она смиловалась!» Заплакали о грешнике — покаялся, дескать. Вот тут-то Демьян и закричал во все свое горло: «Православные, не верьте! Все это обман. И галечки вы с бичевы покупали, а не богородицины слезки. И все это подделка. Семен, дескать, подкуплен». Тут, конечно, хотя он успел все высказать, бежит к нему монах с расширенной ладонью, подбегает, зажимает ему рот. Его связали и в Сибирь за богохульство сослали — нашел правду!

Теперь Степан. Идет он путем-дорожкой. Слышит, двое в коляске разговаривают, в ту же деревню едут,

куда Степан идет. Тут едет сборщик податей и мясник. И вот они переговариваются. «Недоимщики, дескать, будут просить оттяжку: подожди, дескать, до осени, а ты не оттягивай, а тут же описывай скотину, а я буду по дешевке покупать». Степан все это узнал, только не понимает, к чему все это клонит. Приходит в село и объясняет: «Что такие за люди эти вот?» Ну, местные крестьяне их хорошо знают. «Этот,— говорят,— сборщик, а тот — мясник». Степан догадался и объяснил подробно, что ожидает их. Крестьяне ему не поверили. Дескать, мало ли какую чушь сплетет. Ну, они тогда поверили, когда те на факте стали действовать.

Крестьяне просят: «Ну, недельки три подожди. Мы с делами поправимся, там урожай снимем да что...» Просят, а они никакой пощады: описывают. Ну, крестьяне им не подчинились. Самоуправно их исколотили, мясника-то — пуще всего. Ну, они и ускользнули безо всего. А этому селу предстоит еще другая беда — давно уж тянется дело. Владелец их должен переселить на другую землю — взять у них землю ценную, а им дать другую землю — каменистую, и вода там горькая. Они не согласились добровольно. Тогда владелец приезжает с силой — батальон войска привел, сам начальник батальона предложил им: «Хотите?» — «А мы, дескать, лучше умрем, а на горькую воду, на каменистую землю переселяться не будем» — крестьяне-то. Тогда владелец обратился к начальнику военному: «В штыки! Разогнать их». Виновных ищут: «Кто вас расстраивает?» Ну, а кого они выдадут, когда у всех интерес один. Тогда скомандовали: «В штыки!» Когда схватка-то началась, Степан и закричал: «Ребята, что вы робеете-то?» Подступил, выхватил винтовку и начал действовать против армии, значит. Другие мужики так же поступили по его примеру — кто с чем. Сила-то неравная. И вот в этой схватке сын закалывает своего отца. Он его признал, сына-то, когда тот колоть-то начал. «Ты ли,— говорит,— это, Ваня? Будь,— говорит,— ты проклят от меня навечно». И сам отдает последние вздохи. Ну, Ваня понял, что преступление сделал, бросился к офицеру и его кончил. После этого главарей забрали и — в Сибирь. И Степан там был.

Теперь Лука. Он на лесосеках, на сплаве вроде работал. Ведь он работал и не то что свою работу, а и

товарищей, значит, видел. На сплаве да на лесосеках многого он нагляделся: кто доупаду работает, тому во время сдачи дров половину марают, другому приписывают, кто, может, одну десятую недели работает-то. Кто работает — голодает, а те с пищей блаженствуют. В их компанию урядники и стражники примазывались, выпивают, а один раз и судья сюда же втяпался.

И все это на средства, которые во время заготовки они смарывают. Лука-то их и объявил публично. Его конечно, преследуют, как преступника власти. К суду-то когда коснулось, он и самого судью, значит: «Лично я видел, когда ты с этой шайкою пьянствовал». Ну, и Луке — кандалы.

Все, значит, братья встретились в глухом месте, на каторге и все свои приключения рассказали. «Вот наши мы, дескать, в русской земле правду!»

2

ПОП И РАБОТНИК

Жил-был поп и был у него работник, смекалистый этаким мужичок. В работе он особенно не усердствовал, а впросак не попадал, все попоа проводил.

Вот однажды рассердился поп на мужика за какую-то проделку и решил его проучить. Думал, думал, как бы наказание мужику придумать и решил поморить его денек.

Вот разбудил поп работника раненько утром и говорит ему:

— Собирайся-ка живо, лентяй, съездим до завтрака в лес по дрова. А сам про себя думает: «Уведу я его подальше в лес по другой поворотке, ну, и проедем, глядишь, до вечера-то». Вот поел поп досытечка, а мужика не накормил и попадье запретил с собой им еду ложить. Сели на лошадку, поехали.

Только въехали в лес, а мужик закричал не своим голосом:

— Батюшка, не гневись! Топор-то дома забыл! Поймай маленько, я вмиг сбегаю до дому.

(Мужик-то, ишь, знал, что поп верил той примете, будто вернешься с дороги, дак несчастье произойдет).

Прибежал мужик домой и говорит попадье:

— Матушка-попадья, смилостивился батюшка, послал меня пирогов да шанег с собой взять.

Поверила попадья, наложила мужику шанег да пирогов, схватил он топор — и ну попа догонять. Догнал его — дальше поехали. Долго ли, коротко ли ехали, мужик и говорит попу:

— Батюшка, а, батюшка, повертку-ту никак проехали.

— Сиди, болван, знай!

А сам все глубже, да глубже в лес едет. Сообразил мужичок в чем дело, доволен, что опять попа перехитрил. Сидит себе, посмеивается, да тайно от попа шаньги поедает.

Долго они по лесу ехали. Вот время за полдень, а они все едут и едут. Мужик весел и сыт, а у попа в желудке пусто, злой он едет. Вдруг поп заметил какую-то деревушку — а дело-то к вечеру — поп решил заехать туда попить, поесть да переночевать.

Заехали к одному крестьянину во двор, забеспокоились хозяева — получше батюшку угостить захотелось. Мужик вперед попа вошел в избу, хозяева спрашивают у него:

— Что, де, батюшка особо уважает?

Ну, назвал им чо-то мужичок, особенно упирал на то, что не любит батюшка, когда его несколько раз за стол зовут. «Ежели, — говорит, — не сядет с первого разу, так вовсе не зовите, а то страсть как разгневается».

Вот вошел поп в избу, хозяева его за стол приглашают.

А поп любил, чтоб за ним поухаживали, отказался на первый раз для приличия. А мужик сразу сел, наvertsывает во-всю, да над попом про себя посмеивается. Так поп злой и голодный спать лег.

Наутро, чуть свет, домой поехали. Поп голоднехонек, а мужик хоть бы что, — сыт и весел. Проучил попа.

БАТЮШКА-ВОРОЖЕЙ

Жил в одной деревне батюшко. Ну, он провинился чем-то перед селом. А ведь в старинное время как убрать батюшку? Ну, сделать надо сход. Теперь собрание, а тогда сходка называлась. Ну, сход постановил:

уволить батюшку с должности, обоих с дьяконом. Батюшка задумался: «Что я буду делать?» Работать неспособен, такой службы никакой не может нести. Так! Теперь дьякон ему предлагает: «Батюшко,— дьякон говорит,— я буду воровать, а ты будешь ворожить. Вот я у соседа украду корову и сведу ее в лес, а хозяина к тебе пошлю ворожить». Вот он украл корову и свел ее в лес, привязал. Батюшке и говорит: «Батюшко, я пошлю к тебе. Корова-то в лесу, на такой-то местности. А ты карты раскидывай».

Вот утром встает народ, этот старик со старухой ревут — украли корову. Ну, народ собрался. Дьякон как раз тут случился и говорит старику: «Старик, сходи к батюшке, он шибко хорошо ворожит, точно скажет, где твоя корова находится». Ну, старик со старухой пошли к батюшке ворожить. «Батюшко,— говорят,— поворожи нам, не знаешь ли, где наша корова?» Батюшко берет карты и говорит: «Ваша корова жива, находится она в лесу, привязанная к лесине». Ну назвал — вот у такого-то места. «Пойдите, мол, по дороге, до этого места дойдете, сверните направо — тут увидите свою корову. Надо искать,— говорит,— сейчас же, а то ее уведут». Ну, старик со старухой пошли в лес на указанное место и натакались на эту корову. Тогда, значит, батюшке тащат маслом, тащат ему яйцами, сметаной. Сколь было у старика в доме — все свалили батюшке за то, что поворожил правильно — корова нашлась.

Теперь с этого времени батюшка расславился хорошим ворожеем. Ну, дьякон ему, конечно, помогал: то корову уведет, то лошадь. На прочие деревни перекинулся. Из прочих деревень к батюшке пошли. А потом пропал из государственного банка денежный ящик. Собралось начальство, думают, что делать? как? И полиция вся тут. Один предлагает: «Давайте, мол, сходим к батюшке, поворожим. Этот батюшка очень известный, по всему уезду ворожит. Он скажет этих воров». Ну, пригласили батюшку к себе. «Батюшка, ты, говорят, очень хороший ворожей — все кражи раскрываешь. Ну, нашу кражу ты обязан раскрыть. Если укажешь этих воров, то мы дадим тебе большую награду, а не укажешь, так мы тебя под суд отдадим». Вот батюшка думает: «Все равно мне теперь пропадать, раз не дьякон украл». И говорит им: «Купите мне четверть вина, а через три дня

я приду. Я, значит, подумаю — ваша кража очень серьезная». А сам думает: «Все равно мне пропадать, так я лучше выпью четверть вина и подохну с вина-то».

Ну, а воры эти узнали, что батюшка должен притти. В то время и пришли к дому слушать, что батюшко будет рассказывать. Батюшка наливает стакан и говорит: «Вот один идет» — вор как раз подходит. Когда выпил стакан, говорит: «Один пришел!» — вор под окном. Через несколько времени наливает второй стакан: «Вот второй, — говорит, — идет!» — а вор второй как раз к окну...

Наливает третий стакан, значит, и говорит: «Вот третий идет», а выпил: «Вот третий пришел». А воры как раз все трое под окном. Ну, воры и говорят: «Давайте повинимся, раз уж все батюшка ясно показал, а то он нашу личность выведет — покажет».

Ну, воры сознались, жулики-то, а главному жулику — награда. Вот и все.

4

ТЕЛОЧКА

Жил-был бедный крестьянин. Выгнал он на рынок телочку, стал продавать. Подходит барин:

— Кого продаешь?

Крестьянин отвечает:

— Продаю телочку.

— Может ли быть, что ты продаешь телочку? Не обманывай народ, ты продаешь козу.

Отломил барин у телки хвост, отдал бедняку обратно, а телку взял за веревку, повел домой. Крестьянин видит, что дело плохо — пошел за барином вслед. Подходит барин к своему дому, заводит телку во двор. Крестьянин пошел домой, взял лист бумаги, карандаш и отправился опять к дому барина. Подходит к этому дому и начинает сымать чертеж. Барин увидел, что старичок делает — посылает прислугу. Прислуга выскочила, спрашивает:

— Что, дед, делаешь?

— Сымаю чертеж с дому, дом хочу себе строить такой.

Теперь кухарка забегает к барину и говорит:

— Барин, хочет себе дом такой старик строить.

А барин говорит:

— Веди его ко мне.

Заходит старик к барину, барин его спрашивает:

— Что, дед, ты плотник?

— Да, я строитель по чертежам домов.

— Мне такой дом не выстроишь?

— Пожалуй, выстрою.

— Ну, хорошо, есть у меня дубрава, нужно мне там дом выстроить.

Берет старичок топор за опояску и отправился с бариним в дубраву. Когда заехали в дубраву, снег очень был глубокий. Старичок барину и говорит:

— Барин, не надо нам лошадей маять, пусть кучер останется при лошадях, а мы с тобой пойдем пешком. Барин так и сделал: оставили лошадей,— пошли пешком.

Шли, шли, барин и говорит:

— Ну, как, старичок, лес годен будет?

— А вот срубим — узнаем.

Взял старичок — срубил дерево. Когда дерево свалилось, старичок втыкает в комель топор — комель раскололся — и говорит:

— Щупай, барин, сердцевину — хорошая, так весь лес хороший.

Когда барин засунул руку, старичок вытащил топор, барину руку и прищемило. Старичок вынимает из-за пазухи хвост от телки, начинает барина бить этим хвостом.

— Не отбирай у бедняка телку за козу!

До полусмерти его избил этим хвостом. Теперь старичок отправляется опять домой пешком, а барин остался — рука в лесине.

Ждал-ждал кучер — барина нету, пошел по тропинке, натакался¹ на барина — барин до полусмерти лежал убитый. Вытащил руку барину и поехали домой. Едут домой — навстречу старичок — обвешал себя пузырьками, сказался фельдшером.

Барин спрашивает:

— Ты кто будешь?

— Врач,— говорит.

— А вот узнаешь, что за болезнь у меня,— тогда поверю.

¹ Натакался — наткнулся.

Старик берет, вертит у барина руку и говорит:

— Прижим сосны у тебя.— Сразу угадал!

Посадили старичка, повезли домой. Когда приехали домой, барин кричать начал от боли, жар вступил в него. Старичок приказывает истопить жарко баню, чтобы делать припарки барину. Приходит в баню. Старичок вынимает опять хвост и начинает его колотить, до полусмерти укатал. Барин после этого боя заболел и кончился.

5

ПЕТР I И МАТРОС

Шел моряк по Петербургу, а сам был вдрезину пьяный. Позади едет император Петр Великий. Моряку надо будет честь отдать, становясь во фронт, и боится он пасть с ног. Прислонился моряк к забору, встал во фронт и отдает подъехавшему императору честь.

Император заметил, что моряк пьяный и чуть на ногах держится, и говорит:

— Эй, моряк, на мель не попади.

Моряк недолго думавши отвечает:

— Никак нет, ваше императорское величество! Большого валу миновал, на мель не попаду.

Петр Великий заинтересовался ответом моряка, спросил, как его фамилия.

— Большаков, ваше императорское величество.

— В завтрашний день явись ко мне в двенадцать часов дня во дворец.

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

Император уехал, а моряк пошел домой. Явился в свою часть и докладывает по начальству:

— Видел его императорское величество, под замечание попал, велел завтра явиться в 12 часов во дворец.

— Ах, подлец ты этакий, весь флот наш загадил. Сейчас посадить его под арест!

Посадили моряка на вахту¹, где он и просидел ночь.

На другой день выпустили его из-под ареста и под конвоем отправили к императору во дворец.

— Большакова привели,— докладывает конвоир императору.

¹ Гауптвахту.

— А вам кто приказал его привести?

— Начальство.

Император издал приказ: «Вы арестованы все — ваше начальство, как Большаков. А ты, Большаков, проходи в комнату».

Заходит Большаков к императору в комнату, а в комнате на столе приготовлен гусь жареный и весы тут же стоят.

— Вот, Большаков, мы сядем обедать: я, царица, четверо наших детей. Разрежь гуся на шесть частей и чтобы каждая часть была равна. Если не равны будут части, то тебе голову долой.

— Могу, ваше императорское величество, разделить на части и равные будут, только при всем сенате.

Император созывает сенат. Сенат явился к императору.

— Давай, Большаков, дели.

— Ваше императорское величество, дайте мне слово.

— Давай, говори.

— Сенат поучился 18—20 лет. Теперь они полные генералы, майоры, лейтенанты. Прежде пущай они разделят гуся. А если не сумеют — я разделю.

Император признал, что Большаков говорит правильно и обратился к сенату:

— Вот вы сумеете разделить гуся на шесть частей, чтобы каждая часть была равна. Если не сумеете — голова долой.

Сенат отказался:

— Не сумеем, ваше императорское величество.

Они боялись, как бы император не снял с них голов.

— Тогда распишитесь в этом — сказал император.

Сенат расписался все до единого.

Император тогда сказал:

— Ну, теперь, приступай, Большаков, дели.

Сели за стол император с государыней, четверо их детей — два сына и две дочери. А министрам Большаков приказал садиться и соблюдать за правилами.

Большаков взял гуся, отрезывает голову, подает ее императору и говорит:

— Вот ты, царь, голова всему — кушай голову.

Царице отрезает огнивца¹:

¹ Плечевые косточки крылышек.

— Вот ты помощница царю, тебе огнива кушать.

А сынам отрезает по ляшке:

— Вы, сынки, скороходки, в школе учитесь, чтобы вам поскорее было ходить.

А дочерям отрезает крылышки:

— Вы, дочери, до 18—20 лет будет жить у отца с матерью, а потом замуж выйдете. Так вам полегче чтобы было улетать.

А я моряк-сиротка, так мне вся гусиная середка.

И придвинул остальную часть гуся к себе.

Сенат догадался, что перед императором все дураками остались. Рассмеялся император находчивости моряка и сказал:

— Правильно, Большаков, разделил гуся. А вот сенат все дураки. Будь ты, Большаков, полным генералом.

Большакова обмундировали: в генеральскую форму одели, брюки с лампасами и дали несколько дивизий командовать ими.

Большакова солдаты любили, за отца родного почитали, он с ними ласков и вежлив был.

6

ЗАКОЛДОВАННАЯ ГОРА

Была в одном месте гора заколдованная, и цветы по ней росли хорошие, каких не видали никогда. Тропки по горе шли винтом, все выше и выше, а цветы все лучше и лучше. Человека заманивали на самый верх, а сверху никто не спускался, там ровно бездна была.

Однажды мать с сыном жили, и высватана была сыну невеста. Сын-то уехал в город купить что-нибудь невесте, а мать с дочерью вздумали пощипать цветов с этой горы. Ну, вздумали пойти — пошли одна за другой. Дочь — впереди, а мать за нею. Только они кверху поднялись, их, как вихрем, сдунуло в бездну. Мать не перенесла этого, упала и досмерти, а невеста пала и как-то не разбилась.

А там есть заколдованная девушка в горе этой и она управляет всею горой. Там если кто спасется, так работает в горе. У них там в заколдованной горе производство. Вот она их отправляет в производство. А кто досмерти убьется, тех хоронят. Мать-то похоронили, а дочь

в производство отправили. Пришел когда сын, ему сказали, что они за цветами пошли и не вернулись. Он туда же пошел разыскивать.

Когда он попал в бездну, он не зашибся. Этой девушке заколдованной объявили, что пал, мол, человек. Она пригласила его к себе. У ней там все помещение вызолочено. Он зашел и удивляется, что это такое? Никогда он раньше такого не видал. Вот она говорит ему:

— Ложитесь на койку, отдохайте, а потом я вас переведу в другое место. Только лежите и не шевелитесь.

А сама легла напротив. А он с нее глаз не сводит, думает: «Хоть меня загуби, а я подойду к ней». Наконец, не выдержал, подошел и ее спящую поцеловал. Она его за руки схватила:

— Вы что это делаете? Я вам не разрешала шевелиться, смерть обещала.

Ну, потом ничего, она его полюбила:

— Ладно, будешь моим помощником.

Вот они и жили там, ездили в заколдованной горе на машине, там у них дворец был целый. Только ему невесту хотелось увидеть. У заколдованной девушки был медальон, она как им махнет — гора раскроется, они в город проедут, по городу ездят. Он своих видел, а его никто не видел. Вот он у нее стал просить: «Своди, мол, меня посмотреть, что у тебя за производство». Она повела его. Привела. Очень много у нее народу было: и молодые, и старые, и девки. Она-то не знала, а он нарочно, чтобы невесту увидеть свою.

Ну, пришли на производство, смотрят. А он все по девушкам смотрит. У невесты-то мизинчика не было. Наконец, увидел ее, по мизинчику узнал. Засмотрелся на нее. Заколдованная девушка заметила, что он смотрит на эту девушку, у которой мизинчика нету-ка. Увела его: «Что ты, мол, на нее глядел?» Он говорит: «Это моя невеста. Я из-за нее сюда и попал». Он просил, чтобы она выпустила невесту. Она, мол, будет с нами работать вместе. А заколдованной девушке это не надо было. Она послала живо своих слуг, те зарезали девушку и принесли руку, у которой мизинчика нету. И сказали ему, что ее нет живой, убило ее машиной. Он с той поры все стал грустить и грустить. Заколдованной девушке не нравилось, что он грустил. Потом он стал ее просить: «Давай отсюда выберемся, не будем здесь жить. Если

ты меня любишь, сделай так». Она говорит: «Если так сделаем, каменная гора нас не пропустит. Вот только как можно: взойти на гору, пасть в воду и выплыть по заворотам: Только так можно».

Взошли на гору, там очень быстрая река. Решили они пасть, чтобы выйти из горы.

— Как, мол, будем падать?

— Оба вместе падем и будем плыть, стараться как можно выплыть.

А вода шибко быстрая, прямо бурлит.

И вот они с горы оба решились вдруг скакнуть в воду. Скакнули в воду. Он сумел переплыть и вылез на берег, а она не смогла, утонула. Он выплыл и долго ждал, пока она выплывет. Но она не выплывала; он пошел по берегу, чувствует себя совершенно свободным от заколдованной горы.

Наткнулся он на рыбака, попросился у него отдохнуть. Рыбак его пустил, а сам уехал на охоту. Приезжает поутру и рассказывает новость: какая девушка красивая, мол, выплыла на берег. Молодой человек стал просить рыбака: «Укажи, мол, где она?» Рыбак говорит: «Закопал я ее уже в берег». Он все же говорит: «Покажи мне эту девушку».

Рыбак не мог отбиться, и пошли. Пришли, выкопали эту девушку, он с груди медальон взял и закопал опять девушку и отправился в город. В город как явился, доложил начальству, что открыл он заколдованную гору, предъявил, что вот, мол, сколько там людей гибнет. «Я,— говорит,— плавком смог выплыть». Объяснил, что жили они с заколдованной девушкой, как муж с женой. «Поедьте,— говорит,— в гору».

Сколько народу поехало! Приехали. Он медальоном махнул, и гора раскрылась. Они заехали. Все там работают на производстве. Весь этот народ выпустили, гору нарушили и цветы все.

7

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У царя было три сына, третий-от Иван-дурак. (Дурак, а он все всех хитрее делает, хоть когда.)

У них было скота много. Повадился к ним Идолище трехглавый волов таскать. Послал отец караулить волов

сперва старшего сына: «Ступай караулить волов». Пошел старший сын до двенадцати часов просидел, спать захотел, лег спать и — проспал. Утром встал, никого не видал, а вола опять нет одного. На другой вечер посылает отец другого сына. Этот так же до двенадцати часов прокараулил, потом уснул и все проспал. Утром встал, никого не видал, а вола нету-ка. На третий день приходится Ивану-дураку итти... «Ступай, Иванушко, карауль!» Досидел Иван до двенадцати часов, потом в колодце умылся. Маленько прибодрился и опять стал караулить. Вдруг прилетает Идолище о девяти головах, схватил вола, потащил. Иван за ним побежал. Бежал, бежал. Идолище долетел до края деревни, спустился на землю, открыл западню и спустился вниз.

Вот Иван подбежал к западне, открыл ее, поглядел — там свет, под землей-то. Ушел домой. Приходит домой, отец спрашивает у него: «Что, укараулил, Иванушко?» «Укараулил. Колите сорок волов, делайте на сыромьять». Закололи волов, сшили колыбелью и пошли все к этой западне, пришли к западне, заставил Иван братьев открывать западню. Старший-от даже поднять не мог, а средний-от только пошевелил, а Иван-от сразу открыл. Сел Иван в колыбельку, стали братья спускать его под землю. Он братьям наказывает: «Вы ждите меня у западни». (Сказка-то ведь скоро сказывается, а он не мало-маленько — три года тамо ходил). Шел-шел Иван, дошел до избушки. Избушка на куричьей голяшке стоит, повертывается. Иван и говорит: «Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила, к лесу задом, ко мне передом». Вот избушка стала, Иван зашел в нее, а на печи сидит Ягишна старая-престарая, сахар гложет, только хрупошок стоит.

«Куда же ты, — говорит, — молодец, пошел?» «А напой, накорми, да тожно вести расспроси». Вот она напоила, накормила. Он рассказал, что вот так-то и так, стал у нас Идолище волов таскать, так я и пошел его доступать. «Ой, дитяtko, где же тебе его доступить, да ведь он тебя спожрет. Ступай туда, там стоит царство медное. Там Идолище трехглавый живет».

Вот Иван шел-шел, дошел до этого царства, зашел в дом. Там сидит красивая девица, опять же спрашивает: «Куда, молодец, направился?» Он опять: «Напой, накорми, потом вести расспроси». Напоила девица, накор-

мила, а Иван все ей и рассказал. Всплеснула руками девица: «Ой, Иванушко, ведь он сейчас прилетит, куда же я тебя деваю. Ну, ладно, полезай в ящик!» Только успела она его закрыть, а Идолище в избу. «Фу, фу, русский дух!» «Да ты,— говорит,— летал по Руси-то, так и мне притащил». «Давай, любезна, покушать». Собрала она ему кушать, полбыка притащила мяса. Он накушался и говорит: «Ну, любезна, открывай ящички». Она тот ящик открыла, другой ящик открыла. «Ну, ладно, теперь я пойду в холодны погребца отдыхать». Вот девица пошла посмотрела — Идолище спит. Она сказала Ивану: «Бери палицу трехпудовую и бей его!»

Он скажет: «Дважды бей!», а ты говори: «По-нашему, по-христиански, по-русски один раз бьют». Вот Иван стал на ногу Идолищу, за другую взял и раздернул его, положил в костер и сжег, а пепелок развеял. Зовет Иван девицу: «Пойдем со мной», а она отвечает: «У меня еще там сестра, ты сходи к ней».

Шел, шел Иван, дошел до серебряного царства. Заходит туда, а там сидит девица еще краше да богаче. Девица спрашивает: «Куда, молодец, путь держишь?» А он ей в ответ: «Напой, накорми, да тожно и вести расспроси». Наелся, напился Иван и начал рассказывать, что были, де, у них волы, да Идолище их стал таскать, вот отец и послал его. «Ох, молодец, да куда же я тебя деваю, ведь он вот-вот прилетит из Руси из вашей. Садись в ящик, он пойдет вот в этот, а вот в этот не пойдет». Сел Иван в третий-от ящик, вдруг раздался гром, и прилетел Идолище шестиглавый. «Фу, фу, русским духом пахнет». А девица в ответ: «Ты летал по Руси-то да сам и нахватался русского духа». Вот начала девица кормить его, принесла три части быка, он все это сожрал, проверил два ящичка да и пошел спать в погреб.

Ну, она маленько помешкала, посмотрела — Идолище уснул, дала Ивану шестипудовую палицу и сказала: «Иди, Иван, бей его прямо в сердце, он ничего не слышит». Вот Иван стал на ногу Идолищу, за другую взял, раздернул, сжег на костре и пепел по ветру раздул. Иван зовет девицу с собой, а она не идет, говорит, что там еще есть сестра красивее да наряднее, мол, меня.

Вот Иван шел, шел, дошел до золотого царства. Сидит там девица красоты неописанной и спрашивает Ивана: «Куда, удалец, путь держишь?»

«Напой, накорми, а потом и вести расспроси». Напился, наелся Иван и говорит: «Повадился к нам Идолище волов таскать, вот батюшка и послал меня искать его». Девица захохала: «Куда я тебя деваю? Ведь он сейчас прилетит Идолище-то девятиглавый». Только успела она его в ящике спрятать, а Идол и в комнату. «Фу, фу, русским духом пахнет». «Да ты по Руси-то летал, хватался русского духа да и мне принес».

«Ну, ладно, давай, любезная, есть!» Съел целого быка и пошел спать в холодные погреба. Девушка посмотрела на него на сонного и Ивана посылает: «На тебе палицу девятипудовую да иди бей его прямо в сердце». Иван пошел, проткнул Идолища палицей прямо в сердце. Идолище говорит: «Бей дважды!» — «Нет, — отвечает Иван, по-нашему, по-русски одиножды бьют». Торнул об угол Иван Идолища, так что все девять голов разлетелись, и зачал звать девицу с собой. Девица дала яйцо золотое Ивану. «На, катни по царству яичко!»

Иван катнул, все царство собралось в яичке. И они пошли к средней сестре, к серебряной девице. Вот и она тоже собрала свое царство в яичко, только в серебряное. Пошли они втроем к старшей сестре. И она дала Ивану яичко, он катнул его по медному царству, и все царство собралось в одно яйцо. Пошли они все к зыбке, за ремни трягнули. Посадил Иван сперва старшую сестру, вытащили ее братья и начали драться: тому надо и другому надо невесту. Она им говорит: «Не деритесь, там у меня еще сестра, красивее меня». Вот они опять спустили зыбку. Иван посадил девицу из серебряного царства. Они ее вытащили, опять драться стали, а она им говорит, что там еще сестра есть лучше ее. (Вытащат, а они ведь одна другой краше, вот им и хочется лучшую взять, они и дерутся.) Опять братья зыбку спускают, вытащили сестру самую красавицу и опять драться да спорить. Она им в ответ: «Там у меня еще сестра красивее меня».

Снова спустили зыбку. Иван сел в зыбку. Как только братья его увидели, так и обрезали ремни, он и улетел обратно. Долго Иван лежал, потом пошел. Шел, шел — на старика наткнулся (а старик-то этот — всему скоту и всей птице царь).

«Не надо ли тебе, дедушка, пастушка?» Старик отвечает: «Надо. Иди паси стадо, на восток гоняй, а на за-

пад, на север и на юг не гоняй». А Иван погнал туда, куда старик не велел. Пришел, расположился, медное яичко катнул, царство раскрылось. Иван наставил самовар, сел чай пить. Вдруг бежит Ягишна. «Это кто расположился на моем приволье?» Увидела вдруг царство, забежала. «Налей мне чашку!» Иван налил. «Налей другую!» Иван опять налил. «Налей третью!» «Рыло ожгешь». Она и зачала драться, а Иван ее тряхнул, так что голова отлетела. Он сделал из головы чашку, собрал царство снова в яйцо и погнал стадо обратно к старику. «На-ка,— говорит,— дедушка, тебе чашку». «Ой, ты, дитяtko, да у меня всякой посуды полно, мне золотую, серебряную да медную не придержать». И на другое утро погнал Иван стадо в ту сторону, куда старик не велел. Расположился опять Иван с серебряным царством, а на привале опять другая Ягишна. Она увидела царство, прибежала, чаю попросила. Один раз налил Иван, вдругорядь, а в третий раз и говорит: «Рыло ожгешь». Она опять драться. Иван схватил ее да так торкнул, что у нее и голова с плеч. Опять из ее головы Иван чашку сделал и несет дедушке. На третье утро встал Иван и погнал стадо. Опять туда, куда старик не велел. Расположился с царством теперь с золотым, поставил самовар и стал чай пить. Бежит Ягишна. «Что за невежа расположилась на моем приволье?» Увидела царство, забежала и просит у Ивана чаю. Вот одну чашку выпила, другую, третью хотела, да Иван в ответ: «Рыло ожгешь». Яга драться полезла, но Иван убил ее и чашку из головы сделал да дедушке и принес. Стал Иван у дедушки спрашивать: не слыхал ли он про белый свет и как туда добраться можно. «Нет, дитя, я не слыхал. Вот давай у всех птиц спросим». Собрали птиц, но никто не знает.

«Погоди, Иван, еще старого орла нет, прилетит он, так у него спросим, не знает ли он про белый свет». Прилетел старый орел. Старик спрашивает, не слыхал ли он про белый свет. Говорит орел: «Не только слыхал, сам сколько раз туда летал». Говорит орел Ивану: «Бери на одно крыло сорок бочек солонины и вилы, а на другое — сорок бочек воды и черпак. Если в одну сторону голову поверну, то ты вилами мне мясо бросай, а в другую — так черпаком воду лей».

Вот полетели Иван с орлом. Дедушка подал Ивану

живой воды и мертвой. Летели, летели. Иван все роздал, боле ни воды, ни мяса не осталось. Повернулся орел, а Иван отрезал свои икры и вместо мяса бросил. Вот прилетели они на белый свет, орел и говорит: «Давай слезай!» Иван отвечает: «Я не могу итти, я все икры тебе отдал». Вот орел зачал рычать, рычал, рычал, все икры вырыгал. Иван смочил их мертвой водой, они приросли, обрызнул их живой водой, встал и пошел. Шел, шел Иван, до деревни дошел, в крайнюю избу зашел, там бабушка-задворенка жила. Попросился к ней Иван на квартиру, он уже знал, что завтра у его у старшего брата свадьба. Бабушка должна была шить платье невесте. Иван посмотрел этот материал, залез на полати отдохнуть. Бабушка ушла корову доить. Он весь материал исстриг. Бабушка заойкала, загоревала, а Иван говорит: «Не горюй, бабушка, ложись спать, завтра готово платье будет».

Сам пошел на улицу, развернул медное царство, достал подвенечное платье и положил на полку. Утром приехали от царя за платьем и увезли его. Вскоре другая сестра замуж выходит за среднего брата, тоже стала платье просить. Опять изрезал матерьял у бабушки Иван, а сам раскинул серебряное царство и достал оттуда подвенечное платье. Опять увезли платье к царю. Обе сестры узнали свои платья, и младшей захотелось новое платье. Опять Иван исстриг матерьял, а сам из золотого царства достал новое платье и положил на полку. Поутру приехали от царя за платьем, а Иван лег на полати и руку с ее кольцом спустил через брус. Заходит девица за платьем, увидела кольцо и говорит: «Вот он где мой-от женишок».

Тут все поехали к отцу и сделали пир на весь мир. Я тут была, мед и пиво пила, по устам-то бежало, а в рот-от не попало.

8

МЫШЬ НАСТАСЬЯ

Жили-были старик со старухой. У них была одна-единственная дочь Настасья. Стали к ней сватовщики свататься. Отец с матерью отдают, а ей жених не по мысли, но прекословить она не стала.

Наступил день свадьбы. Приехала свадьба, невеста

ушла в голбец сряжаться одна, никого не повела. А сама стала рыть нору. В это время сваха спрашивает: «Ну, невеста, скоро ли?» «Уж чулочки одела, ботиночки одеваю», — а сама уж по колено в землю ушла. Вот сваха вдругорядь спрашивает: «Ну, невеста, скоро?» «Уж рубашку да юбочку одеваю», — а сама уж по пояс ушла в нору. Сваха в третий раз спрашивает: «Скоро ли?» А невеста в ответ: «Уж платье одеваю», — а сама уж по горло в земле. Еще спрашивает сваха невесту. Сперва был слышен ответ, что шаль, мол, да цветочки одеваю, а потом и вовсе не слышать стало голоса невесты. Посмотрели, посмотрели — ну, что сделаешь, где невесту найдешь — разъехалась свадьба.

А невеста шла да шла по подземелью и увидела дом. Стукнулась она о землю и превратилась в мышь. Подбежала мышь к дому, видит — живет богатый мужик, а у него сын есть один-разъединый. Сын работал под сараем, в огороде, сани огибал. А мышь Настасья стала проситься к ним на квартиру: «Я, — говорит, — и на печке помещусь, мне немного места надо». Села она на печку, а сыну вяз понадобился, он и попросил подать ему. Она подала, а он ее и колонул вязом-то. Вечером он собирался на вечерку итти, и она просится у стариков: «Я, — говорит, — посмотрю, за задним брусом помещусь». Отпустили ее старики. Она превратилась опять в девицу Настасью, срядилась и пошла на вечерки. А этот парень на вечерке все около нее, ну, и спрашивает: «Ты, барышня, какого городу?» Настасья отвечает: «Я такого городу, где колотят вязом в голову». Ну, погуляли, погуляли. Настасья раньше всех убежала, опять стукнулась, стала мышкой и — шмыг на печку.

На другой вечер сын опять собирается, стал умываться, а мышь — прыг на рукомойник. Он ее хлоп ковшом-то, она юркнула на печку обратно. Ушел молодец, а она опять просится на вечерки поглядеть. Старик говорит: «Тебя там затопчут», а она: «Ой, да я за трубой помещусь». Отпустили старики мышь, а она превратилась в девицу-красавицу и на вечерке была лучше всех. Парень-то опять с ней гулял, а потом спрашивает: «Ты, барышня, какого городу?» «Я такого городу где колотят ковшом в голову». Раньше всех убежала Настасья с вечерки домой, превратилась в мышь и юркнула за трубу.

На третий вечер сын снова собираться стал, умывается, а она — тут как тут. Он и хлоп ее мылом по голове. Оделся, ушел на вечерку, а мышь просится у стариков: «Я на грядке помещусь». Снарядилась Настасья в дорогое платье, с драгоценными камнями да бриллиантами. Зашла на вечерку — там все даже осветилось. Опять тот же парень гулял с ней и спросил, какого она городу. А она отвечает: «Я такого городу, где колотят мылом в голову». Теперь уж он догадался и думает сам про себя: «Сегодня я все равно от нее не отстану». Кончился вечер, а Настасья скорее всех побежала. Прибежала, только мышью шубу успела надернуть. Бабушка с дедушкой спрашивают: «Ну, что, не затоптали тебя?» А она говорит, что на грядке сидела да на вечеринку глядела.

Сын пришел домой и ничего не сказал, а наутро как только встали, он и попросил: «Посмотри-ко, Настасья, у меня в голове, — а сам ножик взял. Только она над ним наклонилась, он и разрезал ей шубу-то. Каменья-то и засверкали. Он взял ее за руку и говорит отцу с матерью: «Вот она моя-то невеста, моя-то судьба». Сделали они пир на весь мир и стали жить-поживать да добра наживать.

9

ИВАН-РУССКИЙ БОГАТЫРЬ

Жил-был Иван-русский богатырь. Пошел раз на охоту. Ходил-ходил — пришла ночь — заблудился. Ночевать надо. Увидел огонек, стоит избушка. «Избушка, избушка, встань по-старому, как мать поставила!» Избушка стала к лесу задом, к нему передом. Зашел Иван-русский богатырь в эту избушку. В той избушке сидит князь-Медведь на печном столбе. «Ох, фу-фу-фу! Русскую костку слыхом не слышать и видом не видать, а она сама ко мне в избу пришла. Иван-русский богатырь, поставь мне конюшенку, чтобы до утра за ночь готова была, а если не будет готова, то я тебя съем». Иван-русский богатырь вышел на крылечко и закручинился-запечалился. Настасья Прекрасная, дочь Медведя, его увидела. «Что ты, Иван-русский богатырь, кручинишься, что ты печалишься?» «Как мне не кручиниться, как мне не печалиться? Твой батюшка велел мне за ночь до утра поставить конюшенку». А она отве-

част: «Ложися спать. До утра все будет готово». Он лег. Она в полночь вышла на красное крылечко, свистнула, крикнула богатырским голосом, молодецким посвистом: «Ой, еси, вы, батюшкины слуги, не пора спать, а пора вставать, пойти на работу». Все батюшкины слуги соскочили, кто лес рубит, кто двери делает, кто пол ладит — делают все как полагается. Когда все сделали, она пришла, будит Ивана. «Иван-русский богатырь, не пора спать — пора вставать. Батюшка застанет в постели — съест». Иван-русский богатырь встал, умылся и пошел. Пришел князь Медведь и говорит: «Сослужил ты мне службу, сослужи вторую — отдам за тебя дочь Настасью Прекрасную. Поставь ты мне мост через огненную реку. Тоже чтобы к утру готов был, чтобы ехать было можно. Устели сукном кармазинным, убей гвоздями лужеными».

Иван-русский богатырь вышел на красное крылечко, закручинился, запечалился еще пуще того. Настасья Прекрасная увидела его и говорит: «Что ты кручинишься, что ты печалишься?» «Как же мне не кручиниться, как же мне не печалиться? Твой батюшка велел мне мост построить к утру, устлат сукном кармазинным, убить гвоздями лужеными». «Ложись спать. За ночь до утра все будет готово».

Иван-русский богатырь спать лег. Настасья Прекрасная в двенадцать часов вышла на крылечко, свистнула, гайкнула богатырским голосом, молодецким посвистом: «Ой, еси, батюшкины слуги, не пора спать, а пора вставать!» Все слуги поднялись: кто мост ставит, кто шерсть прядет, кто ткет, кто гвозди кует, кто гвозди лудит, кто сукном устилает, кто гвоздями убивает. Значит, мост готовый будет. Настасья Прекрасная пришла Ивана-богатыря русского будить. «Иван-русский богатырь, не пора спать, а пора вставать. Батюшка захватит на постели — съест». Иван-русский богатырь встал, умылся. Князь Медведь идет. Подходит к Ивану, стукнул по плечу и говорит:

«Ну, Иван-русский богатырь, сослужил ты мне службу сослужил вторую, сослужи третью — отдам я за тебя Настасью Прекрасную. Поймай мне двух львов, двух лютых».

Опять стоит Иван-русский богатырь, кручинится, печалится, как, дескать, двух львов словить. Настасья

Прекрасная увидела его и говорит: «Что, Иван-русский богатырь, кручинишься, что печалишься?» «Как мне не кручиниться, как мне не печалиться? Твой батюшка приказал мне поймать двух львов, двух лютых, чтобы они друг с дружкой дрались, а я стоял бы да кнутиком постегивал». Она ему сказала: «Ложись спать, до утра все будет готово». Вышла Настасья Прекрасная на красное крылечко, свистнула, гайкнула богатырским голосом, молодецким посвистом: «Ой, еси, батюшкины слуги, не пора спать — пора вставать». Поднялись слуги, пошли ловить львов. Поймали двух львов лютых, привели, а они друг с дружкой дерутся. Настасья Прекрасная пришла будить Ивана-русского богатыря. «Иван-русский богатырь, не пора спать — пора вставать. Батюшка застанет на постели — съест». Иван-русский богатырь встал, умылся, берет львов на руки у слуг, кнутиком постегивает. Встал князь Медведь, пошел к Ивану-русскому богатырю. «Вот, Иван-русский богатырь, сослужил ты мне: построил ты мне конюшенку, поставил мост и поймал мне двух львов, двух лютых. Бог благословит за тебя Настасью Прекрасную». Стали о свадьбе говорить, а свадьба у них недолго затянулась. Свадьба — не пир пировать, не столы столовать, а крутым пирком да и за свадебку.

Вот Настасья Прекрасная говорит Ивану-русскому богатырю: «Иван-русский богатырь, нас соберется семь девиц на одну рожу, под одну кожу, под одно платье цветное. Ты на меня смотри, а я с ноги на ногу башмак переменю».

Привели Ивана-русского богатыря посмотреть, он показывает: «Вот моя сужена, вот моя ряжена». Медведица на это говорит Медведю: «Наша Настя хитра-мудра, нас перехитрит и нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаз — поволока, речь перемолка». Медведь отвечает: «Ты баба, по-бабьи и судишь».

Этот день покончился.

Настасья Прекрасная опять говорит Ивану-русскому богатырю: «Нас соберется снова семь девиц под одну рожу, под одну кожу, под одно платье цветное. Ты на меня смотри. Я кольцо с руки на руку переменю». Иван-русский богатырь на этот раз опять узнал и говорит Медведю: «Вот моя сужена, вот

моя ряжена». Медведица говорит князю-Медведю: «Наша Настя хитра, мудра. Нас перехитрит, нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаз — поволока, речь перемолка». А он ей говорит: «Ты как баба, так и сиди по-бабьи». Не понравились ему ее речи — хитрей, дескать, дочь-то оказалась. На третий день Настасья Прекрасная говорит Ивану-русскому богатырю: «Нас соберется семь девиц, под одну рожу, под одну кожу, под одно платье цветное. Ты смотри на меня. Я мух с лица смахну». Опять угадал Иван-русский богатырь: «Вот моя сужена, вот моя ряжена». Медведица говорит: «Наша Настя хитра и мудра. Нас перехитрит и нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаз — поволока, речь перемолка. Нам не пир пировать, не столы столовать — крутым пирком да и за свадьбу».

Вот молодые спать легли, и старики спать легли. Глухая полночь приходит. Настасья Прекрасная своему Ивану-русскому богатырю и говорит: «Не пора спать, а пора вставать. Вставай. У батюшки вся постройка сгорела». Он встал — удал, умылся и пошел в новую конюшню. Она ему показывает: «Бери узду ненадеванную, бери коня неезженного, седелку новую и хомут новый, чтобы все было ненадевано. И телега, и вожжи — как есть чтобы все новое». Так он и сделал. Поехали, а старики спят. Вот едут, Настасья Прекрасная и говорит: «Остановись, Иван-русский богатырь. Встань, припади к земле: не едет ли за нами батюшка в погоню». Он слез с коня, припал к земле: «Стонет земля, и вянет трава. Едет за нами батюшка в погоню». Она встала, распрягла лошадь, сняла всю сбрую, сделала все как есть овечками, сама сделалась пастухом, а Ивана-русского богатыря — кнутиком. Пасет, ходит старый, седой пастух, а кнутик-то у него весь исхлопался. Подъезжает отец, князь-Медведь, спрашивает: «Дедушка, давно ли ты пасешь?» «Да давно, батюшка». «Не видал ли ты тут мужика с бабой». «Тогда я, батюшка, видал, когда я сам был молоденок, а овечки были беленькие, а кнутик не исхлопался». Ну, тот подумал-подумал, видит: овечки грязные, пастух седой, кнутик исхлопался весь — вон когда давно было! Ну и воротился домой. Медведица спрашивает: «Ну, как съездил, кого видел?» «Никого не видал, только видал одного старика-пасту-

ха — пасет овечек». Она ему и говорит: «Наша Настя хитра и мудра. Нас перехитрит и нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаз — поволока, речь перемолка». А Настя Прекрасная сделала все как было. Сели на телегу, дальше поехали. Вот едут, Настасья Прекрасная и говорит: «Иван-русский богатырь, встань, припади к земле: не едет ли за нами батюшка в погоню». — «Стонет земля, вянет трава — едет за нами батюшка в погоню». Настасья разобрала все — собрала церковь: сама попом, а Иван-русский богатырь крестиком на церкви. Кадиленку в руки взяла, ходит вокруг церкви, кадиленкой помахивает. Медведь подъехал и говорит: «Не видел ли, кто здесь проехал?» А поп говорит ему: «Тогда я, батюшка, видел, когда был молоденок, а крест был светленок, а церковь мохом не обросла. Тогда ехал мужик с бабой». Медведь думал-думал — больше ехать некуда, спросить некого. Поехал обратно.

Вот Иван-богатырь русский и Настасья Прекрасная разобрались, дальше поехали. Приехал князь-Медведь домой, а Медведица спрашивает: «Ну, кого видел?» «Никого не видел, только видел одного батюшку: старый-престарый, седой, ходит вокруг церкви в ограде и кадит. Я спросил, не видал ли он мужика с бабой. «Видел, — говорит, — мужика с бабой, когда сам был молоденок, а крестик был светленок, тогда ехал мужик с бабой». Тогда Медведица и говорит: «Вот, что я тебе говорила: наша Настя хитра-мудра, нас перехитрит и перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаз — поволока, речь перемолка». Теперь Медведь и говорит Медведице: «Поезжай ты!»

Едут Настасья Прекрасная и Иван-русский богатырь. Вот Настасья Прекрасная и говорит: «Иван-русский богатырь, встань, припади к земле: не едет ли за нами батюшка в погоню?» — «Стонет земля, вянет трава. Едет за нами батюшка в погоню». Настасья Прекрасная распрягла лошадь, сбрую сделала берегами, сама сделала водой, а Иван-русский богатырь — селезенком. Медведица ехала-ехала и приехала к морю — дальше ехать некуда. Из правого рукава выпустила змею: «Пей, змея, воду!» Змея стала пить воду. Пила-пила, пила-пила — уж берег стал обсыхать, селезенок по камешкам перебирается. Потом и говорит: «Кабы по батюшкину

благословенью да по матушкину повелению, змея-то бы лопнула!» Она и лопнула, змея-то. Воды еще более того разлилось. Медведица постояла-постояла у берега — ехать некуда больше, кругом море. И вернулась домой-то. Да, приехала и говорит: «Больше ехать некуда». Ну, а Медведь ей и говорит, муж-то ее, дескать, правда твоя.

А Настасья Прекрасная и Иван-русский богатырь разобрались, когда мать уехала, и опять собрались как полагается и поехали дале, дале и дале от этого места. И едут, и едут, и едут... Наконец, доехали, облюбовали себе место прекрасное, которое им понравилось. Раскинули шатер, насыпали лошади белояровой пшеницы. Ну, вот они тут оседлость сделали, стали жить. Уж много ли-мало ли, долго ли-коротко ли — уж это не скажу. Потом уж он стал прислоняться к этому месту, пригляделся, стал ходить на охоту Иван-русский богатырь. День ходит, два ходит, три ходит. Применяется все к месту, приучается.

Потом как-то раз приходит с охоты и говорит: «Я, Настасья Прекрасная, будто бы признаю село, где раньше жил. Залезал на гору, смотрел». Ну, во второй раз приходит и говорит: «Ты меня пусти сходить, узнать — я хоть посмотрю своих родных». — «Нет, Иван-русский богатырь, не пущу». — «Пусти, пожалуйста!» — «Нет, не пущу!» — «Пусти, я тебя прошу!» — «Нет, не пущу!» — «А почему не пустишь?» — «А потому, что ты в село свое придешь, с девками, с бабами поцелуешься и парного молока нахлебаешься, про меня забудешь». — «Нет, Настасья Прекрасная, с девками, с бабами целоваться не буду и парное молоко хлебать не буду». — «Нет, поцелуешься, нахлебаешься». — «Нет, не стану, не буду». Ну, она его отпустила. Только успел зайти в деревню — с девками, с бабами поцеловался, парного молока нахлебался. Не скоро дело делается, а скоро сказка сказывается.

Смотрит Настасья Прекрасная, что он прожил неделю, прожил две, прожил три, и все нет его. А она все ждет. Потом она бросила все свое попеченье, пошла в деревню сама. Пришла в деревню, а там у старой старушки крайняя изба, самая бедная в деревне. Настасья Прекрасная попросилась к ней на квартиру, та ее пустила. Она день живет — на рынок ходит, два живет — на ры-

нок ходит, три живет — на рынок ходит. Все ходит, узнает про своего мужа. Увидели ее там, у этой старушки, соседи. Ну, и говорят: «Что это у тебя за человек живет? Вот такая, мол, живет молодушка, а бабушка? Можно притти?» Это один там молодой человек спрашивает. «А приди», — отвечает.

Когда этому молодому притти, бабушка крупу молочила на жерновах. Настасья Прекрасная и говорит: «Бабушка, крупу-то мели-мели да еще поболее прибавь». «А на что, дитятко?» «А ко мне гость будет». А потом, когда гость приходит, этот молодец-то, к ней, она и говорит: «Ох, ты, бабушка, бабушка, крупу молочила, а жернова-то не убрала. Пойду-ка я, бабушка, убери». А этот парень-то говорит: «Давайте я убери». Пошел убирать да всю ночь крупу-то и промолочил. Она насыпать-то велела — все и молочил.

Приходит да братьям-то и говорит (два брата еще у них в этом-то доме было): «У этой-то, мол, бабушки-старушки такая есть молодушка — я у ней, — говорит, — на ручке спал». А бабушка на другой день стряпала да в печи помелом заметала. Она и говорит, молодушка-то: «Бабушка, ты помелом-то мети да мети, а из печи не вытаскивай». «А почему, дитятко?» «А ко мне, — говорит, — гость будет».

Вот когда вечером приходит тот гость, второй-то брат, она и говорит: «Ну, вот, бабушка, в печи-то мела-мела да и помело оставила». Старушка говорит: «Погоди, дитя, забыла — убери». Молодушка и говорит: «Да я, бабушка, убери». А парень-то отвечает: «Чем тебе, так я убери пойду». И пошел убирать. Всю ночь и промел до утра же, все мел в печи. Ну, потом домой приходит и говорит: «Ну, брат, ты на ручке спал, а я уж на мягкой перине. Ну и красавица», — говорит. А уж тот знает. «Ладно», — говорит. Третий-то говорит: «Ну, уж я помру, а пойду».

Вот опять эта старушка ходит взад-вперед, из двери в дверь, а молодушка и говорит: «Бабушка, ты ходи-ходи, а не закрывай дверь-то». «А почему, дитятко?» «А ко мне гость будет». Так и не закрыли. Приходит тот гость и говорит: «Ой, бабушка, ходила-ходила да дверь и не закрыла». «Ой, дитятко, забыла, пойду — закрою». А молодушка и говорит: «Я, бабушка, закрою ее». Он и говорит: «Я пойду, закрою». Да пошел да всю

ночь-то и ходил, закрывал лбом-то. Стукнет лбом, а дверь-то захлопнется да и отскочит. Он опять. Да так всю ночь лбом и простукал. Пришел домой, на лбу-то вот этака шишка, пришел домой-то вот с таким волдырем. Ну, теперь они посмеялись-посмеялись, с тем и остались.

Утром-то бабушка заводила квашонку гостей-то употчевать, тесто раскатывала, а молодушка-то и говорит: «Бабушка, продай колобушечки два теста». Та ей продала. Она состряпала голубя да и голубочку из этого теста. Ну, когда испекла голубков-то, она рассчиталась с бабушкой за квартиру, за тесто за все. Она уж дозналась, где у ней муж-от. А Иван-от богатырь — уж он женится. Сегодня девишник. Она с этими-то голубями пришла к нему на девишник. Пришла она к нему, пустила голубей. Ну, они на брус и сели. Голубка за голубем ходит: «Кур-кур, сизенький голубчик, не спокинь меня голубку, как спокинул Иван-русский богатырь Настасью Прекрасную в чистом поле, в широком раздолье, в белом шатре». Ну, тут все ошаропучели. Что, дескать, такое?

А Иван-то сразу догадался, что они Настасью поминуют. Ведь он ее оставил, он знает, что оставил. Спугнули голубей. Ну, они перелетели на божницу. Опять голубушка воркует: «Кур-кур, сизенький голубчик, не спокинь меня голубку, как спокинул Иван-русский богатырь Настасью Прекрасную в чистом поле, в широком раздолье, в белом шатре». Иван-то спохватился и говорит: «Батюшка и матушка, будет мне жениться: есть у меня жена», — и взял Настасью Прекрасную за руку. Голуби полетели по себе, а они пошли в свое место, туда, где и были, и свадьба разохлась. Вот и все.

10

ДВЕНАДЦАТЬ БОГАТЫРЕЙ

Жил-был поп — деревянный лоб. Было три дочери у попа. Сидят они раз на вечорках и разговоры разговаривают. Большуха и говорит: «Кабы взял меня царский сын, я бы за одну ночь посеяла бы десятину ржи, сжала бы, смолола бы и всех бы я прокормила».

Средняя дочь говорит: «А кабы меня взял царский

сын, я бы посеяла лен, вырвала бы его, уделала, пряла бы, ткала бы, шила бы и всех бы одела».

А меньшуха Аленушка говорит: «А я бы, сестрицы, кабы взял меня царский сын, принесла бы ему двенадцать сынов, как соколов: во лбу красное солнце, на затылке светел месяц, по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре».

Подслушал царский сын эту беседу и меньшую сестру Аленушку взял за себя. Прошло время, сколь положено, и Аленушка забеременела. А на ту пору царский сын во поход отправился. Пошла Аленушка на муки и посылает свою прислужницу по бабушку. Пошла она, а ей Яга-ягинишна навстречу.

«Куда ты, девица, путь держишь?»

«Мне, — говорит, — надо бабушку для царской снохи».

«Я, — говорит, — пойду в бабушки. Погоди только маленько».

А Яга-ягинишна дочку свою за царского сына ладила. Стала ей, значит, Аленушка напоперек дороги, она ее и захотела с бела света сжить. Взошла она в свою избушку и котенка за пазуху положила. С тем и пришла к родильнице. Родила Аленушка четырех сынов, как соколов: во лбу красное солнце, во затылке светел месяц, по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре. Взяла Яга-ягинишна четырех сынов, стегнула их вицей и сказала: «Пойдите на речку Воспиталку. Речка Воспиталка сама вас воспитает. А вы за это там на моих шахтах поробите».

А сама взяла этого котенка и к царю-отцу пошла. «Родила, — говорит, — твоя сноха котенка. Что делать с ней будешь?»

Собрал царь-отец своих советников во дворец. Стали судить-рядить, куда эту родильницу деть. Решили — первая вина прощается, пождем, что дальше будет. Вернулся царский сын из похода — ничего ему не сказали.

Второй раз забеременела Аленушка. А муж сызнава уехал во поход. Она опять пошла на муки — родить. Посылает свою прислужницу по бабушку и говорит: «Ту, которая была, мне ненадобно. Не бери ты первую, что встречу попадет, а приведи хорошую».

А Яга-ягинишна хитрая была. Показалась она навстречу прислужнице — та ее не взяла. А она оббежала

стороной, обличье изменила и опять навстречу идет. Прислужница ее и взяла. Родила Аленушка четырех сынов, как соколов: во лбу красное солнце, во затылке светел месяц, по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре. Прогнала их Яга-ягинишна на речку Воспиталку, а царю-отцу поросенка поднесла. «Поздравляю,— говорит,— тебя, батюшка со внучком». И опять стали судить-рядить, куда родильницу деть. Судили-рядили и еще раз простили. Вторая, дескать, вина прощается посмотрим, что будет в третий раз. А царскому сыну ничего не сказали. И в третий раз забеременела Аленушка. Уж как она наказывала прислужнице выбрать хорошую бабушку, а все-таки Яга-ягинишна ее обманула и опять к Аленушке пришла. Да только маленько запоздала — сослепу в омут свалилась. Пока выбиралась из речки да пока шла ко дворцу, Аленушка родила уже четырех сынов, как соколов. Во лбу красное солнце, во затылке светел месяц, по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре. В суматохе она одного сына в рукаве спрятала. Пришла Яга-ягинишна во дворец, трех оставшихся сынов на речку Воспиталку прогнала, а царю-отцу щенка подсунула. Стали тут судить да рядить. И присудили Аленушку со щенком да в сороковую бочку забить и в море ту бочку бросить. Так и сделали. Заточили ее в бочку, вместе со щенком, и пустили ту бочку по синю морю płyти. Плывет бочка по синю морю, на волнах качается. Растет сын в бочке не по годам, а по часам, по минуточкам. С собачкой играет, полюбил ее и балует всячески. Она тоже выросла. Далекo унесло бочку, а потом на остров волной выбросило. Тут сын ее Вася и говорит: «Мамонька, поберегись, я потянусь».

Расправил он плечи богатырские, потянулся, бочка и рассыпалась. Вышли они на берег, огляделись. Кругом вода, а по середине остров. Оставил он Аленушку на берегу, а сам в лес пошел поразведаться, пропитания поискать. И собака за ним увязалась. Верой-правдой ему служит за его доброту, всякого его слова слушается. Шел Вася по лесу час, шел другой, шел третий — ничего не нашел. Притомился и прилег отдохнуть. Задремал и не заметил, как к нему горбатый старик тихонько подкрался. Только он замахнулся на Васю дубиной, а собака тут как тут. Схватила его за горло и на землю повалила. Махнул Вася рукой, собака старика от-

пустила. А за полу все-таки держит. Вася его спрашивает: «За что ты убить меня хотел? Сказывай, а то плохо будет». Взмолился тут горбун: «Не убивай меня, Василий-царевич, я все тебе скажу». «Ну говори». «Убить тебя велела сестра моя, Яга-ягинишна. Я ей во всем подвластен. Одиннадцать твоих братьев она на речке Воспиталке в шахты бросила, а тебя мать уберегла. Вот она и послала меня сюда убить тебя и твою матушку. Проси все, что хочешь, только отпусти меня. Я тебе больше худа не сделаю».

Отвечает ему Вася: «Ладно, я тебя отпущу. А ты за это так сделай, чтобы у нас всегда пропитанье было». «Это можно». Вынул старик белую скатерочку из кармана, положил ее на траву и сказал: «Скатерочка-разверточка, развернись, дай нам попити, поесть, покушати». И сразу на скатерочке-разверточке появились вина и кушанья разные. Взял ее Вася-царевич, а старика того отпустил. Только сказал ему на прощанье: «Иди себе с миром, старик. Но если еще что злое замыслишь — не прогневайся». С тем и разошлись. Старик в лес пошел, а Вася-царевич к матери направился. Приходит он к ней и говорит: «Мамонька родимая, садись, покушаем». «А что же я, дитятко, поем?» Расстелил скатерть Вася-царевич и приказал: «Скатерочка-разверточка, развернись, дай нам попити, поесть, покушати». Поели они досыта и спать легли. За долгий-то путь умаялись. А собака прилегла за куст караулить. Спят они сутки, спят другие. На третьи сутки опять этот горбун к ним крадется. Смотрит, Аленушка и Вася-царевич спят, а собака их караулит. Побоялся горбун поближе подходить, а издалека бросил в них чудесный топор-самосек. А сам убежал. Летит тот топор-самосек и все на пути срубает. Бьют бы треху, да верная собака залаяла, прыгнула кверху и схватила его за топорщице. Проснулся Вася-царевич, а собака ему топор принесла. Взял он его и с одного маху толстененькую сосну срубил. Тут он принялся тем топором-самосеком дом строить. Не прошло и недели, как он хороший дом пятистенный построил и с матерью в нем поселился. Дом построил, ворота ставить надо. Взял Вася топор-самосек и пошел в лес кедры на столбы рубить. И собака за ним увязалась. А старик-горбун тут как тут. Притаился в густой траве и стережет. Аркан приготовил, чтобы Васю-царе-

вича задушить. Только он с ним поравнялся, а горбун накинул ему аркан на шею и стал душить. Да не тут-то было. Кинулась верная собака и аркан перегрызла. Тогда Вася-царевич ударил горбуна топором-самосеком и отрубил ему голову.

С тех пор живут Аленушка и Вася-царевич тихо и спокойно. Мало ли, много ли они тут прожили, только стал Вася-царевич замечать, что Аленушка грустит и по ночам горько плачет. Стал он у ней допытываться, а она ему и сказала: «Спать не могу, жить не могу, все о моих детках, о твоих братьях думаю. Заточила их Яга-ягинишна в шахте на речке Воспиталке. Зачахнут они там до времени. Все думаю, как бы их вызволить».

Стал у ней тут Вася-царевич отпрашиваться: «Отпусти меня, мамонька, к братьям на выручку». Благословила его Аленушка в опасный путь. Сделал себе Вася-царевич лодку с парусом и поплыл по морю синему, и собака за ним увязалась. Плышет он день, плывет два, плывет три. На исходе третьего дня пристал он к берегу. Спрятал лодку в кустах, а сам пошел с собакой на речку Воспиталку. Сам ее, может, он и не нашел бы, да собака его привела. А возле этой самой речки стояла высокая гора Волчиха. В ней находились шахты Яга-ягинишны. Держала она в них, почитай, тысячу работников на каторжной работе. Там они и робыли, там и жили. Изумруды добывали. А у входа стояла стража сильная с ружьями и никого не выпускала наверх. Сел Вася-царевич на камень береговой и задумался — как братьев выручить. Силой ничего не сделаешь — тут хитрость нужна. Сидит, думает, а собака по берегу бегаёт и землю обнюхивает. Бегала, бегала, а потом из глаз куда-то скрылась. А Вася-царевич так задумался, что ничего не заметил. А собака тем временем вернулась и схватила его за полу. Лает, за собой зовет. Он и пошел за ней. По берегу речки Воспиталки привела она его в пещеру глубокую. Спустился он за собакой в пещеру, а она забежала в самый угол и лает. Он подошел, и она замолчала. И услышал Вася-царевич совсем близко, возле самого уха удары тяжелые. Тут он догадался, что это в шахте робят. Тогда он ударил три раза топором-самосеком по стене каменной и прорубил проход широкий до самой той шахты. Взошел Вася-царевич в шахту и три раза прокричал громким голосом: «Выходите на волю,

люди рабочие!» И вышла к нему тысяча работников. Все в цепях, в кожаных тужурках и чугунных сапогах. И вышли с ними одиннадцать братьев Васи-царевича. Сбил Вася-царевич со всех цепи топором-самосеком, затопил шахту водой и повел их ко дворцу царскому. Впереди идут двенадцать богатырей, а за ними тысяча работников с кирками и лопатами. Вот пришли они ко дворцу. А там музыка играет, песни поют. А это, стало быть, собираются царского сына на дочери Яги-ягинишны женить. Как подошла эта тысяча ко дворцу царскому, как ударила разом по воротам золоченым, ворота и растворились. Выбежал царь со свитой на балкон и спрашивает: «Что за шум? Кто нашему веселью препятствует?»

А тем временем тысяча работников все ходы-выходы заняла, а двенадцать богатырей в залу вошли. Тут всех испуг взял. Идут двенадцать красавцев писаных. У каждого во лбу красное солнце, во затылке светел месяц, по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре. Выступил тут вперед Вася-царевич и спрашивает у царя: «Как же это ты, дедушка, при жизни нашей матушки тятеньку на колдунье женить собираешься?»

Переполох тут начался. А Яга-ягинишна с дочерью змеями обернулись и быстро в двери юркнули. Может, и скрылись бы да Вася-царевич подбежал к окну и закричал работникам: «Убейте их! Это Яга-ягинишна с дочерью».

Заметались тут змеи по двору. Многих до смерти искусали, но и сами не спаслись. Насмерть затоптали их работники сапогами чугунными. Рассказал тут Вася-царевич всю правду. Работников тут же наградили и на волю отпустили. А за Аленушкой корабль быстрокрылый на остров снарядили. Вася-царевич за ней поехал. В пять дней он обернулся и Аленушку во дворец привез. И закатили на радостях пир на весь мир. И я там была — мед и брагу пила, до того упилась, что плясать пустилась.

11

ПРО КУЗЬМУ САРАФАННИКОВА

Жил-был Кузьма Сарафанников в бане, за колодой. Три года его никто не знал, лежал нагишом. Узнала про него лисанька, зачала ему предлагать жениться:

— Давай тебя женим, Кузьма Сарафанников!

— Ой, ты, лисанька, кто же за меня пойдет.

— Только согласишься — сейчас высватаем невесту.

Кузьма согласился. Побежала к царю эта лисанька, просит казенную мерную пудовку:

— Царь, дай мерной казенной пудовочки.

— А на что же тебе, Лисанька?

— Да у Кузьмы Сарафанникова деньги смерять, сосчитать не можем.

— Подите, слуги, подайте.

Вот подали лисаньке пудовку. Долго ли, мало ли она держала ее в бане, потом потащила обратно. Бежит, дорогой ей грош попал. Она воткнула в зауторы, притащила пудовку, подает царю.

Царь спрашивает:

— Сколько же, лисанька, денег намеряли?

— Ой, царь не считали, что есть, только так пере-гребли. Спасибо на пудовочке.

Сама убежала. Удивляется царь — у него столько нет.

— Подите — говорит, — проверьте лисаньку, как ежели впрямь, так хоть грошь — да выпадет из зауторов.

Торнули слуги об угол пудовку, грош-от и выпал. Ну, царь поверил. А лисанька тем же следом свататься у царя.

— Добро пожаловать, лисанька, — говорит царь, — садись на лавочку.

Отвечает ему лиса:

— Я пришла не за лавочкой, не за беседочкой, пришла с добрым словом, со сватаньем.

Ну, высватала невесту лисанька, сговорились, когда приехать. Побежала лисанька к жениху.

— Кузьма, давай выходи из-за колоды.

А он нагишом. Увидала лиса — пужало в огороде стоит, сряжено человеком, штаны и рубаха на нем, и картуз. Вытрясла солому и притащила жениху, прихватила еще неводной зипунишко (неводили, да неводной зипунишко и остался, она его и взяла). Срядила Кузьму Сарафанникова в эту одежду, побежала треногую кобылу нашла, поставила на дровнешки, запрягла кобылу, посадила Кузьму в короб и повезла. Доехали они до хрустального моста, лисанька соскочила под мост, подрубила стойки под мостом. Когда Кузьма Сарафанников

заехал на мост, он и провалился. Кузьма ушел в воду вместе с кобылой. Жениха лисанька вытащила и побежала к царю.

— Царь, какой вы худой мост поставили. Ехали мы на девяти тройках, мост-от и подломился, все утонули, я жениха-то кое-как вытащила, давайте одежду ему.

Царь закрутился, дал одежду жениху. Запряг девять троек и сам поехал встречать жениха. Лисанька срядила Кузьму, сели и поехали по невесту.

Приехали, посадил царь жениха за стол, а он сидит и оглядывается (не видал, видишь такой богатой одежды). Царь заметил и спрашивает у лисаньки:

— Чего же он, лисанька все оглядывается?

— Ой, ты, царь, у него была одежда хорошая, эта хуже кажется, бесчестно ему.

Отпотчевал их царь, а лиса и говорит:

— Теперь приезжайте к нам вот этой дорогой.

Сама побежала домой вперед, встречать свадьбу.

Бежала, бежала лисанька, видит пасут табун лошадей.

Лисанька спрашивает:

— Пастухи, пастухи, чьи вы?

Пастухи отвечают:

— Змея Горыныча.

А лисанька в ответ:

— Не говорите, пастухи, что Змея Горыныча, а говорите что Кузьмы Сарафанникова. А то царь едет, сказнит, повесит.

А сама опять вперед продолжает. Бежала, бежала, видит, пасут коров табун. Она опять кричать:

— Пастухи чьи вы?

Пастухи отвечают:

— Змея Горыныча.

— Не байте, что Змея Горыныча, а говорите, что Кузьмы Сарафанникова, а то царь едет, сказнит, повесит.

Лисанька опять вперед продвигается. Пасут табун волов, она и спрашивает:

— Пастухи, пастухи, чьи вы?

Отвечают пастухи:

— Змея Горыныча.

— Не говорите, что Змея Горыныча, говорите, что Кузьмы Сарафанникова.

Опять вперед бежит. Овец табуны пасут.

Лисанька кричит:

— Пастухи, пастухи, чьи вы?

— Змея Горыныча.

— Не говорите, что Змея Горыныча, говорите: — Кузьмы Сарафанникова, а то царь едет, сказнит, повесит.

Далее ей попался табун свиней, она опять так же. Прибежала лисанька к Змию:

— Ох, Змий, куда же я тебя деваю? Ведь царь едет, сказнит тебя, повесит. Давай сведу тебя в баню и замечу соломой. Змей согласился. Ну, посадила она его в баню, обметала соломой. Облила солону керосином и подожгла. Знамо, змий и сгорел.

А свадьба в это время доехала до конного табуна. Царь спрашивает:

— Пастухи, пастухи, чьи вы?

— Мы Кузьмы Сарафанникова.

Царь удивляется. Где же у царя столько скота, сколь у Кузьмы Сарафанникова.

Доехали до табуна коров. Царь опять спрашивает и удивляется: где же у царя столько коров, сколько у Сарафанникова.

Дале волов табун пасут. Царь опять удивляется. Дале овец пасут табун. Царь только руками разводит.

Приехали в хоромы, а там уж лиса встретила.

Они жили да гуляли трое суток. Погуляли, царь домой уехал, молодые остались. Лисанька стала говорить: «Чем же ты, Кузьма Сарафанников меня уважишь?»

— Что тебе надо, тем и уважу тебя.

— Поймай, — говорит, — ты самого лучшего коня, так я хоть за хвостом потаскаюсь.

Привели слуги коня. Схватила лисанька за хвост, конь бежит по степи, да лисаньку тащит, она выше его скачет да поухивает.

Вот и сказка вся.

Городская библиотека
№ 2
г. Вятченск,
Свердловской области

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях к сборнику мы указываем — где, когда, от кого и кем записан тот или иной текст, сообщаем сведения о сказителях, песенниках, особенностях записанного нами варианта и степени его распространенности на Урале. В примечаниях даются ссылки на опубликованные варианты по основным уральским фольклорным изданиям, названия которых указываются в следующих сокращениях:

А н д р е е в. Указатель — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Изд. Русск. геогр. об-ва. Лгр. 1929.

А ф а н а с ь е в. Сказки — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева и Ю. М. Соколова, т. I, 1936 г., т. II, 1938 г., т. III, 1939.

Б а р д и н — А. В. Бардин. Фольклор Чкаловской области. Чкалов, 1940.

Б и р ю к о в В. — В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. ОГИЗ, Свердловск. 1936.

В о е в о д и н Л. — Л. Е. Воеводин. 45 народных старинных песен, записанных в заводах Пермской губернии. Пермь. 1905.

Г л а д к и х А. — А. Н. Гладких. Крестьянские свадебные обряды села Торговижского Красноуфимского уезда, Пермской губ. Труды Пермской ученой архивной комиссии, Пермь, 1913, вып. X.

З е л е н и н Д. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этн., т. XII, Пгр. 1914.

К и р е е в с к и й П. Песни. — Песни, собранные П. В. Киреевским. «Новая серия», вып. 1, М. 1911, вып. 2, ч. 1 и 2, М. 1918 г., 1926.

К о к о с о в А. Зап. ИРГО. — А. Я. Кокосов. Круговые игры и песни в селе Ушаковском Шадринского уезда Пермской губернии. Зап. Имп. Русск. геогр. общ-ва по отд. этн., СПб. 1869, т. II.

Лозанова. Песни и сказания.— А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Академия, 1935.

Миллер В.— В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр. 1915.

Некрасов П.— П. А. Некрасов. Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости, Соликамского уезда, Пермской губ. в 1890 и 1891 г. Екатеринбург. 1900.

Рыбников П.— П. Н. Рыбников. Песни под ред. А. Е. Грузинского, М. 1910, т. II.

Смирнов А.— А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок арх. Русск. геогр. общ-ва. Пгр. 1917, вып. II.

Шейн П.— П. В. Шейн. Русские народные песни, М. 1877.

Шишонко В.— Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь. 1882.

І. ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ

1. Исторические песни и сказания

1. Соловей кукушечку уговаривал. Записал студ. УрГУ Л. Кругляшев летом 1948 г. в д. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердлов. обл., от Х. П. Корюковой. Харитина Прокопьевна Корюкова (59 л.)— одна из лучших и известнейших песенниц д. М.-Лая. Родилась в крестьянской семье. К ее матери-портнихе приходило очень много девушек учиться шить, шили всегда с песнями — от них Корюкова восприняла большинство исполняемых ею песен. Вместе с мужем, старым большевиком-подпольщиком, была в сибирской ссылке. В настоящее время Корюкова — член ВКП(б). В годы Отечественной войны работала закройщицей в швейной мастерской, выполняя производственную программу на 200%; награждена медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». В этот же период принимала активное участие в местном хоре, вместе с которым дважды выступала на областном смотре в г. Свердловске (1944 г. и 1945 г.), за что получила грамоту. Корюкова обладает замечательной памятью (от нее записано около 100 песен) и, вместе с тем, творческим дарованием. Песенный репертуар ее состоит из самых различных видов исторических, рекрутских и солдатских, любовно-семейных, свадебных песен, литературных романсов. Большое место в ее репертуаре занимает детский песенный фольклор: считалки, колыбельные, потешки и т. д. Темперамент Корюковой живой, песни ее отличаются богатством мелодий и лиризмом. Песня «Соловей кукушечку уговаривал» связана со взятием Казани Иваном Грозным в 1552 г. Исполняется и как индивидуальная проголосная песня, и как хоровая.

Уральск. вар.: Бардин, № 79.

2. Ермак и хан Кучум. Записала студ. УрГУ В. Курбатова в 1947 г. в г. Лысьве, Молотовской области, от сказительницы К. С. Копысовой. Напечатано нами в «Уральских песнях и сказаниях К. С. Копысовой» (Свердлгиз, 1947 г.), где содержится еще одна лирико-эпическая песня об Ермаке — «Ермак и Тура-река».

Эпопея Ермака и роль Урала в покорении Сибирского царства — тема, вошедшая в творчество Копысовой в середине 30-х гг., когда

она, переехав из Челябинска в Лысьву, услышала здесь от местного населения предания об Ермаке. Но в песне «Ермак и хан Кучум» Копысова, наряду с историческими преданиями Приуралья, использовала и мотивы южноуральских кладонскательских легенд. В первом варианте песни, носящем название «Тамга, богатырь», — дерево не только символизирует вход в сибирское царство, но и является обиталищем Полоза:

Жил здесь Полоз на вершинушке,
Он в длину-то был в три оглобельки,
В ширину-то в поларшинчика,
Шкура плисовая рубчатая,
Во червонную во клеточку,
Вся горела, как берестечко.
Подошел Кучум ко сосне большой,
Крикнул он тогда во три голоса:
«Я спущу тебя во круту реку,
Поплывешь ты в ней большой лодочкой,
Будешь гибелью войску русскому!»
Кучум приказывает срубить сосну. Тогда
Полоз-царь скользнул вниз по дереву,
Он обвил кругом с топором слугу,
Задушил его ледяным кольцом.

Кончается «Тамга» восторженным монологом победителя Ермака. В песне «Ермак и хан Кучум» Копысова устранила Полоза, но оставила мотив «богатыря»-дерева, придав ему функцию тамги.

3. О сынке Разина. Записали студ. УрГУ Н. Горяева и Н. Киселева в 1944 г. в дер. Малое Беловодье, Каменск-Уральского р-на, Свердлов. обл., от слепого М. Ф. Петухова (50 л.). О причинах широкой популярности песен о Степане Разине на Урале см. у П. Богословского («Песни об Усах из сборника Кирши Данилова и Камская вольница», Пермск. краевед. сб. 1928 г., вып. IV, стр. 1—116).

Уральск. вар.: Миллер Вс. № 286, 287; Бирюков В., стр. 62; Бардин, № 82.

Любопытно, что на Урале варианты о сынке Разина в настоящее время сохранились в более полном виде, чем в Поволжье (сравн. наш вариант с вариантом в сб. Т. М. Акимовой «Фольклор Саратовской области» 1946 г., № 13).

4. Ты взойди-ка, взойди, красно солнышко... Записал студ. УрГУ Вл. Кукшанов в г. Каменск-Уральске, Свердлов. обл., от А. А. Бутаковой. Анна Александровна Бутакова (74 л.) — местная уроженка. Родители Бутаковой занимались сапожничеством, от них (в особенности от отца) она и усвоила свой изрядный песенный репертуар, состоящий главным образом, из исторических и рекрутских песен, а также литературных романсов. От нее же записан уникальный сказочный вариант «Заколдованная гора». В детстве получила начальное образование, умеет читать. До последних лет была портнихой, в настоящее время — домохозяйка. Пользуется популярностью одной из лучших песенниц г. Камска, молодежь перенимает от нее песни, детишки со всей улицы приходят к «бабушке Нюре» послушать сказки. Манера исполнения Бутаковой от-

личается большой живостью, очень часто она помогает себе жестами, мимикой.

Второй вариант песни «Ты взойди-ка, взойди, красно солнышко» записан Вл. Кукшановым в г. Каменск-Уральске от М. Е. Надеиной (77 л.):

Ты взойди-ко, взойди, красно солнышко,
Над горою взойди, над высокою,
Над рекою взойди ты над быстрою,
Обогрей-ко ты нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, нас разбойничков.
Атамана у нас больше нету-ко,
Нет Степана у нас Тимофеевича,
По прозванию да Стеньки Разина.

Оба варианта примыкают к циклу песен разинцев о погибшем вожде. См. Лозанова, Песни и сказания, стр. 50—55. Уральск. вар.: П. Рыбников, т. I, № 221; П. Шейн, стр. 64—65.

5. Пугачевский клад. Зап. В. Курбатова в 1946 г. в г. Лысьве, Молотовск. обл. от К. С. Копысовой. Напечатана нами в «Уральских песнях и сказаниях К. С. Копысовой» (Свердлгиз 1947 г.). Песня создана сказительницей на основе широко распространенных преданий Южного Урала. Аналогичный вариант, только в прозе, напечатан в сборнике «Урал — земля золотая». В главе «Предания и сказы» нашего сборника (см. ниже № 3) приводится текст предания, усвоенного К. С. Копысовой на Южном Урале и послужившего основой для песни «Пугачевский клад».

6. Сказание о Глашеньке, кержацкой дочери. Записала В. Курбатова в 1947 г. в г. Лысьва, Молотовской обл., от К. С. Копысовой. Напечатано нами в «Уральских песнях и сказаниях К. С. Копысовой» (Свердлгиз, Свердловск, 1947 г.).

Сказание Копысовой связано с уральским фольклором, как своими конкретными поэтическими мотивами, так и общим идейным замыслом. С бытом и фольклором раскольников Копысова познакомилась в Михайловском заводе, где она родилась и прожила более 40 лет. Здесь, в родной семье и от рабочих она услышала рассказы о кержацких «апостолах», губивших своей бессмысленной фанатической проповедью много людей. Отец Копысовой — Степан Васильевич Онуфриев — с насмешкой рассказывал своей дочери о том, что кержаки в своих преданиях изображают Пугачева поборником старой веры. Во время одной прогулки он обратился к Клавдии Степановне с такими словами: «Видишь, вон река Уфа, по ней Пугачев плыл. А вот тут бугорок — это скит кержацкий, Аннушка тут похоронена...» И Степан Васильевич рассказал предание, которое впоследствии Копысова положила в основу поэмы, заменив в ней имя героини предания своим именем. Образ Алексея, рабочего Шемахинского завода вошел в поэму тоже из михайловских рабочих сказов. «Сказание о Глашеньке, кержацкой дочери» свидетельствует о большом поэтическом мастерстве Копысовой. Образы Алеши, Глашеньки, кержацкого попа Аристарха — социальные и исторически типичны. Копысова не понимает истинных причин и сущности раскола, но трагические последствия антигуманистической раскольничьей практики она показала убедительно и с большим драматизмом.

«Сказание о Глашеньке» Копысова продумывала несколько лет, удерживая в памяти мельчайшие детали повествования. Будучи слепой и малограмотной, она выработала своеобразные мнемонические приемы закрепления создаваемого текста. Копысова наносит мелом на медные дощечки начальные буквы каждой строки. После того, как кто-либо прочтет ей эти буквы, она восстанавливает весь текст.

7. **На горах было Балканских.** Записал Н. А. Куштум в апреле 1941 г. в г. Красноуфимске, Свердл. обл., от А. Ф. Захарова (72 л.), который перенял песню от своего деда, слышавшего эту песню от отца — участника суворовских походов.

8. **Поле наше чистое.** Записал Н. А. Куштум в феврале 1938 г. в с. Худяково, Зайковского района, Свердл. обл., от М. Л. Кротова (60 л.), колхозника. Это одна из самых распространенных на Урале исторических песен: до настоящего времени прочно держится в репертуаре многих песенников и сказителей. Студентами УрГУ она зафиксирована в 1946—1948 гг. в Камышловском, Пышминском, Красноуфимском, Невьянском р-нах Свердл. обл. Эта песня нашла разработку, применительно к событиям Великой Отечественной войны в Уральском государственном народном хоре:

Поле, наше полюшко, (2 раза)

Ой, да ли поле чистое, советское, (2 раза)

Ой, да ли мы когда тебя, поле пройдем, (2 раза)

Ой, да ли когда чистое прокатимся. (2 раза)

Ой, да ли на том поле, на том чистом (2 раза)

Ой, да ли мы сойдемся с неприятелем, (2 раза)

Ой, да ли со такой ордой немецкою, (2 раза)

Ой, да ли со немецкою со фашистскою (2 раза)

Ой, да ли злые немцы напивались, (2 раза)

Ой, да ли во хмелюшках похвалялися: (2 раза)

«Ой, да ли всю Россеюшку насквозь пройдем, (2 раза)

Ой, да ли мы главнокомандующего в плен возьмем». (2 раза)

Ой, да ли главнокомандующий наш дал приказ: (2 раза)

Ой, да ли вы послушайте, ребятушки, (2 раза)

Ой, да ли наши, храбрые солдатушки, (2 раза)

Ой, да ли победим орду немецкую, (2 раза)

Ой, да ли что немецкую, фашистскую. (2 раза)

(Запись Л. Христиансена, 1944 г.).

Уральск. вар.: П. Некрасов, стр. 79 (с приложением мелодии)
Л. Воеводин, стр. 20.

9. **Похвалялись злы французы.** Записал И. Я. Стяжкин в 1946 г. в г. Каменск-Уральске, Свердл. обл., от М. С. Суворкова (67 л.), рассказавшего также 6 сказов.

Уральск. вар. П. Некрасов, стр. 83 с приложением мелодии.

10. **Высоко звезда восходила.** Записал Вл. Кукшанов в сентябре 1948 г. в г. Каменск-Уральске. Свердл. обл., от А. А. Бутаковой (см. выше). Вне исторического приурочения эта песня записана студентами УрГУ во многих районах Урала. Например, вариант, записанный от Н. А. Пильникова (Михайловский завод) — типичная арестантская песня:

Ты, заря ли моя зоренька, (2 раза)

Ой, да ли ты, заря моя восточная, (2 раза)

Восточная, полуночная. (2 раза)

Ой, да высоко заря восходила, (2 раза)

Ой, да выше лесу, выше темного, (2 раза)
Выше садичку зеленого.
Кандалы мои кандалушки,
Ой, да кандалы мои тяжелые, (2 раза)
Ой, да вы натерли мои ноженьки. (2 раза)
Ой, да по Сибирской по дороженьке.

Чаще всего эти безымянные разбойничьи песни связываются с именами участника семилетней войны графа Захара Григорьевича Чернышева и сподвижника Емельяна Пугачева — Чики Зарубина, который именовался графом Чернышевым.

См. А. Н. Лозанова «Социальное переосмысление песни о Чернышеве» в сб. «Советский фольклор», № 2—3.

11. **На взморье мы стояли.** Записали студ. УрГУ Н. Киселева и Н. Горяева в 1944 г. в д. М.-Беловодье, Каменск-Уральского р-на, Свердл. обл., от слепого М. Ф. Петухова.

2. Солдатские и рекрутские песни

12. **Не ковыль-травка шатается.** Записал Вл. Кукшанов в г. Камышлове, Свердл. обл., в январе 1948 г. от Е. Л. Чупиной (74 л.), вдовы солдата. Е. Л. знает еще несколько солдатских боевых песен («Злые турки напивались» и др.). В других уральских вариантах эта песня связывает судьбу молодца со служением Петру I.

...завела-то меня нужда крайняя,
Нужда крайняя, зла неволюшка,
Зла неволюшка да служба царская.
Тяжело-то служить царю белому,
Царю белому Петру I.

(Запись Л. Христиансена в Белоярском р-не, Свердл. обл., 1943 г.).

13. **Хотят, хотят доброго молодца.** Записала студ. УрГУ Н. Петровская в г. Полевском, Свердл. обл. в 1947 г. от Е. Н. Григорьевой (69 л.).

14. **Как по Питерской, Московской по дороженьке.** Записали студ. УрГУ В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердл. обл., от Е. Я. Еланских (77 л.), сторожихи, участницы местного хора. Песня прочно держится в репертуаре многих песенниц Урала. Варианты ее зафиксированы в Камышловском, Сухоложском и др. р-нах Свердл. обл. В других вариантах концовка контаминируется с темами семейно-бытовых песен (девушка мечтает купить кудели, веретешек и т. д.).

Уральск. вар.: В. Бирюков, стр. 67; П. Некрасов, стр. 82.

15. **Не кукуй-то ты, моя кукушка.** Записала асп. УрГУ В. Лапотышкина в пос. Пышма, Пышминского р-на, Свердл. обл., в январе 1948 г. от А. М. Сушинских. Варианты песни записаны в 1946—1948 гг. студентами УрГУ и в Белоярском, Камышловском, Сухоложском р-нах, Свердл. обл. В некоторых вариантах звучит мотив обещания молодца вернуться к возлюбленной.

Уральск. вар.: В. Бирюков, стр. 68.

16. **Во Петропавловской было крепости.** Записала Н. Петровская летом 1947 г. в г. Полевском, Свердл. обл., от Е. Н. Григорьевой.

17. **Вот наша долинушка.** Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова летом 1948 г. в Нижне-Сергинском заводе от Н. Ф. Бодрова (75 л.). По словам исполнителя, в прошлом он знал множество старинных песен самого различного рода, песни перенял от отца и братьев, которые были известными в Нижне-Сергинском заводе песенниками. В некоторых вариантах, вместо «пруссского короля», действует «царь русский», что следует считать более типичными для рекрутских песен.

18. **Ах, ты, поле, ты, мое поле чистое.** Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в с. Закамышловском, Камышловского р-на, Свердловской обл., от М. М. Кругляшевой (79 л.). Кругляшева грамотная, знает много свадебных и солдатских песен. Данный текст является наиболее полным из всех, записанных на Урале.

Уральск. вар.: В. Шишонко, стр. 257—258; В. Бирюков стр. 69.

19. **Как забрили меня, молодца, во солдаты.** Записала В. Курбатова в 1946 г. в г. Лысьве, Молотовской обл., от К. С. Копысовой. Текст создан Копысовой же (см. выше) по мотивам солдатских и рекрутских песен.

20. **По горам-долам да высоким.** Записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в д. Б.-Лая Кушвинского р-на. Свердлов. обл. от С. В. Дядюшкиной (58 л.), неграмотной, участницы самодеятельного хора Лайского клуба.

3. Свадебные песни

21. **Я не чаяла, не ведала.** Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Камышлове, Свердлов. обл., от А. А. Ширикаловой (48 л.), неграмотной домохозяйки. Анна Алексеевна Ширикалова — одна из лучших песенниц Камышловского района. От нее записано около 60 песен (свадебных, семейно-бытовых, любовных, рекрутских), 100 частушек, ряд реалистических и волшебных сказок. Исполняя песни, Анна Алексеевна оживает, иногда переходя в пляс. С молодости пользовалась широкой известностью как непременная участница свадебных обрядов, где она участвовала в хоре. Бутакова бывала дружкой. Свой богатый репертуар она восприняла от своих родственников, коренных уральцев.

Песня «Я не чаяла, не ведала» исполняется во время рукобитья, когда сваха жениха приезжает в дом невесты.

Уральск. вар.: В. Бирюков, стр. 107.

22. **Отпусти, родимый тятенька.** Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Камышлове от А. А. Ширикаловой (см. выше). Эту песню поют («зорко гаркают») вечером, когда солнце закатится, после просватанья, до свадьбы — прощаются с «девьей красотой».

Уральск. вар.: Шишонко В., стр. 71.

23. **Покатилась да девья красота.** Записал Вл. Кукшанов в июле 1947 г. в дер. Ялуниной, Белоярского р-на, Свердлов. обл., от А. Л. Воробьевой (57 л.), местной уроженки, домохозяйки, грамотной. Песня поется за столом, когда сестра невесты с лентой («девьей красотой») на лбу выходит на улицу под окно (это называется «хоронить девью красоту»).

24. **Отдает меня мати.** Записал Л. Кругляшев в августе 1948 г. в дер. М.-Лая, Кушвинского р-на. Свердлов. обл., от Х. П. Коряковой (см. выше). Песня пелась во время свадебного пира невестой, хор подхватывал припев.

25. Разлилась, разлелеялась... Записала М. Есаулкова летом 1948 г. в селе Андриановичи, Серовского р-на, Свердлов. обл., от Р. И. Есаулковой (см. выше). Песня поется хором девушек невесте во время девишника.

Уральск. вар.: Киреевский П. Песни, вып. I, стр. 33—34; Шишонко В., стр. 90—91.

26. Во саду было, во садике... Записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в дер. М.-Лая, Кушвинского р-на, Свердлов. обл., от Х. П. Корюковой (см. выше). Этой песней величают жениха и невесту во время обручения.

27. По улице-улице... Записали В. Гаряев, А. Шильникова Г. Копытова в августе 1948 г. в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердлов. обл., от Е. И. Пильниковой (60 л.). Екатерина Ивановна Пильникова пользуется в Михайловском заводе большой популярностью как знаток многообразных старинных песен: свадебных, любовных, плясовых, рекрутских. От нее записана величальная песня «Таусень».

Песня «По улице-улице» поется во время девишника хором девушек холостым товарищам жениха. В качестве хороводной песни записана студ. УрГУ в Кушвинском р-не. То же у П. Киреевского. Песни, вып. I, стр. 42.

28. Как у месяца — золотые рога. Записал Н. А. Куштум в с. Большие Березняки, Чернушинского р-на, от А. К. Алексеева (62 л.). Величальная жениху, поется во время свадебного пира. Четыре варианта этой песни, только меньших по количеству стихов, записали студенты УрГУ летом 1948 г. в дер. Малая Лая (Кушвинский р-н), в Михайловском заводе (Нижне-Сергинский р-н), в селе Андриановичи (Серовский р-н).

Уральск. вар.: П. Киреевский. Песни, вып. I, стр. 31; В. Шишонко. стр. 87; А. Гладких, стр. 38.

29. Вы цветы-то, мои цветики. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова летом 1948 г. в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердлов. обл., от Н. Фроловой (57 л.). Вариант предыдущей величальной песни жениху.

30. Белый, кудреватый, Иван-от Иванович... Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова летом 1948 г. в Михайловском заводе от Е. И. Пильниковой (см. выше). Величальная жениху, часто бытует и как игровая, и как семейно-бытовая.

31. Черносливчатый яблочек. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Камышлове от А. А. Ширикаловой (см. выше). Припевка жениху во время свадебного пира.

Уральск. вар.: П. Киреевский. Песни, вып. I, стр. 32—33.

32. На горе-горе. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова летом 1948 г. в Михайловском заводе от И. Д. Фокиной (50 л.). Поет невеста в кругу девушек-подружек во время обручения.

Уральск. вар.: Шишонко, стр. 26—27; Гладких, стр. 45—46.

33. Из-за саду, саду конь бежит. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова летом 1948 г. в Михайловском заводе от Е. И. Пильниковой (см. выше). Этой песней величают жениха с невестой во время девишника.

Уральск. вар.: В. Шишонко, стр. 318—319.

34. Не разливайся, мой тихий Дунай. Записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в дер. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердлов. обл., от Х. П. Корюковой (см. выше). Песней величают жениха и невесту

на вечере у невесты перед венчанием. Варианты ее записаны студентами УрГУ в 1947—1948 гг. в Камышловском и Нижне-Сергинском районах.

Уральск. вар.: В. Шишонко, стр. 38, 175, 179; В. Бирюков стр. 114.

35. Как по сеним, по сеничкам. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова летом 1948 г. в Михайловском заводе, Н.-Сергинского р-на, Свердл. обл., от Е. И. Пильниковой (см. выше). Исполнительница сообщает, что этой песней величали отца и мать невесты перед венчанием; в других районах варьируется как величальная свахе жениха, еще чаще как величальная молодым.

Уральск. вар.: П. Киреевский. Песни, вып. I, стр. 30, 34—35; В. Шишонко, стр. 62; А. Гладких, стр. 33.

4. Любовные и семейные песни

36. Уж ты Глаша, моя Глашенька. Записала В. Курбатова в 1946 г. в г. Лысьве, Молотовской обл., от К. С. Копысовой (см. выше). Напечатано нами в «Уральских песнях и сказаниях К. С. Копысовой» (Свердлгиз, 1947 г.). Песня создана Копысовой по мотивам народных лирических песен, которые оказали большое влияние на все творчество сказительницы. Сама Копысова придает лирическим образам этой песни автобиографический характер.

37. Под кушетчатым окошечком. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Камышлове от М. П. Захаровой (56 л.).

38. По бережку ходила молода. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Камышлове от И. Д. Кочнева (44 л.), завхоза горбольницы, уроженца д. Кочневой, находящейся в 40 км от Камышлова. Там Кочнев усвоил довольно богатый и разнообразный репертуар проголосных и плясовых песен; отдельные варианты, записанные от него, принадлежат к категории чисто женской лирики. Кочнев слывет в Камышлове незаурядным песенником. Вариант песни «По бережку ходила молода» только в качестве игровой см. у П. Киреевского. Песни, вып. II, ч. 2, стр. 322; В. Шишонко, стр. 325.

39. По речке лебедь белая плывет. Записал Вл. Кукшанов в с. Закамышловском, Камышловского р-на, Свердл. обл., в январе 1948 г. от Е. С. Аникаевой (69 л.), домохозяйки, грамотной. От Аникаевой записано 40 песен: любовных, бытовых, солдатских, тюремных, шуточно-плясовых и обрядовых. Особенно часто она исполняет такие старинные песни, как «По Питерской по дороженьке», «Во лузьях», «Бежит речка по песку» и т. д.

Уральск. вар.: П. Киреевский. Песни, вып. II, ч. 2, стр. 222—223, там же (в качестве игровой), стр. 319; А. Кокосов. Зап. ИРГО, стр. 406—408 (в качестве игровой); В. Шишонко, стр. 278—280; В. Бирюков, стр. 87.

40. Ах, голубка, ты, купка моя. Записал Вл. Кукшанов в дер Солодиловой, Камышловского р-на, Свердл. обл., в январе 1948 г. от Е. Е. Спиридоновой (35 л.). Спиридонова является исполнительницей не только старинных песен, но и популярных советских песен; активная участница колхозного хора.

41. Уж, ты бабочка, бабенка моя. Записали В. Гаряев, Л. Кругляшев и Н. Кочергин в г. Касли Челябинской обл. зимой 1948 г. от А. М. Широковой.

42. Уж ты, веюшко, соловеюшко. Записала Н. Петровская в г. Полевском, Свердл. обл., летом 1947 г. от Е. Н. Григорьевой.

43. Ты, заря ли, моя зоренька. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Камышлове от А. А. Ширикаловой (см. выше).

Уральск. вар.: А. Кокосов. Зап. ИРГО, стр. 410; В. Шишонко, стр. 277—278, В. Бирюков, стр. 117—118.

44. Во Невьянске стоит башня на боку. Записал И. Я. Стяжкин в 1946 г. в г. Невьянске, Свердл. обл., от А. А. Муриной (69 л.) и А. Н. Маташковой.

45. Стало солнышко из лесу выходить. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в Нижне-Сергинском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердл. обл., от Н. Ф. Бодрова (см. выше).

46. Никогда тоски не бывало. Записала В. Лапотышкина в августе 1948 г. в г. Невьянске от Е. М. Мухиной (74 л.). Репертуар Мухиной состоит преимущественно из любовных старинных песен, которые она усвоила от жителей Невьянска.

47. Ох, вздохи мои, вздохи растяжелые мои. Записала В. Лапотышкина в августе 1948 г. в Невьянске от Е. М. Мухиной (см. выше).

Уральск. вар.: Некрасов П., стр. 61; Бирюков В., стр. 142—143.

48. Шел милый дорожкой, дорожкой столбовой. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в Нижне-Сергинском заводе от Н. Ф. Бодрова (см. выше).

49. То не ласточка по полюшку летала. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в июле 1948 г., в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердл. обл., от М. И. Владимировой (67 л.). От М. И. записаны также лирические баллады («Как у ключика у студеного» и др.), сказки.

Уральск. вар.: А. Шишонко, стр. 191.

50. Красна девица сидела под окном. Записал Л. Кругляшев в дер. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердл. обл., в августе 1948 г. от Х. П. Корюковой (см. выше). Песня пелась на вечерках хором девушек. Среди молодежи д. М.-Лая популярна и в настоящее время.

51. Все бы я по бережку ходила. Записал Л. Кругляшев в д. Малая Лая от Х. П. Корюковой (см. выше).

Уральск. вар.: А. Кокосов. Зап. ИРГО, стр. 412.

52. У всех-то мужья молодые. Записал Н. А. Куштум в с. Горки, Егоршинского р-на, Свердловской обл., от А. И. Щербаковой (52 л.).

53. По дорожке по пыльной. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в гор. Камышлове от А. А. Ширикаловой (см. выше).

54. Разливалась уж ты, матушка, ты широкая Тура... Записала студ. УрГУ Н. Киселева в 1944 г. в г. Красноуральске Свердловской обл. от сестер Кривоноговых.

5. Шуточно-плясовые и игровые песни

55. Шандарба. Записала В. Лапотышкина летом 1948 г. в гор. Невьянске, Свердловской обл., от Е. М. Мухиной (74 л.), сообщившей также ряд свадебных и любовных песен и цикл дореволюционных частушек.

56. Уж ты, моя ягодка. Записал И. Я. Стяжкин летом 1946 г. в гор. Невьянске от А. А. Муриной и А. Маташковой.

57. Сею, сею я ленок. Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в Нижне-Сергинском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердл. обл., от А. К. Суворовой (83 л.), коренной жительницы Нижних Серег, неграмотной. Репертуар ее состоит преи

мущественно из игровых, плясовых и скоморошских песен. Свои плясовые песни она называет «скороспешными», что действительно соответствует манере ее исполнения.

58. **У меня квашня по избе пошла.** Записал Вл. Кукшанов в сентябре 1947 г. в г. Первоуральске, Свердлов. обл., от А. П. Рыбкиной (57 л.). Анна Петровна Рыбкина — коренная жительница Первоуральска (быв. Васильево-Шайтанского завода), грамотная (в детстве окончила 3 класса начальной школы); долгое время работала портнихой-надомницей, в настоящее время домохозяйка, активная участница художественной самодеятельности рабочего клуба Старо-Трубного завода, является инициатором подготовки и показа всего обряда уральской свадьбы в 1945 г.; выступления их коллектива стариков, старушек и пожилых женщин (35 человек) в местных клубах Первоуральского района проходили с огромным успехом, привлекали большое количество зрителей. Сама Рыбкина исполняла в инсценировке роль жениховой свахи. Рыбкина по своей натуре сказительница жизнерадостная, что сказалось на ее репертуаре, состоящем преимущественно из шуточно-плясовых песен. Песня «У меня квашня» исполнялась Рыбкиной во время инсценировки уральской свадьбы индивидуально.

59. **Возьму козу за рога.** Записал Вл. Кукшанов в июле 1947 г. в д. Ялуниной, Белоярского р-на, Свердлов. обл., от Н. И. Воробьевой (33 л.), грамотной. Воробьева знает много старинных русских песен: плясовых, игровых, баллад, народных переделок литературных романсов («Зеленая веточка», «Звезды, мои звездоньки...»).

60. **В темном лесе.** Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в г. Нижние Серги, Свердлов. обл., от А. К. Суворовой (см. выше).

61. **Тропка, тропинка моя.** Записал Вл. Кукшанов в сентябре 1947 г. в г. Первоуральске, Свердлов. обл., от А. П. Рыбкиной (см. выше).

Уральск. вар.: В. Бирюков, стр. 128.

62. **Уж ты, мать моя, мамонька.** Записала Н. Петровская в 1947 в г. Полевском, Свердлов. обл., от Е. Н. Григорьевой.

Уральск. вар.: В. Бирюков, стр. 86.

63. **Из-под дубу, из-под вязу.** Записала В. Лапотышкина в пос. Пышма, Пышминского р-на, Свердлов. обл., в 1947 г. от А. М. Сушинских.

64. **Заинька.** Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердлов. обл., от Е. И. Пильниковой (см. выше).

Уральск. вар.: А. Кокосов. Зап. ИРГО, стр. 403—404; В. Шишонко, стр. 135; П. Некрасов, стр. 56; В. Бирюков, стр. 83, 84. См. статью А. Чубарова «Заинька беленький» (Анализ местной песенки-сказки) в «Сборнике материалов по изучению Челябинского округа», Челябинск, 1927 г., кн. I, стр. 84—86.

65. **За Яйвой, за Яйвой, за Яйвой за рекой.** Записал Вл. Кукшанов в с. Закамышловском, Камышловского р-на, Свердлов. обл., в январе 1948 г. от М. П. Боровских (45 л.), колхозницы, неграмотной. Песня прочно держится в репертуаре многих районов Урала; студентами УрГУ записан ряд вариантов ее. В записи В. Кукшанова (с. Курьи, Сухоложского р-на) появляется совсем иной зачин, включаются образы водовозов, концовка варьируется в плане лирической, а не игровой песни.

Еще та рыба — не рыба,
Уха — не уха, (2 раза)
Да лишь бы девка не плоха.
Любит бастенького
Да Ваню бравенького, (2 раза)
Кудреватенького
Да важеватенького.

66. Завилецкую капустку поливала. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Камышлове, Свердл. обл., от М. П. Захаровой (56 л.), уборщицы конторы конетреста, неграмотной. Захарова знает очень много старинных шуточно-плясовых и игровых песен. «Завилецкую капустку» исполнительница называет песней «половской», так как та пелась на зимних вечорках молодежи, когда молодые парни и девушки ходили поочередно парами по избе; пройдясь через всю избу, пара целовалась и уступала место следующей паре. При этом непрерывно пелись песни («Мимо садику дороженька торна», «Я по травкам шла» и др.).

Уральск. вар.: А. Кокосов, Зап. ИРГО, стр. 412; В. Шишонко, стр. 97.

67. Вспомни, вздумай, милый мой. Записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в д. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердл. обл., от Х. П. Корюковой (см. выше).

Уральск. вар.: В. Шишонко, стр. 91—92.

68. Я вечер молоденька поздненько шла. Записал Л. Кругляшев летом 1947 г. в д. М.-Лая от К. Корюковой (см. выше).

69. Что задумал наш комаричек жениться. Записал Вл. Кукшанов в июле 1948 г. в селе Курьи, Сухоложского р-на, Свердл. обл., от В. Т. Пилигримовой (60 л.), колхозницы, неграмотной. Василиса Трифоновна Пилигримова (урожд. Печенкина) — одна из пяти сестер Печенкиных, известных курьинских песенниц, деятельно участвовавших в местном хоре, который дважды выступал на смотрах сельской художественной самодеятельности. Фото сестер было помещено в «Уральском рабочем» в 1946 г. Пилигримова обладает довольно большим песенным репертуаром, унаследованным ею от родителей, известных в Курьях песенников. Песня «Что задумал наш комаричек жениться» часто исполнялась на народных игрищах.

Уральск. вар.: П. Некрасов, стр. 86.

70. Таракан дрова рубил. Записал Вл. Кукшанов в июне 1948 г. в г. Свердловске от Н. Капустиной, уроженки Сысертского завода, домохозяйки, грамотной.

71. Девка платье мыла. Записала В. Лапотышкина в августе 1948 г. в г. Невьянске, Свердл. обл., от Е. М. Мухиной (74 л.). Варианты этой песни зафиксированы студентами УрГУ в Сухоложском р-не (с. Курьи).

6. Рабочие песни

72. Приказчик Ванька. Записала В. Курбатова в г. Лысьве Молотовской обл. от К. С. Копысовой. Напечатано нами в «Уральских песнях и сказаниях К. С. Копысовой», Свердловск, 1947 г.

Образы приказчиков сатирически изображаются во многих жанрах дореволюционного уральского фольклора. Копысовой удалось поднять этот образ на большую высоту типического обобщения и через

хвастливый монолог приказчика Ваньки обнажить его социальную сущность. Непосредственным прототипом «Приказчика Ваньки» послужила песня, распеваемая в конце XIX в. в Михайловском и Нижне-Сергинском заводах «Демидовский приказчик».

Гармонист, играй, играй, играй,
Шире красны мехи раздувай,
Лапоточками притоптывай!
Собирайся, православный люд,
Посмотрите на приказчика,
Посмотрите на демидова:
На базаре все горшки он раздавил,
Кучеров хлестал он плеткою,
А у бабы все пельмени разбросал,
Из кадушек творог выкидал,
Красной водкой он лошадок напоил,
На базаре везде бархат расстелил.
Созывает он молодушек плясать,
Созывает красных девушек играть,
Хочет он себе невесту выбирать,
Хочет девку в алы губы целовать.
Он с невестой только ночку проведет,
Он над девкой-то изгалится,
Подарит невесте два рубля:
Хватит девонька-красавица с тебя!
Ты уйдешь с худою славою,
Будешь помнить угощение,
Угощение приказчика,
Угощение демидова.

73. Ой, вы камни-самоцветики. Записано там же В. Курбатовой 1947 г. от К. С. Копысовой, создавшей эту песню.

74. Старатель. Записано студ. УрГУ М. Шабалиной в г. Невьянске, Свердловской обл., в 1947 г. от Парасковьи Антиповны Беловой (74 л.).

Песня, по словам исполнительницы, широко бытовала в среде старателей Невьянска в конце XIX века. Белова называет песню «событьем»: «Вот только как я ишо, матушка, помню событие-то».

7. Советские песни

а) довоенного периода

75. Ой-да, сизы соколы. Записана в Свердловской области на заводе «Металлист» от контрольного мастера В. А. Королева, (24 л.). Напечатана в «Творчестве народов СССР», изд. «Правды» 1937 г.

76. Три дня метели бушевали. Записал Н. А. Куштум в 1938 г. в с. Зайково, Ирбитского района, Свердл. обл., от Шуры Доровских (12 л.), ученицы 5 кл. неполной средней школы.

77. Колхозная коробочка. Записал Н. А. Куштум, в 1938 г. в Дуванском сельсовете, Шалинского р-на, Свердл. обл., от П. П. Гостева.

78. Сталинский закон. Сложил мастер Богословского химлеса И. Я. Мельников. См. «Уральский рабочий» от 7/XI 1940 г.

79. Как солнце с неба глянуло. Записано в колхозе «Красный пахарь», Ирбитского р-на от И. Е. Мельникова. См. «Уральский рабочий» от 7/XI 1940 г.

80. Уж как Катя выходила на лужок. Записал Н. А. Куштур в 1940 г. в Богословском леспромхозе от мастера Ивана Мыльникова. И. Е. Мыльников — носитель традиционных жанров уральского фольклора (сказок, преданий, песен, пословиц и т. д.) и вместе с тем создатель новых фольклорных произведений. Некоторые его стиховые устные сказы напечатаны в газете «Уральский рабочий» (1939 г., 6 августа; 1940 г., 10 ноября).

81. Ой, вы горы, мои горы. Записал Л. Л. Христиансен в 1944 г. от участников Уральского государственного народного хора, руководителем которого он является. Хор создан из наиболее талантливых песенников края.

б) периода Великой Отечественной войны

82. Товарищ боец, становись, запевай. Сообщил И. Я. Стяжкин (г. Каменск-Уральск). Из фронтового альбома А. Н. Перекальского. Александр Наумович Перекальский (1920 г. рождения) с 1941 г. по 1945 г. находился в действующей армии, участвовал в боях на Центральном, Карельском и 3-ем Украинском фронтах, в Румынии, Австрии, Венгрии, Югославии. В настоящее время работает на Трубном заводе мастером цеха. Находясь на фронте, записал большое количество (до 100) различных песен в свой альбом. Песня «Товарищ боец, становись, запевай» поется на мотив старинной матросской песни «Раскинулось море широко».

83. «Проводы» — записал студент Мукомольно-элеваторного техникума А. Хорьков в 1946 г. в г. Сухой Лог Свердловской области от участника Отечественной войны В. Хорькова.

Песня, видимо, литературного происхождения. По словам В. Хорькова, «Проводы» пелись в частях 2-го Украинского фронта. С небольшими вариациями эта песня записана студентами Уральского государственного университета в Каслинском районе Челябинской области от ремесленной молодежи, в Ревдинском районе (Дегтярский рудник). Песня «Проводы» входила и в репертуар многих коллективов художественной самодеятельности Урала. Поется на мотив «Проводов» (слова Д. Бедного, музыка Васильева-Буглая).

84. Раскинулся лагерь широко. Сообщил студ. УрГУ Н. Колесник, при непосредственном участии которого песня возникла в немецком лагере смерти «Гольдбах» в г. Бахум (Германия) в 1943 г. Н. Колесник сообщает, что в лагере «Гольдбах» находилось около полутора тысяч советских граждан, подвергавшихся неслыханным физическим и моральным издевательствам и лишениям. Но дух советских людей не был сломлен, что нашло свое выражение в создании многих песен, частушек, пословиц, зовущих к стойкости и ненависти к фашистским палачам. Песня «Раскинулся лагерь широко» создавалась по отдельным куплетам и затем быстро распространилась в других лагерях. Поется на мотив «Раскинулось море широко».

85. Бескозырка. Записал студ. Мукомольно-элеваторного техникума А. Хорьков в 1946 г. в г. Сухой Лог, Свердл. обл., от слепых певцов на базаре. Эта песня широко распространена на Урале и записана студентами УрГУ также в Каслинском р-не, Челябинской обл. (от ремесленной молодежи), в Нижне-Сергинском р-не (Михай-

ловский завод), в Кушвинском р-не (д. М.-Лая), в Серовском р-не (с. Андриановичи), в Ревдинском р-не (Дегтярский рудник), в Сухоложском районе (с. Курьи), Свердловской области. В варианте, значительно отличающемся от нашего, песня приведена в сборнике В. Ю. Крупянской «Фронтной фольклор» (изд. Гослитмузея, М., 1944) № 56. Поется на мотив «Раскинулось море широко».

86. **На опушке леса старый дуб стоит.** Записал Вл. Кукшанов в июле 1947 г. в дер. Баженово, Белоярского р-на, Свердл. обл., от А. С. Харитоновой (34 л.), домохозяйки. Песня ею слышана в пригородном поезде от слепого певца. С небольшими вариациями, не изменяющими сюжетной основы (вместо «четверо детей» — «пятеро детей», вместо «самый младший» — «самый старший», замена образа партизана образом солдата и т. д.), песня зафиксирована в Сухом Логе, Ирбите, Свердловске, Молотове (записи А. Хорькова), Камышловском, Сухоложском, Каменск-Уральском и Первоуральском (записи В. Кукшанова), Нижне-Сергинском (записи В. Горяева) р-нах Свердловской обл. Песня вошла в репертуар известных исполнительниц традиционной песенной лирики: в г. Каменск-Уральске А. А. Бутаковой и М. Е. Надеиной. Опрос фронтовиков подтвердил широкое распространение этой песни на многих участках фронта: Белоруссия, Восточная Пруссия, Дальний Восток (записи студентов УрГУ А. Шильниковой, И. Ворониной, И. Истоминой, Л. Плотниковой). Бывший фронтовик П. И. Захаров (Н.-Сергинский р-н, Свердл. обл.), слышавший эту песню в госпитале «Свирский монастырь» под Ленинградом в 1944 г., сообщает, что песня эта пользовалась большой популярностью среди партизан Ленинградской области, лежавших в том же госпитале; песню очень любили.

В брошюре «Советская массовая песня» (Музгиз, М. 1946 г., стр. 14). И. Нестьев называет создателя этой песни фронтового композитора Шохина (Брянский фронт, 1942 г.) и приводит четыре строки песни «Партизан»:

На опушке леса старый дуб стоит,
А под тем под дубом партизан лежит.
Он лежит, не плачет, и как будто спит,
Золотые кудри ветер теребит.

Исполнители называют песню по-разному «Смерть партизана», «Партизанская песня», «На опушке леса» и т. д.

87. **Удар.** Записала студ. УрГУ А. Долгих летом 1948 г. на Дегтярском руднике (Ревдинский р-н, Свердл. обл.) от А. П. Бурлакова (1923 г. рожд.), студента Свердловского горно-металлургического техникума. Александр Павлович Бурлаков воевал на Центральном, Калининском, 1-ом Прибалтийском, 1-ом Украинском фронтах в танковых частях. В его фронтовом альбоме имеется до 60 песен, среди которых встречаются варианты, созданные непосредственно на фронте. Бурлаков не знает авторов этих песен, но утверждает, что некоторые песни созданы даже в той части, где он служил. Возникновение песни «Удар» связано с боем, происходившим 5 января 1943 г. на Калининском фронте за д. Грибунино (севернее Великих Лук), о чем свидетельствует пометка в альбоме.

Песня поется на мотив «Раскинулось море широко». С именем командира танковой части Чупрова, в которой служил А. Бурлаков, связаны и другие песни, записанные в альбоме Бурлакова.

88. Герой-танкист. Записала А. Долгих летом 1948 г. на Дегтярском руднике (Ревдинский р-н, Свердлов. обл.) от А. П. Бурлакова (см. выше). Песня возникла в конце войны, когда танковая бригада, в которой служил А. Бурлаков, находилась в Польше. Песня поется на мотив «Раскинулось море широко».

89. Волга, Волга-река. Записал Вл. Кукшанов в сентябре 1947 г. в пос. Хромпик Первоуральского района, Свердлов. обл., от Л. П. Семышевой. Семышева Людмила Петровна (1924 г. рождения), коренная уралка, с 1942 по 1945 г. находилась на фронте в качестве разведчика. С частями 2-го Украинского фронта дошла до Румынии, где была ранена. По возвращении домой Семышева — активная участница художественной самодеятельности местного клуба, ее выступления с исполнением фронтовых песен пользуются широким успехом у местного населения, способствуя большему распространению фронтовых песен. Л. Семышева слышала песню у Полтавы осенью 1943 г. в частях 2-го Украинского фронта. Песня исполнялась ею в концертах художественной самодеятельности местного клуба имени Ленина (ст. Хромпик).

90. Товарищи, дружно, рубеж не сдавай. Записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в д. М.-Лая, Кушвинского р-на, Свердлов. области от А. П. Бердышева (см. выше), который впервые услышал песню в боях под Воронежем в 1943 г. в стрелковой дивизии («привез к нам один лейтенант, который был под Сталинградом», — сообщает Бердышев). Песня поется на мотив «Раскинулось море широко».

91. Не впервой на поле брани. Записали В. Горяев, Л. Кругляшев и Н. Кочергин на руднике Верликулит (Каслинский р-н, Челябинской обл.) зимой 1948 г. от рабочей молодежи рудника. Сюда песня занесена демобилизованным старшим лейтенантом В. С. Валановым.

92. Кантата о гвардейцах. Записал Вл. Кукшанов в сентябре 1947 г. в пос. Хромпик, Первоуральского р-на, Свердлов. обл., от Л. П. Семышевой (см. выше). По сообщению Л. Семышевой, песня эта была создана в Бессарабии в конце 1944 г. в частях 2-го Украинского фронта. Автором текста песни исполнительница называет рядового Протасова. Л. Семышева исполняла эту песню в концертах художественной самодеятельности в клубе им. Ленина (ст. Хромпик).

93. Как стая сизокрылая. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Свердловске от А. М. Лушников. Лушников Александр Максимович (1924 г. рожд.) с весны 1942 г. по 1945 г. находился в действующей армии, сначала в авиации, а затем в пехоте, участвовал в боях на Белгородском направлении и на Сталинградском фронте. В настоящее время студент УрГУ. По сообщению А. Лушникова, песня возникла и имела широкое распространение.

94. Широка небесная дорога. Сообщил студ. Уральского политехнического института А. В. Войлошников, бывший фронтовик, слышавший песню в 1944 г. В часть песня попала вместе с пополнением. Распевалась всем личным составом части.

95. Серая шинель. Сообщил студ. Сухоложского мукомольно-элеваторного техникума А. Хорьков из фронтового альбома своего брата-фронтовика В. П. Хорькова.

96. Спят бойцы уставшие. Сообщил А. Хорьков из фронтового альбома своего брата-фронтовика В. П. Хорькова. Песня поется на мотив песенки «Спят курганы темные» из кинофильма «Большая жизнь» (1-ая серия), муз. Н. Богословского.

97. Саперная-боевая. Записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в д. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердл. обл., от А. П. Бердышева (см. выше), который впервые услышал песню в 1947 г.

98. Жили два фрица в одном полку. Записала студ. УрГУ Л. Плотникова-Стенина в 1947 г. Песня поется на мотив популярной песни Виктора Гусева «Два друга» («Жили два друга в нашем полку...») из его пьесы «Слава».

99. Строчит лихо пулемет. Сообщил бывший фронтовик В. Подкин. Песня попала на 2-ой Украинский фронт в октябре 1943 г. при следующих обстоятельствах: выполняя боевое задание в районе г. Кременчуг, т. Подкин с двумя разведчиками обнаружил труп убитого красноармейца. В его плечевой сумке среди других записей и была обнаружена песня «Строчит лихо пулемет». Песня стала одной из самых любимых песен 2-го Украинского фронта. При исполнении песни строку «Фюрер, где ты? Выручай!» не пели, а выкрикивали. Песня поется на мотив «Провожание» (Муз. В. Захарова, слова М. Исаковского).

100. Крутится, вертится шар голубой... Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в дер. Солодиловой, Галкинского с/с., Камышловск. р-на, Свердл. обл., от Е. Е. Спиридоновой (см. выше). Спиридонова выступала с исполнением песни «Крутится, вертится шар голубой...» на районном и областном смотрах сельской художественной самодеятельности, за что получила почетную грамоту. Песня, по сообщению исполнительницы, стала ей известна из фронтовых писем ее родственников, а от нее самой распространилась по деревне; в настоящее время песня с некоторыми изменениями (главным образом, в размерах песенного текста) широко распространена в дер. Солодиловой. Эта же песня записана студ. УрГУ А. Шильниковой, И. Ворониной и И. Истоминой зимой 1947—1948 гг. в Свердловском окружном военном госпитале от Б. Ф. Скачкова (1925 г. рожд.), слышавшего ее на 1-ом Белорусском фронте в 1944 г. В этом варианте содержится несколько новых, характерных для фронтовой обстановки строк. Например, после 44-й строки нашего текста следуют слова:

Время военное, время не ждет.
Рота на Запад, на немцев идет.
Вдруг я смотрю и понять не могу,
Словно ужаленный мчусь по снегу и т. д.

Песня поется на мотив популярной песенки из кинотрилогии о Максиме (муз. обр. Д. Шостаковича).

101. Пыль клубится под копытами коня. Записал И. Я. Стяжкин в 1947 г. в г. Каменск-Уральске, Свердл. обл., от девушек-работниц Трубногo завода, куда песня была занесена демобилизованным лейтенантом А. Н. Перекальским (см. выше). Поется на мотив «То не тучи — грозовые облака» («Терская походная»), сл. А. Суркова. муз. Дм. и Дан. Покрасс.

102. Застольная. Записал Вл. Кукшанов в январе 1948 г. в г. Свердловске от А. М. Лушников (см. выше). А. Лушников слышал песню от своих товарищей-фронтовиков с Волховского фронта (В. Фоминых и др.). Второй вариант этой песни записан Вл. Кукшановым в пос. Хромпик, Первоуральского р-на, Свердл. обл., в сентябре 1947 г. от Л. П. Семейшевой (см. выше), слышавшей песню на 2-ом Украинском фронте в 1944 г. от бойцов танковой части.

Л. П. Семышева исполняла ее на концертах художественной самодеятельности в местном клубе им. Ленина. В варианте, от нее записанном, помимо лексических изменений, имеются и новые строки: после 20-ой строки напечатанного варианта идут следующие слова:

Мысли и чувства повсюду с тобою,
Ты, командир боевой,
Выпьем за счастье, за лучшую долю,
Выпьем за встречу с тобой.
Встанем и чокнемся кружками полными,
Братья семьи боевой.
Выпьем за мужество наших героев,
Выпьем за встречу с тобой.

Пелась «Застольная» и в частях Дальневосточного фронта (сообщение И. Я. Стяжкина из фронтового альбома В. А. Косякова, работающего в настоящее время секретарем комитета ВЛКСМ на Трубном заводе в г. Каменск-Уральске; т. Косяков записал эту песню в г. Дайрене). В варианте этом имеются некоторые разночтения (замена Волхова Волгой и т. д.). То же самое и в другом дальневосточном варианте, записанном студ. УрГУ А. Шильниковой, И. Ворониной и И. Истоминой в январе 1948 г. в Свердловске от бывшего фронтовика И. М. Молчанова. Поется на мотив «Застольной» («Если на празднике с нами встречается несколько старых друзей...») из кинофильма «Живи, родная Белорусь» — муз. И. Любана, слова Косенко, перевод П. Глебка.

II. ЧАСТУШКИ

№№ 1, 4, 17, 27, 48, 52, 55, 56, 143, 144, 150, 160 — записали В. Горяев, Л. Кругляшев и Н. Кочергин зимой 1948 г. в Каслях, Челябинской обл., от ученицы РУ В. Осинцевой.

№№ 3, 6, 7, 12, 31, 32, 33, 35, 39, 40, 42, 43, 46, 53, 60, 61, 62, 68, 69, 70, 73, 74, 162, 163, 175, 176 — записали они же в Каслях от местного колхозного хора и его запевалы М. С. Батиной (48 л.). После каждой спетой частушки запевала хора спрашивает: «Хорошо ли мы поем?» — Хор отвечает: «Замечательно!» — Запевала: «По-стахановски работать?» — Хор: «Обязательно!».

№№ 30, 78, 96, 115, 119, 128, 147, 161 — записала студ. УрГУ М. Шабалина в январе 1948 г. в с. Быньги, Невьянского р-на, Свердл. обл., от золотоискательницы Р. И. Маркиной (26 л.).

№№ 16, 81, 82, 83, 98, 108, 109, 112, 114, 116, 117, 121, 122, 124, 125, 126, 129 — записала М. Шабалина в январе 1948 г. в г. Невьянске, Свердловск. обл., от З. Шабалиной (17 л.), ученицы 10 кл.

№№ 88, 92, 132, 133, 134, 138, 141, 146, 152, 153, 154, 164 — записала М. Шабалина в январе 1948 г. в гор. Невьянске, Свердл. обл., от бывшего фронтовика, ныне рабочего В. Кропотухина (29 л.).

№№ 5, 9, 54, 84, 111, 139, 142, 145, 165, 171, 172, 173 — записала В. Курбатова в 1946—1947 гг. в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердл. обл., от участников кружка художественной самодеятельности М. Спириной и А. Кронова.

№№ 20, 37, 44, 45, 79, 80, 89, 91, 104, 106, 130, 140, 177 — записал асп. УрГУ В. Лапотышкина в 1947 г. в пос. Пышма и дер. Печеркино, Пышминского р-на, Свердл. обл., от учащихся средней школы и участников местного колхозного хора.

№№ 135, 136, 137, 166, 167, 168, 169 — сообщил бывший фронтовик, ныне студ. УрГУ В. Подкин.

№№ 36, 72, 85, 86, 90 — записала студ. УрГУ Л. Шешина в августе 1948 г. в дер. Бараба, Богдановичского района, Свердлов. обл., от участницы местного колхозного хора Е. Н. Лоскутовой.

№ 38 — записала студ. УрГУ М. Есаулкова в 1948 г. в с. Андриановичи, Серовского р-на, Свердлов. обл., от колхозницы М. Л. Козиной (38 л.).

№№ 151, 155, 156, 157, 159 — записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в дер. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердлов. обл., от А. П. Бердышева (1924 г. рожд.), бывшего фронтовика.

№№ 10, 11, 18, 24, 34, 47, 49, 50, 51, 57, 58, 63, 65, 71, 77, 87, 94, 120, 123, 131, 158, 170 — записал Л. Христиансен в 1944—1947 гг. в Уральском государственном народном хоре от солистов и участников, которые являются авторами многих частушек.

№№ 8, 13, 14, 15, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 29 — записал Н. Куштум на Богословских копиях от шахтерской молодежи.

№№ 28, 59, 64, 66, 67 — записал А. Хорьков в 1947 г. от участников художественной самодеятельности Уралмашзавода (г. Свердловск).

№№ 41, 75, 93, 95, 99, 102, 103, 113, 118, 127, 148, 149, 174 — записал И. Я. Стяжкин в г. Каменск-Уральске от рабочих Трубногo завода Д. Ивниной (25 л.) и В. Семенова (28 л.) — участников художественной самодеятельности.

№№ 2, 76, 97, 100, 101, 105, 107, 110 — записал А. Воронихин в 1946 г. в г. Камышлове, Свердлов. обл., от учащихя и местного колхозного хора.

III. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

№№ 1—72 записали студенты УрГУ В. Гаряев, Л. Кругляшев, Н. Кочергин, В. Курбатова, М. Есаулкова; краевед И. Я. Стяжкин в следующих районах: Нижне-Сергинском (Михайловский завод), Каслинском, Невьянском, Каменск-Уральском, Серовском — от местного населения и от фронтовиков Г. Оберюхтина, В. Подкина — с 1944 по 1948 годы.

IV. ЗАГАДКИ

№№ 1—6 записали М. Есаулкова и В. Курбатова в 1947—1948 гг. в с. Андриановичи, Серовского р-на, Свердлов. обл., и в гор. Лысьве, Молотовской обл., от учеников средней школы.

V. НАРОДНАЯ ДРАМА

Шайка разбойников. Записала студ. УрГУ В. Курбатова в 1946 г. в г. Лысьве, Молотовской обл., от К. С. Копысовой (71 г.). Напечатано нами в «Уральских песнях и сказаниях К. С. Копысовой» (Свердлгиз, 1947).

В таком виде текст драмы «Шайка разбойников» на Урале не инсценировался. Он создан Копысовой на основе трех народных драм, усвоенных ею в 80—90-х гг. XIX века в Михайловском заводе Красноуфимского уезда — «Шайка разбойников», «Глухой барин и слуга Афонька» и возникшей в самом Михайловском заводе диа-

логической сценки «Татарский хозяин и работник». Сама Клавдия Степановна принимала участие в постановках этих драм. В «Шайке разбойников» она исполняла роль невесты атамана, в остальных двух, будучи специально загримированной — слугу Афоньку и татарского работника. Михайловский вариант «Шайки разбойников», как это видно из автобиографии Копысовой, незначительно отличался по своей композиции, составу действующих лиц и приемам инсценировки от аналогичных вариантов других областей России. Действующими лицами в нем были: атаман, есаул, разбойники от 6 до 12 человек, Приклонский — жьница и его дочь Мария, барин (заводовладелец), офицер и его друг. Около деревянного сруба, заменявшего сцену и полуокруженного рабочими зрителями, «разбойники» вставали на колени, изображая «лодку». Они размахивали руками вправо и влево, имитируя всплеск весел. «Атаман» сидел «на носу», а «есаул» на «корме лодки». «Разбойники» пели «Вниз по матушке по Волге», затем есаул приводил барина (заводчика), и атаман начал допрос:

Атаман. Кто ты такой?

Барин. Я помещик.

Атаман. Деньги есть?

Барин. Есть.

Атаман. Сколько?

Барин. Тысяч двадцать.

Атаман. Отобрать и по шее надавать!

Вижу — ты жил — не тужил,

Большое брюхо нажил и т. д.

Аналогичному допросу подвергался и офицер. Отобрав у них деньги, атаман раздавал их разбойникам. Драма оканчивалась женитьбой атамана на дочери Приклонского Марии.

Вторая народная драма, бытовавшая в Михайловском заводе, «Глухой барин и слуга Афонька» близка по своему содержанию к «Мнимому барину». Как и староста в последней драме, Афонька дурачит барина и посылает по его адресу ряд презрительных реплик. Но в михайловском варианте Афонька не ограничивался сатирической издевкой, а избивал самодура-барина, возмечтавшего на старости лет о женитьбе.

И, наконец, «Татарский хозяин и работник» — импровизация брата Копысовой, рабочего Михайловского завода Николая Степановича Онуфриева. По своей теме она специфична для Михайловского завода, где русское население постоянно соприкасалось с татарами и башкирами. Мотивы социального гнета и несправедливости татарского народа вошли в русскую сказку и предания. «Татарский хозяин и работник» — сценка, не имеющая особого драматического сюжета, но она интересна своими социально-сатирическими тенденциями. Работник жалуется хозяину на свою нищету. Последний ссылается на Магомета, который, якобы, предоставил права богачам угнетать народ и жить разгульно:

Магомет распорядился,
Чтоб работник жил худа,
Если будет он сердиться,
Ты в аду будешь тогда.

В конце пьесы работник требует «земного рая» — половину богатства своего хозяина.

На основе охарактеризованных уральских фольклорных вариантов, Копысова создала в годы Отечественной войны новый и в высшей степени оригинальный текст «Шайки разбойников». Она проводит в нем идею непримиримой классовой ненависти и борьбы трудового народа со своими угнетателями — светскими и духовными.

Уральск. вар.: В. Бирюков, стр. 36—55; К. Пронин в альманахе «Прикамье» (Молотов, 1941 г., № 3, стр. 149—159).

VI. ПРЕДАНИЯ И СКАЗЫ

№№ 1 — 2 записал Л. Кругляшев в августе 1948 г. в д. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердл. обл., от С. Л. Лылова (72 л.), который в молодости был промысловым охотником. Грамоте он научился, по собственным словам, «самоуком». Все предания и сказы С. Л. связаны с историей д. Малая Лая.

№ 3 записала В. Курбатова в 1946 г. в г. Лысьве, Молотовской обл., от К. С. Копысовой. Сказ типичен для Урала. Аналогичные варианты фиксировались неоднократно. На основе этого предания Копысова создала стихотворный текст «Пугачевский клад» (см. «Уральские песни и предания К. С. Копысовой», Свердловск, 1947 г.).

4. **Рыжанко.** Записал Вл. Кукшанов в сентябре 1947 г. в г. Первоуральске, Свердл. обл., от конюха Старо-Трубно́го завода М. Е. Шулина (72 л.). Вариант этого сказа записан Е. Блиновой (см. сборн. В. Бирюкова «Дореволюционный фольклор на Урале»). Вариант Блиновой значительно подправлен, в нем имеются образы Азов-горы и девки-Азовки, неизвестные преданиям бывш. Васильево-Шайтанского завода (Первоуральск), где возникли и бытовали сказы о Рыжанке (Плотникове), убившем заводоладельца Ширяева.

5. **На Азове жила девка-Азовка...** Записала Н. Петровская в 1947 г. в г. Полевском, Свердл. обл., от уроженки Полевского завода Е. С. Медведевой. До настоящего времени бытует много аналогичных преданий. О них писал в очерке «У старого рудника» П. П. Бажов. В других районах Урала «горный дух» назывался иначе: «заколдованная девушка» (см. ниже в комментарии к сказкам), «хозяйка гор», «чугунная бабушка», «горный старец», «горная матка» и т. д. Образ «горного духа» — типичный образ жителей гор и предгорий. См., например, ст. Потапова «Культ гор на Алтае» (журн. «Советская этнография», 1946 г., № 2; Н. П. Дыренкова «Шорский фольклор», М. 1940 г.). Образ этот порожден анимистическими воззрениями народов и их магической практикой. Однако в горнозаводской среде он приобрел совершенно иную социальную и эстетическую функцию. В дореволюционной печати сохранился единственный вариант о «девке-Азовке», записанный К. Лугиным и напечатанный в иллюстрированном приложении к газете «Уральская жизнь» (1902, № 8, 20 марта). Он содержит некоторые мотивы, близкие к циклу сказов П. П. Бажова о хозяйке Медной горы. В силу недоступности иллюстрированного приложения и того, что запись К. Лугина свидетельствует о полной деформации этих преданий в настоящее время, приводим ее полностью.

Девка-Азовка. «Азов» — это гора, расположенная в восемнадцати верстах от Полевского завода. С горой Азов связана легенда

о «девке-Азовке», получившей свое прозвище, вероятно, от горы того же наименования.

Вот об этой-то легенде, услышанной мною впервые на самой горе Азов, мне и хочется поделиться с читателями, причем, чтобы пересказ сохранил свои бытовые особенности, я оставил его в том виде, как слышал...

В разговоре сторож Архипыч сообщил много интересного о прошлом горы Азов.

«В давние времена гора Азов была казацким сторожевым пунктом. Около села Полдневского и сейчас есть место, называемое «Казацкая елань» — это дорога, проложенная казаками, которых Петр Великий поселил в Полдневой. Так вот, на Азове был казацкий наблюдательный пункт. Другой такой же пункт был около Полдневой на Березовой горе. Эти пункты наблюдали за проезжей дорогой, давали охрану караванам и путешественникам и оповещали друг друга сигнальными кострами об опасностях».

Когда пришел Пугачев, он занял эти же сторожевые пункты, и на них пугачевцы также сигнализировали друг другу, как раньше казаки. Оттого и поймать их было трудно. Тут на горе есть пещера, в ней Пугачев хранил все свои сокровища, а пуще всего девку. «Азовкой» ее звали, уж очень он был к ней привязан, да и она ему отвечала тем же.

Бывало, поедет он куда, а она все в пещере добро его стережет. Дорога сюда, сами видели, какая... А в те времена, почитай, и совсем непроезжа была, хорошо тут было добро хоронить. Отсюда Пугачев и надумал идти на Полевской завод, кликнул клич своим воеводам и с большим войском пошел к «Думной» горе, что у самого завода. Подошел и начал думать, как ему лучше завод взять, оттого-то гора «Думной» прозвана...

Девка-Азовка все на горе жила, добро Пугачева стерегла.

«Что же, дедушка, видал ее кто-нибудь после? — спросил я. — Может быть, и ты сам видел?»

«Я-то не видал, а которые видели, мне охотник один старичок говорил, что видел, и рубль пугачевский показывал. Места у нас тут, сам видишь, глушь какая. Всякой дичи — пропасть, особенно раньше было, теперь уже повыколотили. Охотникам сюда и любо было забираться, если кто не из пугливых. Вот один рассказывал: забрался он как-то сюда, стреляет да постреливает и не заметил, как вечер; побежал — домой засветло не дойти, шутка ли — двадцать верст. Набрел он на пещеру, решил в ней переночевать. Только с устатку забываться начал, точно кто толкнул его в бок — так и сел; смотрит и глазам не верит: свет какой-то особенный в пещере, груды золота, камней самоцветных, серебра, богатства навалено — и сосчитать нельзя; а около сидит девка-Азовка, добро пугачевское перебирает; смотрит на него так ласково, грустную песенку поет. Из себя она такая пригожая, белая да дородная, — грустит, видимо, что милый человек ее покинул. И так-то стала ласкаться да ластиться к охотнику, что у того сердце размякло. Незаметно так они всю ночь провели. А чуть свет Азовка и говорит, что расстаться пора. А тот глаз оторвать не может, то ли от нее, то ли от богатства пугачевского. Видит Азовка, что у него глаза разгораются, и говорит ему: «Если хочешь, возьми один рублевик за то, что помогал мне добро стеречь, а больше не бери — плохо будет — Пугачев не велел».

Взял охотник рублевик и только хотел подумать выйти из пещеры, глядь, а он стоит среди леса собака с ним, вьется у ног от радости; солнышко выглядывает из-за сосен, и никакой Азовки и пещеры как не бывало...»

6. **Про Полоза.** Записали В. Гаряев, Л. Кругляшев и Н. Кочергин в январе 1948 г. в г. Касли, Челябинской обл., от старателя П. С. Батина (78 л.). Рассказ интересен мотивом связи Полоза с местонахождением золота, который в ином плане развернут в сказах П. П. Бажова.

7. **Теперь вот совсем другая жизнь.** Записал Л. Кругляшев летом 1948 г. в д. Малая Лая, Кушвинского р-на, Свердлов. обл., от С. А. Зорихина (70 л.).

8. **Кронушка.** Записала студ. УрГУ Курбатова В. в 1946 г. в г. Свердловске от горщицы Федосьи Алексеевны Зверевой. Сказ основан на реальных фактах. Зверева действительно принесла в 1946 г. директору Свердловского краеведческого музея граненые хризолиты, преобразованные в сказе в «Кронушкины рубинчики». При этом она рассказала свой сказ про Кронушку.

Федосья Алексеевна — жена горщика Диомида Зверева, ее свекор — Данила Кондратьевич Зверев — знаменитый горщик, яшмодел и гранильщик, пользовался всероссийской славой. Он был другом акад. Ферсмана. Семью Зверевых посещали также акад. Крыжановский, проф. Матвеев и др. Сама Федосья Алексеевна неутомимый геолог-самоучка. В ее памяти еще сохранились отрывки горняцких преданий, песен и пословиц.

VII. СКАЗКИ

1. **Четыре брата.** Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердлов. обл., от С. А. Ананьина (77 л.). Семен Алексеевич Ананьин родился в сектантской семье («неплательщики», «немоляки»). Мать его, подобно героям сказки о четырех братьях, всю жизнь искала правду. Брат Семена Алексеевича, сидя в тюрьме за религиозные убеждения, близко сошелся с народовольцами и занес их взгляды в Михайловский завод. Однако народовольческие взгляды проникли сюда и без него. По отзывам многих старожилов (сам Ананьин этого точно не помнит), сказка о четырех братьях распространилась в Михайловском заводе в виде народовольческой листовки. Ананьин запомнил ее лет с 12—13, т. е. в середине 80-х гг. XIX в. Сказка о четырех братьях пользовалась огромным успехом среди лесорубов, углежогов и рабочих металлургического завода, широко бытуя в их среде и варьируясь. Только полной эпизодичностью и случайностью собирательской работы на Урале можно объяснить то обстоятельство, что эта замечательная по своему социально-идейному пафосу сказка не была записана в прошлом. С самого же начала она вызвала резкий протест со стороны заводской администрации, зажиточной и религиозно настроенной прослойки Михайловского завода. До революции Ананьин перепробовал ряд профессий. Он работал лесорубом на приисках, батраком и пимокатом, столяром и, как выражается сам Ананьин, крестьянствовал. Был связан с подпольной социал-демократической организацией Михайловского завода. Читать научился в детстве самоучкой, но писать не умеет. Пользуется большим уважением у местного насе-

ления. Про него говорят: «О, это мужик агроном, только что не ученый!» Ананьин резко отрицательно относится к религиозным текстам и к религии вообще. Хороший и увлекающийся рассказчик, он органически включает в художественную ткань рассказа свой житейский опыт, свои наблюдения над жизнью, т. е. Ананьин является сказителем творческого плана. В сказке о четырех братьях он ввел мотивы, отражающие социально-историческое прошлое Урала (быт и эксплуатация приисковых рабочих, лесорубов, их протест и т. д.).

2. **Поп и работник.** Записала М. Шабалина в январе 1948 г. в с. Быньги, Невьянского р-на, Свердлов. обл., от О. К. Удалых, бригадира Быньговского совхоза. Она же рассказала еще несколько сатирических сказок и анекдотов.

Андреев. Указатель. № 1775.

Уральск. вар.: Зеленин Д., № 47.

3. **Батюшка-ворожей.** Записали В. Гаряев, А. Шильникова и Г. Копытова в августе 1948 г. в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского р-на, Свердлов. обл., от П. Г. Краснова (72 л.). Петр Герасимович Краснов — коренной житель Михайловского завода. Грамоте научился самоучкой в годы службы в царской армии. Участник русско-японской войны, где получил тяжелое ранение. До революции батрачил и занимался сапожным ремеслом. Еще на военной службе прославился как исполнитель народных сказок. И в настоящее время окрестное население считает Краснова одним из самых лучших сказочников Михайловского завода. Репертуар Краснова неисчерпаем. Он знает множество сатирических анекдотов, побывальщин, волшебных сказок и реалистических сказок антиповского характера. Несмотря на преклонный возраст, Краснов бодр, обладает хорошей памятью, рассказывает увлекательно, оживляясь и постоянно акцентируя свое отношение к действующим сказочным героям. Был другом, и, видимо, испытал некоторое влияние замечательного сказителя Михайловского завода С. В. Онуфриева — отца К. С. Копысовой (см. выше).

См. Андреев. Указатель. № 1641;

Уральск. вар.: Зеленин Д., № 50.

4. **Телочка.** Записали В. Гаряев, Л. Кругляшев и Н. Кочергин в январе 1948 г. в г. Кагли, Челябинск. обл., от рабочего-литейщика В. И. Яскина (55 л.).

5. **Петр I и матрос.** Записал И. Я. Стяжкин в 1946 г. в г. Каменск-Уральске, Свердлов. обл., от М. С. Суворкова (67 л.). От него же записаны волшебные сказки и исторические песни. Сказка примыкает к сказкам о мудрых отгадчиках; прикрепившись к имени Петра I, она отразила и некоторые исторические моменты (Петербург, Сенат и т. д.), но основа ее коренится не в частных исторических фактах, а в социальной теме — культ демократического героя, его моральное превосходство над сенатом.

Андреев. Указатель. №№ 920—927.

6. **Заколдованная гора.** Записал Вл. Кукшанов в сентябре 1947 г. в г. Каменск-Уральске, Свердлов. обл., от А. А. Бутаковой (см. выше). В «Указателе» Андреева аналогичных сюжетов нет. Возможно, что «Заколдованная гора» — сказочная переработка какого-либо книжного источника. Несомненно, что здесь имеет влияние образа «Хозяйки гор», часто называемой на Урале «заколдованной девушкой».

7. **В некотором царстве, в некотором государстве.** Записала А. И. Долгих в августе 1948 г. на Дегтярском руднике, Ревдин-

ского р-на, Свердл. обл., от А. Ф. Паршуковой (73 л.). Агафья Федоровна Паршукова владеет большим репертуаром волшебных сказок, усвоенных ею от матери Ульяны Семеновны, которая по отзывам Паршуковой и других старожилов Дегтярки была замечательной сказительницей, знавшей бесчисленное множество волшебных сказок. Мать Паршуковой в свою очередь восприняла сказки от сказителей Дегтярки — богатейшего очага сказочного творчества. Паршукова рассказывает плавно, не торопясь. При рассказывании обязательно вяжет или прядет, без работы не может рассказывать, говоря «Сороки глаза выключают за безделье». Но в процессе рассказа часто отрывается от работы, жестами и мимикой усиливая образность и наглядность. Больше всего Паршукова любит сказки «долгие», симпатизирует своим героям, радуется их победам над «идолищами», «ягишнами», хорошо использует интонационные богатства сказки: у нее всегда можно отличить: говорит ли то Иван-царевич или Идолище и т. д. Часто ее рассказ состоит из диалога, без авторских слов. Между отдельными сказками обильно использует шуточно-скоморошьи побасенки (например, «Жила-была Потороча, одна нога у нее была короче, пошла Потороча в болото, стала на кочку, стали у нее обе ноги в точку» и т. д.). Знает Паршукова и много пословиц и поговорок. Причудливо соединяет разнообразные волшебные сказки в одну, не нарушая их целостности и темы.

Андреев. Указатель, № 300 А, 301 А.

8. **Мышь Настасья.** Записала А. Долгих летом 1948 г. на Дегтярском руднике, Ревдинского р-на, Свердл. обл., от А. Ф. Паршуковой (см. выше).

9. **Иван-русский богатырь.** Записали В. Гаряев, Л. Кругляшев и Н. Кочергин зимой 1948 г. в г. Касли, Челябинск. обл., от Е. Д. Клевцовой (84 л.). Евгения Дмитриевна Клевцова, по прозвищу старожилов — Клевчиха, коренная жительница г. Касли, происходит из рабочей семьи, вся жизнь ее связана с рыбачьим промыслом на каслинских озерах. Здесь среди рыбаков и от родственников Клевцова усвоила большой запас волшебных и новеллистических сказок. Прекрасно владеет традиционной сказочной образностью и стилистикой. Волшебные сказки Клевцовой насыщены элементами местного быта.

Андреев. Указатель. № 313 С, 313.

Уральск. вар.: Зеленин Д., № 24, 55, 67.

10. **Двенадцать богатырей.** Записал Н. А. Куштум в с. Покровском, Егоршинского р-на, Свердл. обл., от М. И. Гладких (59 л.), колхозницы, слышавшей сказку в детстве от своей бабушки А. И. Подшиваловой. Сказка, вероятно, прошла обработку в среде горнозаводских рабочих и отразила условия их быта.

Андреев. Указатель. № 563, 707.

11. **Про Кузьму Сарафанникова.** Записала А. Долгих летом 1948 г. на Дегтярском руднике, Ревдинского района, Свердловской области, от А. Ф. Паршуковой (см. выше).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редактора	3
М. Г. Китайник. Устное поэтическое творчество Урала.	4

І. ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ

1. Исторические песни и сказания

1. Соловей кукушечку уговаривал	27
2. Ермак и хан Кучум	28
3. О сынке Разина	30
4. Ты взойди-ка, взойди, да красно солнышко	31
5. Пугачевский клад	31
6. Сказание о Глашеньке, кержацкой дочери	32
7. На горах было Балканских	47
8. Поле наше чистое да турецкое	47
9. Похвалялись злы французы	48
10. Высоко звезда восходила	49
11. На взморье мы стояли	49

2. Рекрутские и солдатские песни

12. Не ковыль-травка шатается	50
13. Хотят, хотят доброго молодца	50
14. Как по Питерской-Московской по дорожке	51
15. Не кукуй-то ты, моя кукушка	51
16. Во Петропавловской было крепости	52
17. Вот наша долинушка	52
18. Ах ты, поле, ты, мое поле чистое	53
19. Как забрали меня, молодца, во солдаты	53
20. По горам-горам да высоким	54

3. Свадебные песни

21. Я не чаяла, не ведала	54
22. Отпусти, родимый тятенька	55
23. Покатилась да девья красота	55
24. Отдает меня мати	56
25. Разлилась, разлелеялась	57
26. Во саду было, во садичке	58
27. По улице-улице	58
28. Как у месяца — золоты рога	60

29. Вы цветы-то, мои цветики	61
30. Белый, кудреватый Иван-от Иванович	61
31. Черносливчатый яблочек	62
32. На горе-горе	63
33. Из-за саду, саду конь бежит	64
34. Не разливайся, мой тихий Дунай	65
35. Как по сеням, по сеничкам	65

4. Любовные и семейные песни

36. Уж ты, Глаша, моя Глашенька	66
37. Под кушетчатым окошечком	67
38. По бережку ходила молода	67
39. По речке лебедь белая плывет	68
40. Ах, голубка, ты, купка моя	68
41. Уж ты, бабочка, бабеночка моя	69
42. Уж ты, веюшко, соловеюшко	69
43. Ты, заря ли, моя зоренька	70
44. Во Невьянске стоит башня на боку	70
45. Стало солнышко из-за лесу выходить	71
46. Никогда тоски не бывало	71
47. Ох, вздохи мои, вздохи, растяжелые мои	72
48. Шел милый дорожкой, дорожкой столбовой	72
49. То не ласточка по полюшку летала	72
50. Красна девица сидела под окном	73
51. Все бы я по бережку ходила	73
52. У всех-то мужья молодые	74
53. По дорожке по пыльной	74
54. Разливалась уж ты, матушка, ты, широкая Тура	75

5. Шуточно-плясовые и игровые песни

55. Шандарба	76
56. Уж ты, моя ягодка, ягодка моя	77
57. Сею, сею я ленок	78
58. У меня квашня по избе прошла	79
59. Возьму козу за рога	81
60. В темном лесе, в темном лесе	81
61. Тропка, тропинка моя	83
62. Уж ты, мать моя, мамонька	83
63. Из-под дубу, из-под вязу	84
64. Заинька	85
65. За Яйвой, за Яйвой, за Яйвой за рекой	87
66. Завилецкую капустку поливала	87
67. Вспомни, вздумай, милый мой	88
68. Я вечер молоденька позднеенько шла	89
69. Что задумал наш комаричек жениться	89
70. Таракан дрова рубил	90
71. Девка платье мыла	91

6. Рабочие песни

72. Приказчик Ванька	92
73. Ой, вы камни-самоцветики	92
74. Старатель	93

7. Советские песни:

а) довоенного периода

75. Ой-да, сизы соколы	94
76. Три дня метели бушевали	95
77. Колхозная коробочка	96
78. Сталинский закон	96
79. Как солнцем с неба глянуло	97
80. Уж как Катя выходила на лужок	98
81. Ой, вы, горы, мои горы	98

б) периода Великой Отечественной войны

82. Товарищ боец, становись, запевай	99
83. Песня девушек-бойцов	100
84. Раскинулся лагерь широко	101
85. Бескозырка	103
86. На опушке леса старый дуб стоит	103
87. Удар	104
88. Герой-танкист	104
89. Волга, Волга-река	105
90. Товарищи, дружно, рубеж не сдавай	105
91. Не впервой на поле брани	106
92. Кантата о гвардейцах	106
93. Как стая сизокрылая	107
94. Широка небесная дорога	107
95. Серая шинель	108
96. Спят бойцы уставшие	109
97. Саперная боевая	109
98. Жили два фрица в одном полку	110
99. Строчит лихо пулемет	111
100. Крутится, вертится шар голубой	112
101. Пыль клубится под копытами коня	113
102. Застольная	113

II. ЧАСТУШКИ

1—177	116—142
-----------------	---------

III. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1—72	143—149
----------------	---------

IV. ЗАГАДКИ

1—6	150
---------------	-----

V. НАРОДНАЯ ДРАМА

Шайка разбойников	151
-----------------------------	-----

VI. ПРЕДАНИЯ И СКАЗЫ

1. Значит, это в старое время было	161
2. Основание Лаи	162
3. Пугачевский клад	162
4. Рыжанко	163

5. На Азове жила девка-Азовка	164
6. Про Полоза	164
7. Теперь вот совсем другая жизнь	164
8. Кронушка	164

VII. СКАЗКИ

1. Четыре брата	167
2. Поп и работник	175
3. Батюшка-ворожей	176
4. Телочка	178
5. Петр I и матрос	180
6. Заколдованная гора	182
7. В некотором царстве, в некотором государстве	184
8. Мышь Настасья	189
9. Иван-русский богатырь	191
10. Двенадцать богатырей	198
11. Про Кузьму Сарафанникова	203
Примечания	207

Редактор А. САЛЫНСКИЙ

Подписано в печать 18/VI 1949 г.

Печатн. л. 14³/₄. Уч.-изд. л. 12, 98.

НС 27001. Формат 54×84¹/₁₆.

Тираж 15000. Заказ № 19.

Цена 7 р. 50 к.

5-я типография Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Свердловск, ул. Ленина 47.

W...A.

6

13

5

